

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

14

**МОСКВА
2013**

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н., доц. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н., проф. С.И. Реснянский,
д.и.н., проф. Б.А. Ручкин

На обложке:

Главное здание Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Историческое обозрение. Вып. 14. М.: Изд-во НИБ, 2013. – 116 с.

10 декабря 2012 года кафедра источниковедения исторического факультета МГУ и научный ежегодник «Историческое обозрение» провели Вторые межрегиональные научные чтения памяти В.А. Плугина. Исследовательский форум посвящался проблемам источниковедения российской истории дореволюционного периода, а также научному творчеству самого В.А. Плугина.

Помимо преподавателей, сотрудников и аспирантов исторического факультета МГУ, в Чтениях приняли участие представители Института Российской истории РАН, Государственного исторического музея, Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени преп. Андрея Рублева, Московского гуманитарного университета, редакции научного ежегодника «Историческое обозрение», Института переподготовки и повышения квалификации МГУ, ГУКМ «Новый Иерусалим», Музея «Большой Кремлевский дворец», Московского государственного университета печати, Брянской государственной сельскохозяйственной академии.

© Авторы статей, 2013

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5/1, к. 6
Подписано в печать 14.05.2013. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА В.А. ПЛУГИНА

Абрамова Н.Г., к.и.н. (МГУ)

В.А. Плугин и кафедра источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 5

Наумова Г.Р., д.и.н. (МГУ)

Научное наследие В.А. Плугина в историографии истории России 10

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Стариков Ю.С. (МГУ)

Сочинения митрополита Московского Даниила как источник по истории русской общественной мысли XVI века 15

Алексеев С.В., д.и.н. (МосГУ)

Южнославянские средневековые источники по истории Руси 21

Володихин Д.М., д.и.н. (МГУ)

Проблема хронологической трактовки статьи Судебника 1550 года о введении новых статей 27

Богомазова А.А. (МГУ)

Отводные книги Соловецкого монастыря как источник по истории морского хозяйства обители (XVI – первая половина XVII в.) 31

Пушков В.П., к.и.н. (МГУ)

Книжные покупки города Владимира в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела) 38

Круглова Т.А., к.и.н. (МГУ)

Адресат письма А.П. Крылова об осаде Яицкой крепости (1774 г.) 45

Елисеева О.И., к.и.н.

Игры памяти. Проблема достоверности в «Записках» Е.Р. Дашковой 50

Алексеев В.В., к.и.н. (МГУ)

О приёмах работы М.В.Ломоносова с историческими источниками 57

Сиротина О.А. (ГИМ)

Из писем П.С.Уваровой (А.И.Анисимов и новгородские древности) 63

Жарова Е.Ю., к.б.н. (Брянская государственная сельскохозяйственная академия)

Издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как исторический источник по истории высшего образования в дореволюционной России 68

<i>Зайцева А.В. (МГУП)</i> Учебные издания студентов дореволюционной России: экзем- пляр как исторический источник	74
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ	
<i>Уханова Е.В., к.и.н. (ГИМ)</i> <i>Горячева Т.Д. (МГУ)</i> Об изображении неизвестного святого в Кирилловской церкви в Киеве (XII век)	80
<i>Строганова Ю.А., к.и.н. (Музей «Большой Кремлевский дворец»)</i> Росписи Золотой Царицыной палаты в Московском Кремле, проблемы изучения памятника	88
<i>Веселова С.С., к. иск. (МГУ)</i> Изучение зимних садов в российских дворцах и особняках XVIII – начала XX в. К характеристике источников	94
Программа II Межрегиональных научных чтений памяти про- фессора В.А. Плугина	100
Резюме/SUMMARY	107

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА В.А. ПЛУГИНА

Абрамова Н.Г., к.и.н. (МГУ)

В.А. Плугин и кафедра источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Сегодня мы собрались на научные чтения памяти профессора кафедры источниковедения исторического факультета МГУ Владимира Александровича Плугина (30.07.1937 – 6.12.2003). Коллектив кафедры помнит ее истоки, людей, в течение длительного времени работавших на нашей кафедре и внесших существенный вклад в ее создание и развитие. Мы регулярно проводим научные конференции памяти ушедших из жизни коллег – И.Д. Ковальченко, В.И. Бовыкина, А.В. Муравьева¹. Во второй раз мы проводим конференцию памяти В.А. Плугина², и в этом году она приурочена к 75-летию со дня его рождения. Сознательно оставляя за рамками сегодняшнего выступления анализ научной и педагогической деятельности Владимира Александровича Плугина, хотелось бы напомнить присутствующим о том, что было сделано им за 35 лет труда на нашей кафедре.

Владимир Александрович Плугин не был выпускником кафедры источниковедения. В 1960 году он закончил кафедру истории СССР пери-

¹ Были проведены четыре международные конференции, посвященные памяти заслуженного профессора Московского Университета, академика РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995) – 1996, 1998, 2003, 2008. Изданы: «Материалы научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко» (1997), «Проблемы источниковедения и историографии (Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко)» (2000); «Проблемы методологии и источниковедения (Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко)» (2006), «Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке (Материалы IV научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко)» (2009). Состоялись четыре всероссийские научные конференции, посвященные памяти профессора В.И. Бовыкина (1927–1998) – 1999, 2002, 2007, 2012. Изданы: «Россия на рубеже XIX-XX веков. (Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина)» (1999), «Россия в XIX-XX вв. (Материалы II научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина)» (2002). Материалы III научных чтений опубликованы на сайте исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: [http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/.](http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/)) Проведено шесть научных конференций, посвященных памяти профессора А.В.Муравьева (1924–1993) – 1996, 1997, 1998, 2001, 2004, 2009. Изданы: «От Московского государства до Российской империи». Тезисы докладов участников III научных чтений памяти А.В. Муравьева, 1998; Научная конференция «Проблемы истории отечественной культуры (IX–XX вв.)» // Вестник МГУ. Сер. История. 2001. № 6; «История Московского университета 1755-2004 гг.» (Материалы V Научных чтений памяти профессора А.В.Муравьева, 2004).

² В 2007 году состоялись первые научные чтения, посвященные памяти профессора В.А. Плугина (1937–2003). Материалы Научных чтений изданы в сборнике «Историческое обозрение» (Вып. 8. М.: ИПО-ЗАО «Мануфактура», 2008).

ода феодализма (теперь – истории России до начала XIX века). А уже в аспирантуре в 1964–1967 годах учился на кафедре источниковедения истории СССР. С января 1968 года до последнего дня своей жизни – 6 декабря 2003 года – он являлся сотрудником кафедры источниковедения. Даже в последние месяцы, когда любое передвижение давалось ему с колоссальным трудом, он вел занятия, прилагая для этого значительные физические усилия, и только просил сконцентрировать пары в один-два дня.

На кафедру В.А. Плугин пришел после работы во Владимиро-Суздальском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике, где зародилась и окрепла его тяга к изучению памятников древнерусского искусства и творчества Андрея Рублева. В 1969 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мировоззрение Андрея Рублева» (научный руководитель – М.Т. Белявский, консультант – В.Н. Лазарев). В 1994 году была защищена докторская диссертация «Андрей Рублев и духовная жизнь Руси конца XIV – первой трети XV вв. (Комплексное исследование изобразительных и письменных источников)». С 1974 года он доцент, в 2000 году становится профессором кафедры источниковедения.

Именно во время работы на кафедре (а во многом и благодаря этому) В.А. Плугин стал признанным специалистом в области отечественной истории периода феодализма и культуры средневековой Руси. Он занимался разработкой малоизученных проблем источниковедения письменных и изобразительных источников, средневекового искусства и военной истории России XVIII века, на основе принципов комплексного источниковедения осуществлял глубокий и всесторонний анализ изобразительных источников, в частности древнерусской иконописи. Его доклады и выступления на различных конференциях, на заседаниях кафедры и методических семинарах всегда отличались новаторством в постановке тем, творческим решением дискуссионных вопросов. Ученый внес весомый вклад в развитие отечественной историографии многих малоизученных проблем отечественной истории и культуры, одним из первых обратился к изучению изобразительных источников, стал поистине крупнейшим специалистом по творчеству Андрея Рублева.

Несомненно, время работы на кафедре было расцветом научных исследований историка. Нельзя не назвать хотя бы несколько из многочисленных научных и научно-популярных работ В.А. Плугина: «Мировоззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник» (М., 1974); «Алехан или человек со шрамом. Жизнеописание графа А.Г. Орлова-Чесменского» (М., 1996); «Разведка была всегда» (в соавторстве с А. Богдановым и П. Шереметом) (М., 1998); «Мастер святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублева» (М., 2001); «Russian Intelligence Service» (Vol. 1. New-York, 2001) и др.

Результаты научных изысканий ученого нашли отражение не только в монографиях и опубликованных статьях. В.А. Плугин является

автором глав в учебнике «Источниковедение истории СССР» (М., 1981), учебном пособии по истории русского и советского изобразительного искусства, составителем «Сборника документов для практических занятий по источниковедению истории СССР» (Вып. 1. М., 1980), ряда альбомов, посвященных древнерусской живописи и архитектуре.

Большое внимание В.А. Плугин уделял преподавательской работе. Он постоянно читал лекции по общим и специальным курсам, вел семинарские занятия. Он читал курс лекций по источниковедению отечественной истории (до середины XIX века), вел семинары по источниковедению, практические занятия по палеографии, читал курсы по вспомогательным дисциплинам (хронологии и метрологии). Неизменный интерес вызывали у студентов его специальные курсы, которые всегда охотно посещало большое количество слушателей. Практически каждый год Владимир Александрович читал новый спецкурс. В центре многих из них была фигура Андрея Рублева, около десяти курсов лекций так или иначе посвящено мировоззрению и творчеству великого художника и мыслителя Древней Руси. Тематика других спецкурсов очень разнообразна. Вот названия лишь некоторых из них: «Русские художники XI–XIV и XV–XVI вв. Персоналии»; «Русский иконостас XIV–XVI вв.»; «Древнерусская живопись: методы источниковедческого анализа»; «Русь на изломе истории. Язычество. Язычество и христианство при Святославе и Святославичах»; «История тайных служб в России»; «Троичная тема в восточно-христианской и древнерусской культуре»; «Русь между Востоком и Западом XIII–XIV вв. Характеристика русской цивилизации. Гипотезы и факты» и др.

В своем автобиографическом очерке для «Энциклопедического словаря Московского университета. Исторический факультет» (М., 2004) профессор указал, что за годы работы на кафедре он был руководителем более чем 30 дипломников, под его руководством защитили свои кандидатские диссертации 3 аспиранта (В.Л. Журавлева, Е.В. Уханова, Д.М. Володихин). В архивах кафедры имеются сведения о 25 дипломниках Владимира Александровича, первый из которых защитился в 1974 году, а последний – в 2002. После смерти учителя еще один его студент защитил дипломную работу, а двое из его учеников – Н.В. Смирнова и А.Б. Конотоп – кандидатские диссертации. В этом им помогали коллеги В.А. Плугина по кафедре А.Г. Голиков и Т.А. Круглова. В тематике его спецсеминаров отражалась широта его научных интересов – это и источниковедение изобразительных источников Древней Руси и России XVIII–XIX вв., и источники и методы изучения исторической психологии русского народа, и источниковедческие аспекты общественно-политической и военной истории екатерининского времени и многое другое. Проблематика кандидатских диссертаций учеников В.А. Плугина также свидетельствует о его широком научном кругозоре. Это комплексный источниковедческий анализ серебряного дела городов русского севера и культа св. Климента, папы Римско-

го; Патриаршего приказного архива и подлинных анекдотов о Петре Великом Я.Я. Штелина, иконы «Страшный суд» из национального музея Швеции. Сегодня на кафедре источниковедения работают два ученика Владимира Александровича – доктор исторических наук, доцент Д.М. Володихин и специалист по учебно-методической работе Т.Д. Горячева.

В.А. Плугин на протяжении многих лет руководил студенческой производственно-ознакомительной практикой, колесил с третьекурсниками по городам и весям родной страны, знакомил их с памятниками истории и культуры, учил азам музейной, и в частности экскурсионной работы. Он вел на историческом факультете кружок для студентов по изучению истории и культуры городов Владимиро-Суздальской Руси, выступал за пределами факультета с лекциями по истории отечественной культуры. А еще он был чемпионом Московского университета по фехтованию, участвовал в соревнованиях на первенство Москвы и России.

Мне довелось в студенческие годы в середине 70-х годов учиться у В.А. Плугина. Он вел в нашей группе занятия по палеографии, хронологии и метрологии. Группа у нас была большая – 15 человек, и мы почти в полном составе пошли к нему на спецкурс по Андрею Рублеву. Надо заметить, что двое студентов из нашей группы специализировались у Владимира Александровича. Именно у него мы учились разбирать древнерусские надписи на памятниках и иконах, буквенные обозначения цифр, читать старые тексты, понимать древнерусскую живопись. Мы узнали, из каких ярусов состоит иконостас, что такое деисусный чин, как можно заранее узнать дату пасхи на любой год, рассчитав её по формуле Гаусса, что такое Господские праздники и когда бывают посты, что такое мартовский и ультрамартовский годы, что храм – это символ мира, что сажени бывают самыми разными, а ефимки бывают «с признаки» и еще многое другое, что зачастую для студента того времени было откровением. У меня до сих пор сохранились конспекты его лекций. Они не лежат мертвым грузом. Во время подготовки совместно с Т.А. Кругловой учебного пособия по вспомогательным историческим дисциплинам я их тщательнейшим образом просматривала³.

Владимира Александровича Плугина помнят не только его ученики. Года два назад мне посчастливилось оказаться в Псковском Кремле в составе группы экскурсантов. Как же приятно было услышать во время обычной экскурсии, которых там бывает по нескольку в день, об историческом факультете МГУ, о Владимире Александровиче Плугине, его научных изысканиях и его помощи работникам местного музея. И это спустя уже несколько лет после его ухода из жизни.

³ *Абрамова Н.Г., Круглова Т.А.* Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.

Не забывают о В.А. Плугине и его научных исследованиях и на кафедре источниковедения. Это выражается не только в проведении научных чтений его памяти. На кафедре продолжают заниматься интересовавшими его проблемами. Надо отметить, что в новый учебный план, подготовленный в связи с переходом на двухуровневую систему образования бакалавр-магистр, кафедра включила в качестве обязательных для своих студентов курсы «Источниковедение изобразительных источников», «Историческая хронология» и «Историческая метрология». Имя В.А. Плугина благодаря стараниям его коллег заняло достойное место в истории исторического факультета и кафедры источниковедения. Его работы включены в списки литературы в программах курсов, о нем рассказывают студентам на занятиях по источниковедению и историографии, вспомогательным историческим дисциплинам. О нем имеется *Personalia* в «Энциклопедическом словаре Московского университета. Исторический факультет» (М., 2004), о его исследованиях упоминается в разделе «Источниковедение и историография» коллективного труда «Историческая наука в Московском университете. 1755–2004» (М., 2004), подготовленных к 70-летию факультета; о его научной и педагогической деятельности сообщается в «Летописи Московского университета. Исторический факультет» (М., 2009), говорится о нем и на страницах учебного пособия по «Историографии истории России», подготовленного сотрудниками кафедры (М., 2008).

Наумова Г.Р., д.и.н. (МГУ)

Научное наследие В.А. Плугина в историографии истории России

Оценивая значение научного творчества В.А. Плугина для российской историографии, мы отдаём себе отчёт в том, что делаем лишь первый шаг. Чувствительный, или, точнее, чувствующий ум Владимира Александровича может быть охарактеризован как явление историографии в первую очередь, а может быть исключительно историографии истории России. Чувствительный «русский ум»⁴ В.А. Плугина несомненно был научным в общепризнанном значении этого понятия.

Очевидно, что его творчество неотделимо и от проблемной историографии целого ряда тем российской истории. Он изучал историческую действительность России разных эпох, от Древней Руси до Великой Отечественной войны. Но вершиной его творчества стало исследование «трудов и дней Андрея Рублёва». Именно при постижении этого явления народной жизни особенно ярко проступили черты научного почерка учёного.

Сразу оговоримся, что подход с позиции актуализируемой сегодня «интеллектуальной истории» был бы, скорее всего, непригоден для оценки творчества Плугина. В первую очередь потому, что распространение парадигмы «интеллектуальной истории» базируется на посылке об изменении природы исторического познания и природы исторического знания вообще. Природа этой трансформации коренится, с точки зрения приверженцев идеологии «интеллектуальной истории», в глобализации, оказавшей, по их мнению, радикальное воздействие на экономику и политику в мире. Она якобы спровоцировала интеллектуальную реакцию, пробудив интерес к миграционным процессам в мире, к мобилизующей роли этнического сознания, к «глобальной истории» и т.д.

Носители идеи «интеллектуальной истории» вновь задают старые идеологические вопросы: «Что даёт история для решения наболевших вопросов существования людей в становящемся всё теснее и всё взрывоопаснее мире?»⁵. Научное творчество В.А. Плугина явно не укладывается в створ ответов на этот и аналогичные простые вопросы, предлагающие историкам если не оправдываться за своё творчество, то, по крайней мере, искать специальной социальной санкции.

Плугину была свойственна высокая форма сосредоточенности на предмете исследования. Причём индивидуальный почерк учёного создавал реальную возможность для преодоления дистанции, которая неизбежно существует между историком и той действительностью, которую он изуча-

⁴ Подробно об этом см.: *Павлов И.П.* Рефлекс свободы. М.–СПб., 2011. С. 125.

⁵ *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.14.

ет. Тем более, когда учёный изучает давно прошедшее, оставившее едва уловимый психологический след, трудно интерпретируемый духовный образ и едва заметные материальные знаки.

Над главной своей темой, темой Андрея Рублёва, Плугин работал постоянно и был в этом творчески неутомим. Как истинный учёный он развивал свои представления об объекте изучения, о той действительности, которая ему открывалась. Он прямо говорит и об эволюции своих взглядов: «Если раньше нас интересовало отражение в искусстве великого мастера философско-богословских движений и течений его эпохи, таких злободневных и вместе с тем вечных этических вопросов человеческого бытия, как вопросы общественной справедливости, нелицеприятного, праведного суда, то главная внутренняя тема настоящей книги, углубляющая представление о фундаментальных основах мировидения художника, – участие Андрея Рублёва в духовных исканиях русского общества, в борьбе русского народа за решение стоявших перед ним исторических национальных задач, за преодоление “ненавистной розни мира сего”»⁶.

Благодаря творчеству Плугина нам открылось мировоззрение русского человека эпохи, важнейшей для становления исторического сознания народа, – эпохи Сергия Радонежского. Был брошен мост между Иларионом и Филофеем. Плугин первым из историков задался вопросом, какова роль в духовном формировании Рублёва национальных художественных и культурных традиций и что они собой представляли? Он изучает произведения иконописца во всей сложности их связей с исторической действительностью.

Так выявляются через свойства художественно-декоративной системы Рублёва компоненты определённой структуры мировоззрения. Мировоззрение трактовалось Плугиным как порождение конкретной культурной, идеологической и политической ситуации: «Ведь стиль – понятие сложное и многоуровневое. Он характеризует и художественную школу, в недрах которой сложился живописец, и его реальное творческое окружение, и эпоху, которую он переживал вместе со своим народом, и, наконец, его собственную индивидуальность, творческую самобытность. Равнодействующую всех художественных и духовно-культурных векторов, охватываемых понятием стиля, можно квалифицировать в итоге как категорию по преимуществу мировоззренческую»⁷.

Исследовательские научные методы Плугина были под стать той действительности, которую он постигал. Сам он, говоря о направлении своего историко-биографического подхода к жизни и творчеству Рублёва, подчёркивал, что кроме простых биографических сведений надо искать и находить ответы на вопросы, где и когда привили ему любовь к живописи,

⁶ Плугин В.А. Мастер Святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублёва. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. С.12.

⁷ Там же. С. 11.

где и когда он сделал первые шаги в искусстве, кто был в числе его товарищей и продолжателей. Изучая биографию Рублёва необходимо тщательно выявлять литературные тексты, которые могли вдохновлять художника, внимательно вчитываться в них. Научные принципы Владимира Александровича толкали его к созданию системы, открытой для реконструкции и поиска.

Под стать этому подходу и его взгляд на категорию времени. Время – это, для Плугина, не простая хронология событий; это для него категория качества: «И вот на этой зыбкой грани, когда Рублёв либо ещё не появился, либо только-только появляется перед нами из исторического небытия (грани не столько, впрочем, хронологической, сколько качественной), мы попытаемся рассмотреть проблему участия художника в создании Благовещенского иконостаса»⁸. Историческое бытие или небытие – вот значимые для учёного категории. Из исторического небытия проявляется изучаемая им действительность.

Так же и пространство. Плагин наблюдает два пространства: имеющее три измерения и сакральное пространство иного мира, явленное в обратной перспективе, и обнаруживает их совмещение в иконе и иконостасе: «Перекрыв пространство алтаря на всю ширину и приблизительно на две трети высоты (на уровне конхи абсиды), русский высокий иконостас выполнил свою основную задачу – способствовать усилению сакрализации, драматизации, мистической таинственности богослужения, то есть тех качеств и особенностей, которые характеризовали литургическое действо в эпоху распространения исихазма»⁹.

Плагин не просто был знатоком источников. Скорее всего, он умел сливаться с источниками, образовывать особую систему, в которой не было отдельно письменных, отдельно изобразительных, отдельно устных памятников. Рука об руку шли для него письменная традиция и устная легенда о Рублёве. Он был окружён его образами, даже не имея их перед глазами. При этом впечатляет строгость его атрибуций, находчивость при пересмотре привычных атрибуций памятников, блестящие навыки реконструкции.

Особенно ярко и наглядно черты научного почерка Владимира Александровича выявились при изучении «Троицы». Здесь всё: и значение и эволюция Троицкой темы, происхождение и датировка памятника, особенности её формы и содержания, и поиск аналогичных по сюжету памятников средневекового искусства Православного мира. А главное – осмысливание исторической обусловленности появления этого памятника. Причём осмысление на всех возможных уровнях и срезах. Мы скажем: глубоко-

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же. С. 447.

чайшее источниковедение, историческое источниковедение изобразительных источников, и упростим тем самым метод, которым владел Плугин.

При всей важности научного метода историку, в том числе преподавателю, не следует недооценивать роль слова. Подбирать слова, уточнять их смыслы, приспособливать глубину слова к выражаемому им научному выводу не всегда просто. Плугин был чрезвычайно глубоко исторически начитан. Его научный язык, его устная речь, его научно-популярный слог отличаются точностью, ясностью и одновременно лёгкостью. Природа этих свойств – в эмпирической и экспериментальной фундированности научного творчества учёного. Он не рассуждал с чужих слов. Его наблюдения и выводы были глубоко индивидуальны и базировались на взаимодействии с изучавшейся им действительностью. Слово как «прорывы в вечность»!

Как учёный Плугин был неудобен и строптив, как профессор – требователен и лоялен. Страстность и неуступчивость Владимира Александровича проявлялась в научной критике оппонентов, с которыми он не соглашался. Тема Рублёва была для него особенной.

Вот поучительная во всех смыслах реакция Владимира Александровича на книгу двух известных археологов¹⁰. Авторы учебного пособия сформулировали своё отношение к советской научной практике через утверждение о наличии «неправомερных перекосов», связанных с чрезмерным вниманием к некоторым проблемам древнерусского церковного искусства, например творчеству Андрея Рублёва.

Плугин отбил удар, прибегнув к таким вполне научно корректным определениям: «нечто невероятное», «от откровений захватывает дух», «с какой целью два доктора-археолога предали гласности свою неосведомлённость в вопросах древнерусской живописи». А назвав учреждения, поддержавшие издание пособия, коснулся и вопросов образования: «Вот какие серьёзные организации озаботились тем, чтобы обеспечить воспитание у студентов глухоты к прекрасному и пренебрежения к памяти одного из величайших людей России»¹¹.

Неуступчивость и неудобность Плукина не следует трактовать, как традиционно свойственное нашей интеллектуальной элите тяготение к некой абсолютной свободе мысли. Учёный в тонкости владел историографическим методом. Он прекрасно знал всё, что писалось и говорилось о предмете его внимания до него, вместе с ним, какие гипотезы уже назрели. Начиная своё исследование дней Рублёва, он настойчиво формулирует: «Мы по-прежнему плохо знаем историю создания рублёвских произведений, даже таких, постоянно находящихся в центре внимания исследовате-

¹⁰ *Беляев Л.А., Чернецов А.В.* Русские церковные древности. Археология христианских древностей средневековой Руси. М., 1996.

¹¹ *Плугин В.А.* Мастер Святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублёва. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. С.14.

лей, как «Троица» или Звенигородский чин. Крайне неудовлетворительно разбираемся в их глубинном образном содержании и мировоззренческой сущности. Очень приблизительно представляем творческую лабораторию мастера, специфику его художественного мышления и изобразительного языка, этические и эстетические идеалы, краеугольные основы мировидения»¹².

Творчество Плугина прекрасно вписывается в характеристику особенностей русской научной исторической школы. Его принадлежность к советской историографии истории России также очевидна. Метод, предложенный в своё время Л.П. Карсавиным, подходы, знакомые нам по творческому наследию П.А. Флоренского, то, что с блеском было реализовано академиком Б.А. Рыбаковым в том числе в его фундаментальном исследовании «Ремесло Древней Руси», получили дальнейшее развитие в творческом методе Плугина. Одновременно благодаря творчеству Владимира Александровича Плугина мы можем судить о тех реальных практиках, которые развивали отечественную историческую науку во второй половине XX века, в период методологического поиска, разрыхлившего почву советской науки.

¹² Там же. С.10.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Стариков Ю.С. (МГУ)

Сочинения митрополита Московского Даниила как источник по истории русской общественной мысли XVI века

Митрополита Московского и всея Руси Даниила (1522–1539 гг.) справедливо можно назвать одним из самых значительных писателей и проповедников в России первой половины XVI века. На сегодняшний день сохранилось более 60 его сочинений, что в целом для авторов русского средневековья является весьма редким, но ценным исключением.

В основе произведений Даниила лежит стремление к духовному руководству вверенной ему паствой. Своим словом митрополит стремился обличить наиболее заметные общественные пороки своего времени и направить современников на путь благочестивой христианской жизни. По мнению исследователей, «слова, поучения и послания Даниила рисуют их автора аскетом и моралистом, обличающим ярко изображаемые пороки современного ему общества – пьянство, блуд, праздность, мирские игры, роскошь, щегольство»¹. В связи с этим Даниила также называют «талантливым сатириком», который, используя живой и даже «разговорный» язык, сумел ярко и образно охарактеризовать нравы различных слоёв московского общества первой половины XVI в.²

Тематика сочинений Даниила очень разнообразна. Много слов и поучений митрополит посвятил раскрытию основ христианского вероучения и нравственности, обличению еретических идей, проблеме взаимоотношения Церкви и государства, а также теме монастырского общежития. Обо всём этом Даниил писал самой различной аудитории. Его послания были адресованы простым монахам, епископам, игуменам, знатым боярам и князьям, и, конечно, самому Василию III.

По характеру своего образования митрополит Даниил принадлежал к школе древнерусских книжников, в представлении которых, по мнению В.И. Жмакина, высшим началом всего просвещения являлись «божественные писания, при полном отсутствии критического элемента к религиозно-церковным авторитетам»³. Действительно, все свои мысли Даниил подтверждал цитатами как из Священного Писания, так и из творений святых отцов. Ему были известны как переводные (патерики, Кормчая, Алексан-

¹ Макарий (Веретенников), архим., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Даниил // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 14. С. 73.

² Буланин Д.М. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 184; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.–Л., 1947. С. 127.

³ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 15.

дрия, хроники), так и славянские (сочинения митрополита Илариона, Евфимия Тырновского, летописи) произведения⁴. Однако, нельзя утверждать, что митрополит слепо копировал чужие идеи, был «простым копистом», а сочинения его были «несамостоятельными» (в отличие от сочинений «нестяжателей»)⁵. Е.Е. Голубинский, полемизируя с В.И. Жмакиным по этому вопросу, отмечал, что консерватизм, свойственный прп. Иосифу Волоцкому и митрополиту Даниилу «был не бессознательно-невежественный, а напротив сознательно-просвещённый», который «при помощи знаний, ума и диалектики»⁶ отстаивал свои позиции.

В.И. Жмакин, сопоставляя слова митрополита из его прижизненного сборника, попытался определить структуру этих сочинений. Каждое из них, по словам историка, можно разделить на три части. В первой Даниил приводит вступление на тему послания, «развивает, или скорее в разных выражениях и с некоторыми подробностями повторяет основную мысль слова», «говорит сам, высказывает свои собственные мысли»⁷. Эту часть, пишет учёный, можно рассматривать «как отдельное и самостоятельное поучение»⁸. Вторая часть – самая значительная по объёму – представляет из себя подборку цитат из Священного Писания и святых отцов, которые служат доказательством тезисов данного слова. Даниил, по-видимому, полагал, что это самая важная часть его сочинений, и потому приводил здесь очень большое количество выдержек. По подсчётам В.И. Жмакина, их число простирается от пятнадцати до ста⁹. И, наконец, третья часть сочинений Даниила – это определённый наказ, нравственное наставление, которое подводит итог всем предыдущим размышлениям автора. Аналогичную структуру имеют и послания Даниила, с тем лишь отличием, что в них деление на три части выдерживается не столь отчётливо.

Очевидно, что общая структура сочинений митрополита выдержана в духе классического церковно-апологетического трактата¹⁰. Некоторые исследователи полагают, что форма сочинений Даниила является «типической формой для всей вообще древнерусской письменности» и представляет из себя «типический вид литературных произведений, которыми и за-

⁴ Буланин Д.М. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 184

⁵ Жмакин В.И. Указ. соч. С. 291–292.

⁶ Голубинский Е.Е. Разбор сочинения В. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения» // Отчёт о присуждении наград графа Уварова. СПб., 1883. С. 31.

⁷ Жмакин В.И. Указ. соч. С. 288.

⁸ Там же. С. 288.

⁹ Там же. С. 289.

¹⁰ В.И. Жмакин предположил, что на форму сочинений Даниила повлияли творения духовного писателя Никона Черногорца, которые были очень популярны в Древней Руси. См.: Жмакин В.И. Указ. соч. С. 292–293.

канчивается как древнерусская церковная письменность, так в частности и древнерусское проповедничество»¹¹.

Вместе с тем, по справедливому замечанию того же В.И. Жмакина, каждое слово Даниила в отдельности «есть скорее ученый трактат, чем простое поучение», а весь сборник в целом – это самостоятельное целое, «церковная энциклопедия» своего времени¹².

Попытка классифицировать сочинения митрополита Даниила была предпринята В.И. Жмакиным¹³ и В.Г. Дружининым¹⁴. По существу, они абсолютно схожи между собой, за исключением того, что классификация В.Г. Дружинина значительно полнее и конкретнее. Поэтому именно на его схему впоследствии опирались практически все исследователи жизни и творчества митрополита Даниила.

Все сочинения Даниила учёные делят на несколько больших частей по их жанровой принадлежности. Первая группа – это Сборник из 16 слов, созданный ещё при жизни митрополита. Рукописные списки сборника впервые были подробно описаны А. Поповым¹⁵, А.В. Горским и К.И. Невоструевым¹⁶. В этих описаниях приводится оглавление слов, которое записано в самой рукописи сборника. Примечательно, что каждому слову рукопись присваивает не только название, но и свой номер, что значительно облегчает их учёт и классификацию. Позднее этот же принцип положили в основу своей схемы В.И. Жмакин и В.Г. Дружинин, окончательно закрепив за каждым словом его изначальный номер (от 1 до 16) и заглавие.

В качестве второй группы сочинений В.И. Жмакин и В.Г. Дружинин выделяют «Поучение Данила, митрополита всея Руси». Также и третья группа, по мнению В.Г. Дружинина, состоит только из одного произведения – Окружного послания митрополита Даниила. В.И. Жмакин не выделяет это сочинение отдельно, а относит его к общему списку посланий митрополита.

Четвёртую обширную группу сочинений составляют послания Даниила к разным лицам. Всего таких посланий и В.И. Жмакин, и В.Г. Дружинин насчитывают 18, из которых первые 14 собраны в специальный сборник, и, как и слова митрополита, имеют в рукописи своё заглавие и нумерацию (от 1 до 14). Отличие схем учёных касательно этой группы состоит в том, что Жмакин под 15-м номером поместил Окружное послание

¹¹ Там же. С. 293–294.

¹² Там же. С. 290.

¹³ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. С. 259–274.

¹⁴ Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI век // *Летопись занятий Археологической комиссии*. СПб., 1909. Вып. 21. С. 20–26.

¹⁵ Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова / Сост. А. Попов. М., 1872. С. 222–225.

¹⁶ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей. М., 1862. Отд. 2. Т. 3. С. 147–164.

мирополита¹⁷, а Дружинин – ответ Даниила «к некоему христороубцу, въпросившу его о здравии»¹⁸.

Долгое время считалось, что сборники слов и посланий Даниила, некоторые отдельные послания и административные документы составляют полный список сочинений митрополита. Однако, в 1909 г. В.Г. Дружинин обнаружил и опубликовал ещё 26 анонимных посланий, авторство которых историк вполне справедливо приписал Даниилу¹⁹.

Таким образом, достоверно известно, что перу митрополита принадлежат как минимум 16 слов, одно Поучение, Окружное послание и 18 посланий к разным лицам (всего 36 сочинений). Как видим, Даниил был автором и других (опубликованных В.Г. Дружининым) 26 посланий, которые вполне можно отнести к четвёртой группе его сочинений. Исходя из этого, полный список известных на сегодняшний день трудов митрополита Даниила, за исключением административной документации и отреченной грамоты, будет включать 62 его сочинения.

По словам В.И. Жмакина, несмотря «на значительность известных доселе сочинений Даниила, можно с уверенностью сказать, что в действительности число их было гораздо больше»²⁰. Безусловно, дошедшие до нас труды – это, по всей видимости, только небольшая часть всего литературного наследия митрополита. Так, в описях книг Волоколамского монастыря упоминается неизвестная нам духовная грамота Даниила²¹. Не сохранилась до настоящего времени и переписка великого князя с митрополитом.

К числу сочинений, автором которых предположительно может быть митрополит Даниил, В.Г. Дружинин относит трактат в защиту монастырских вотчин – «О святых божественных церквах и о возложенных Божиих стяжаниях церковных и о восхищающих таковая и насилствующим». Некоторые исследователи XIX в. приписывали Даниилу и сохранившееся

¹⁷ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. С. 267.

¹⁸ Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. С. 26. В.И. Жмакин это сочинение относит к категории «частного письма» митрополита и не включает его в общий перечень. См.: Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. С. 278–279.

¹⁹ Такой вывод В.Г. Дружинин делает на основании адресатов посланий, обращений, которые в них употребляются, а также их структуры. См.: Дружинин В.Г. Указ. соч. С. 26–27.

²⁰ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. С. 274.

²¹ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 33. Существует мнение, что этой грамоте соответствует лишённое заголовка послание № 28, в издании В.Г. Дружинина (Дружинин В.Г. Указ. соч. С. 97 – 101). См.: Макарий (Веретенников), архим., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Даниил // ПЭ. Т. 14. С. 72.

анонимное послание к Ивану Грозному²², однако это предположение было опровергнуто последующими биографами митрополита²³.

Большинство сочинений Даниила сохранились в значительном количестве списков XVI в. До нас дошёл прижизненный сборник («Сборник») из 16 слов митрополита с авторской правкой (РГБ. МДА. Фунд. Ф. 173. I. № 197), сборник из 13 посланий («Сильвестровский» сборник; РНБ. Соф. № 1281), а также корпус сочинений, опубликованных В. Г. Дружининым (РНБ. Q. I. № 1439). Кроме этого, известны еще 3 списка «Сборника слов митрополита Даниила», датируемые более поздним временем: один относится к XVII в. (ГИМ. Хлуд. № 87) и два – к XVIII в. (ГИМ. Увар. № 676; ГИМ. МСБ. № 237/985).

К сожалению, до сих пор не было осуществлено полное и систематичное издание сочинений митрополита. Отдельные труды Даниила, чаще всего в сокращении, публиковались в качестве приложений к исследованиям, либо в составе сборников документов и материалов по истории России XVI века. Одними из первых отдельные слова из Сборника Даниила (правда, в сокращении) опубликовали А.В. Горский и К.И. Невоструев²⁴. Окружное послание и Поучение митрополита были изданы Г. Кушелевым-Безбородко²⁵, а Поучение также переиздано в современных сборниках памятников литературы Древней Руси²⁶. Впервые (в 1881 г.) наиболее полную публикацию сочинений Даниила предпринял В.И. Жмакин, разместив в приложении к своему исследованию в отрывках слова №№ 2, 3, 5, 7, 10, 12 – 16, а также послания №№ 1, 2, 4, 12, 14, 17, 18 и ряд документов, непосредственно связанных с первосвятительской деятельностью Даниила²⁷. Впоследствии послание № 15 было напечатано митрополитом Макарием (Булгаковым)²⁸, послание № 16 опубликовано в одном из сборников исторических актов²⁹. В 1909 г. была предпринята вторая и последняя на сегодняшний день значительная публикация сочинений Даниила: В.Г. Дружининым были напечатаны ещё 26 посланий митрополита (№№ 19 –

²² *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. С. 126. *Николаевский П.Ф., свящ.* Русская проповедь в XV–XVI вв. // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1868. Ч. СXXXVII. С. 138, 105.

²³ *Жмакин В.И.* Митрополит Даниил и его сочинения. С. 270–274; *Буланин Д.М.* Даниил // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 183–184.

²⁴ *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей. Отд. 2. Т. 3. С. 147–164.

²⁵ *Кушелев-Безбородко Г.* Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 194–204.

²⁶ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / Сост. Д.С. Лихачев и Л.А. Дмитриев. М., 1984. С. 520–533.

²⁷ *Жмакин В.И.* Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения. С. 3–88.

²⁸ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 393–394.

²⁹ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. С. 534–537. № 293.

44)³⁰. В новейшей исторической литературе, за исключением уже упомянутой публикации Поучения, в отрывках были переизданы слова №№ 12³¹ и 15³², послание № 32, отреченная грамота митрополита³³, а также некоторые другие сочинения³⁴. Таким образом, к настоящему времени в той или иной степени были опубликованы только 49 из 62 сочинений Даниила (36 – полностью, 13 – в сокращении). 13 сохранившихся трудов митрополита до сих пор не введены в научный оборот.

Таким образом, к настоящему времени в той или иной степени были опубликованы только 49 из 62 сочинений Даниила (36 – полностью, 13 – в сокращении). 13 сохранившихся трудов митрополита до сих пор не введены в научный оборот.

³⁰ Дружинин В.Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. С. 36–38, 45–106, 113–114.

³¹ Сатира XI–XVII веков. М., 1986. С. 268–270.

³² О русская земля! М., 1982. С. 145–147.

³³ Макарий (Веретенников), архим. Московские митрополиты XVI века. М., 2010. С. 103 – 109.

³⁴ Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973. С. 265–267; Пламенное слово. Проза и поэзия Древней Руси. М., 1978. С. 225–227; Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.) М., 1987. С. 269–279; Сказания православные. Древнерусская духовная литература. М., 2004. Т. 3: XVI–XVII вв. С. 568–569.

Алексеев С.В., д.и.н. (МосГУ)

Южнославянские средневековые источники по истории Руси

Тесное культурное родство связывало Древнюю Русь с южнославянскими православными государствами средневековья. Свидетельства тому многочисленны и очевидны, начиная с восприятия Русью на протяжении X в. возникшего, скорее всего, в Болгарии кириллического письма. В русских исторических сочинениях, начиная с «Повести временных лет», судьбам южнославянских народов уделяется довольно пристальное внимание. Тем парадоксальнее, что сведения о Руси в письменных источниках южнославянского происхождения крайне скудны по сравнению даже с источниками из довольно удаленных западноевропейских стран. Причиной этого могла бы стать фрагментарность и жанровая специфика сохранившихся памятников южнославянской средневековой литературы – вследствие турецкого завоевания XIV-XV вв. Однако завышенные оценки утраченного уже давно поставлены под сомнение, а сопоставление объёма информации о Руси и других странах в сохранившихся памятниках в любом случае наводит на размышление.

Нижеследующий обзор, включающий все известные южнославянские источники XI-XV вв. со сведениями по русской истории, целесообразно начать с источников болгарских – и по причине большего их объёма, и по причине длительного соседства и прямых контактов Болгарии с Русью. Культурное влияние, оказывавшееся Болгарией на Русь на протяжении X-XV вв., является аксиомой для истории русской культуры. Свидетельства такого влияния, охватывавшего самые разные сферы духовной жизни общества, многочисленны. Среди самых выразительных – переписанный на Руси в 1073 г. Изборник болгарского царя Симеона, где похвала заказчику первоначальному переделана в похвалу заказчику новому, князю Святославу Киевскому. В 1262 г. митрополитом Кириллом именно из Болгарии был получен список сербской Святосавской Кормчей, легшей в основу позднейшего канонического права. Внешние завоевания Болгарии – византийское и турецкое – приводили к массовым исходам образованных болгар на Русь. Вместе с ними приходили и литературные сочинения, многие из которых сохранены именно русской письменной традицией.

При всём том сказанное о южнославянских источниках в целом в полной мере относится и к источникам болгарским. Наиболее значительный памятник болгарской историографии дотурецкого периода – болгарские хроникальные приписки при выполненном по приказу царя Ивана Александра в XIV в. переводе византийской хроники Константина Манасии. Происхождение приписок – вопрос дискуссионный. Использование при их составлении каких-то материалов, восходящих ко временам Первого Болгарского царства, не исключено. Но даже если заметки создавались

исключительно на основе иных византийских хроник, очевидным является переосмысление в них фактов болгарской истории с точки зрения самих болгар.

Приписки – не только наиболее примечательный памятник болгарской историографии времён независимости, но и наиболее объёмный болгарский нарративный источник по истории Руси. Сведения о ней содержатся в трёх приписках, относящихся к истории IX–X вв. Притом каждая из «русских» приписок в парадном Ватиканском списке памятника проиллюстрирована миниатюрой¹.

В первой приписке речь идёт о крещении русов в IX в. при императоре Василии Македоняnine – факт, известный из нескольких византийских хроник X–XII вв.: «При сем Василии цари крестиша ся руси»². Происхождение этой короткой заметки вполне может быть связано с византийским источником (по крайней мере, неблагоприятно было бы однозначно видеть здесь независимое подтверждение факта). Однако она интересна как свидетельство определённого внимания летописца к Руси.

Впрочем, внимание к внутренней жизни «русов» этим и ограничивается. Основной объём «русской» информации, что неудивительно, связан с падением Первого Болгарского царства. И описание событий в деталях отличается как от византийских, так и от русских источников о Болгарской войне.

Вторая приписка с упоминанием «русов» сделана при описании царствования Никифора Фоки: «При сем Никифоре цари плениша руси Българскую земя по дващ в двею лета, цареви Никифору изведшу Святслава на них»³. Сюжет непосредственно продолжает следующая приписка, посвящённая событиям времен Иоанна Цимисхия. Она начинается с описания похода Цимисхия в Болгарию, взятия Преслава и пленения болгарского царя Бориса. Далее, несколько неожиданно для знакомого с исторической последовательностью событий, следует: «По пряти же Преславъстемь Святславу, князу рускому, попленившу Българская земя и под себе сътворшу, и въ Дростре ему суцу, шед тамо Цимисхи съ многими ратми, победи его, самого же своеволие отпусти. Ну и тьи, дошед в печенеги, тамо скончася со всеми своими»⁴.

Как видим, под пером болгарского хрониста реальный ход событий X в. претерпел заметные изменения. Вместо двух походов Святослава на Балканы, о которых говорят и византийские источники, и русская летопись, появились три, причём не один, а два первых совершены по воле византийского императора. Самое же явное изменение – война Святослава с

¹ Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 85.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же.

Цимисхием совершенно отделена от взятия последним Преслава. Святослав появляется в Болгарии уже после окончательной гибели прежнего царства. Из болгарского текста невозможно заключить, что Борис находился в полной власти Святослава, а Цимисхий выбивал из Преслава именно русов.

Думается, что внося изменения в ход истории, болгарский редактор Манассии решал две связанные задачи. Во-первых, усиливалась ответственность византийцев (и без того, заметим, очевидная) за гибель Первого Болгарского царства – фундаментальный, как представляется, тезис для идеологии Второго царства. Во-вторых, что было, видимо, не менее принципиально, – последний царь прежней династии Борис избавлялся от незавидной роли марионетки в руках киевского князя. В приписке он предстаёт как независимый правитель, которого Цимисхий лишил власти.

Итак, в исторической памяти болгар Русь ещё в XIV в. неизбежно ассоциировалась в первую очередь с гибелью Первого царства. Событие это рано начало мифологизироваться, и свидетельство этому – созданная ещё в XI в. богомильская «Болгарская апокрифическая летопись» («Сказание Исае пророка»). В ней падение царя Петра описано следующим образом: «Приидоша некии насильницы яко исполини и погубише землю Българскую по морю»⁵. Тенденция «летописца», программой которого являлась греко-болгарская равноправная уния под эгидой «болгарской» веры, резко отличалась от придворных хронистов будущего Второго царства. Согласно «летописи», победа «исполинов» стала возможна лишь благодаря тому, что византийский император не успел оказать болгарскому «брату» помощь. Интересно замечание о приходе врагов по морю – это, кажется, единственное прямое свидетельство о плавании русов к Дунаю.

В этом контексте неудивителен равнодушный, если не удовлетворенный тон описания бедствий Руси после монгольского нашествия в другом апокрифическом болгарском памятнике: «Пандеховом пророческом сказании» середины XIII в.: «Руси вльчки повыют и разидуть се, люту казнь примут, истают акы воск от лица огну»⁶. Катастрофа Руси не только воспринимается как справедливая «казнь», но русы ещё и неочевидно сравниваются с побеждаемыми Богом бесами. Упомянутое бегство русов в другие страны – факт, хорошо известный болгарам, ибо в 40-х гг. здесь нашли приют и новые земли бежавшие от монголов русские князья. Один из них, Ростислав, сыграл немалую роль в полыхавшей примерно в годы создания «сказания» усобице, что отчасти объясняет тон автора.

В целом же Русь современная мало занимала авторов эпохи Второго Болгарского царства. Можно сетовать на утрату (действительную или предполагаемую) неизвестного числа исторических сочинений. Но ни в

⁵ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 197.

⁶ Там же. С. 246.

сохранившейся «Анонимной хронике» XV в., ни в многочисленных заметках исторического содержания, ни в житиях, ни в эпиграфике упоминаний Руси нет. О политических контактах между Болгарией и Юго-Западной Русью – скажем, о пребывании на Руси Ивана Асеня II или об эмиграции русских князей в Болгарию – можно судить лишь по источникам из третьих стран. Имеющиеся источники болгарского происхождения о Руси XIII–XV вв. свидетельствуют, за оговоренными исключениями, только о религиозных контактах, причём довольно тесных. Однако и эти источники немногочисленны, и их болгарское происхождение весьма условно – все они сохранены древнерусской традицией и связаны своим появлением именно с Русью. Наиболее выразительный пример – Послание деспота Якова Святослава киевскому митрополиту Кириллу II от 1262 г., сопровождавшее выполненный для Руси список сербской Кормчей⁷. Яков Святослав был русским по происхождению, князем из рода Рюриковичей, и относить его Послание к ряду «южнославянских источников» можно только с большой долей условности.

Гораздо более «болгарский» источник – Надгробное слово митрополиту всея Руси Киприану известного болгарского церковного деятеля и писателя, также митрополита Киевского Григория Цамблака⁸. Оно было создано в 1409 г., вскоре по прибытии Григория в Западную Русь, но, несмотря на тему, сведений собственно о Руси практически не содержит – Григорий в основном вспоминает пребывание Киприана в Болгарии. Тем не менее, «Слово» важно как дополнительное свидетельство именно болгарского происхождения Киприана. С другой стороны, произведения самого Киприана, созданные на Руси, едва ли могут быть отнесены к разряду «внешних» источников вообще.

Вслед за болгарскими обратимся к сербским источникам. Они ещё эпизодичнее, условно-малозначимы для «большой» истории, но сведения их более уникальны. Это, прежде всего, известия о пострижении святого Савы около 1190 г. в «Рушском монастыри» на Афоне – т.е. в русской обители св. Пантелеймона. Эти сведения содержатся в обоих старейших житиях сербского первосвятителя – Доментиана и Феодосия Хилендарского⁹. Согласно последнему, старец, обративший мысли Савы к монашеству, и сам был «родом рус».

Стоит добавить, что через тот же Хилендарский монастырь, где жили сербские и русские монахи, в сербскую литературу проникает влия-

⁷ См.: *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М., 1978. С. 140–152.

⁸ *Леонид, арх.* Надгробное слово Григорія Цамблака российскому архиепископу Киприяну // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1872. Кн. 1. С. 25–32.

⁹ *Доментијан.* Живот светога Симеуна и светога Саве, Београд, 1865. С. 124; Теодосије. Житија. Београд, 2009. С. 9.

ние древнерусской домонгольской. В частности, сербские писатели начиная с Доментиана использовали труды киевского митрополита Илариона. Его «Послание к брату столпнику» сохранилось именно в сербской рукописной традиции, «вернувшись» на Русь уже позднее.

В «Житиях королей и архиепископов сербских» – историко-агиографическом своде XIV в., созданном под руководством митрополита Даниила, содержится известие о связях с Русью сербского короля Драгутина (1276-1316): «В Русьскую бо землю множицею посылаше сълы свое с многочьствьными дары к Божьствьным църквам и монастирем и елико милостыне к нищим и маломощным. В той бо земли Русьсцей име зело любовнаго си приятеля кнеза Василия и тому по достоянию дльжьную чьсть въздавааше глаголы сладькие с великолепньными дары царьскими вьсылае ему»¹⁰. Василия иногда отождествляют с великим князем Владимирским Василием Ярославичем, но тот умер именно в 1276 г., и Драгутин уже не имел возможности посылать ему «царские» дары. Более вероятно и хронологически, и географически отождествление с брянским князем начала XIV в. Василием Александровичем – если речь не идет о каком-либо мелком правителе Юго-Западной Руси.

В ряде сербских летописей XV–XVIII вв.¹¹ имеются известия, иногда довольно пространные, о крещении Руси, о войнах Киевской Руси с Византией. Все они восходят, в конечном счёте, к русским и византийским источникам и самостоятельной источниковой ценности не имеют. Однако они свидетельствуют о возросшем в пору гибели сербской государственности интересе сербов к историческим судьбам родственного и единоверного русского народа. В поздних сербских летописях XVI–XIX вв. многочисленны известия о войнах России с турками. Выделяются сведения составленного в XVI в. Руварчева родослова¹² о родословных связях сербской и литовско-русской аристократии. В частности, приводятся данные о сербском происхождении княгини Анны – матери Елены Глинской, – и, соответственно, русского царя Ивана Грозного. На последнем акцентируется особое внимание.

В болгарском летописании¹³ интерес к России проявляется несколько позже – в основном в XVII–XIX вв. Это можно связать как с более прохладными в прошлом политическими отношениями Болгарии с Русью, так и – с большим основанием – с катастрофическим упадком болгарской литературы после турецкого завоевания. Как бы то ни было, в довольно широкой по кругозору Анонимной хронике – наиболее значительном летописном памятнике времён турецкого завоевания – ни одного упомина-

¹⁰ Животи краљева и архиепископа српских. Загреб, 1866. С. 39–40.

¹¹ См.: Стојановић Љ. Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци, 1927.

¹² Там же. С. 56–57.

¹³ См.: Писахме да се знае. Приписки и летописи. София, 1984.

ния Руси или Литвы нет. В целом можно заключить, что и в Болгарии, как и в Сербии, образованная часть общества «заметила» Россию и русских в основном в условиях утраты собственной государственности. Особенную роль в этом сыграло начало и нарастание русско-турецкого противостояния, воскресившего надежды на возрождение южнославянских государств. До этого влияние южнославянских земель на Русь было по преимуществу односторонним, а попытки Руси политически утвердиться на Балканах – редки. Всё это и обусловило незначительный объём и довольно низкую информативность южнославянских источников по истории Руси IX–XV вв.

Володихин Д.М., д.и.н. (МГУ)

Проблема хронологической трактовки статьи Судебника 1550 года о введении новых статей

Статья 98 Судебника 1550 года вызвала в отечественной науке длительную дискуссию. Условия введения новых статей в Судебник сформулированы там столь неоднозначно, что всего одна краткая фраза, где они обрисованы, получила множество трактовок. Вот текст 98-й статьи: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»¹. Слова «с государева доклада и со всех бояр приговору» в разное время ложились в основу самых разных, порой противоречащих друг другу теорий политического развития России середины XVI в. Прежде всего, учеными обсуждался вопрос о том, до какой степени статья ограничивает власть московских государей. На этот счет разразилась бурная полемика².

В меньшей степени предметом исследовательской разработке стало законодательное требование согласия *всех* бояр для вписывания в Судебник новой статьи. Именно оно является объектом изучения в настоящем очерке.

Первым уделил ему внимание Н.А. Рожков. Рассуждая о политическом развитии Московского государства в середине XVI в., он констатировал временное торжество боярской олигархии. Оно выразилось, по мнению ученого, «...не только в том определяющем влиянии, какое принадлежало избранное раде до шестидесятых годов XVI века, но и в юридической норме, внесенной в Судебник 1550 года, по которому новые законы должны

¹ Судебник 1550 года // Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 120.

² *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 317; *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. С. 368—369; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 164; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб.—К., 1907. С. 170; *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т.1. С. 231; *Бахрушин С.В.* Иван Грозный. М., 1945. С. 292—293; *Смирнов И.И.* Судебник 1550 года // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 352; *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30--50-х годов XVI века. М.—Л., 1958. С. 385--398; *Романов Б.А.* Комментарий к источнику // Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952; С. 334—337; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 339; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 89—90; *Фроянов И.Я.* Грозная опричнина. М., 2009. С. 113—114; *Кром М.* “Вдовствующее царство”: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 438--439 и т.п.

были устанавливаться “с государева указа (!)³ и со всех бояр приговора”⁴. Таким образом, Н.А. Рожков видит в требовании полного единодушия всех бояр всего лишь важный признак политического преобладания знати над государем.

М.М. Кром приводит ряд документальных свидетельств тому, что еще с мая 1540 г. в административной практике использовалось понятие «приговора всех бояр». С января 1543 г. эта практика сопровождается одновременным «докладом» юному Ивану IV. Таким образом, в 1540-х гг. сложилась процедура принятия решений в Думе: никакого «голосования» не существовало, решение могло быть принято только единогласно. «Если кто-либо из влиятельных бояр был “против”, это могло стать поводом к серьезному конфликту... Но, несмотря на периодические вспышки насилия, тенденция к поиску компромисса и согласия все-таки постепенно укреплялась в придворной среде. Представляется, что именно в таком политическом контексте и родилась формула “со всех бояр приговору”⁵: в отсутствие верховного арбитра, каковым не мог быть малолетний государь, единственным способом принятия легитимного решения становилось одобрение его всеми членами Думы, находившимися в данный момент в Москве»⁵. Этот важный тезис представляется вполне обоснованным, можно лишь присоединиться к мнению М.М. Крома. Действительно, формула приговора “всех бояр”, применявшаяся в судебно-административной практике не менее 10 лет, могла возникнуть в условиях, требовавших согласования позиций между различными аристократическими «партиями». Попытки самовластного правления одной из группировок в ущерб другим, вне учета их интересов, приводили в обстоятельствах политического кризиса 1530-х – 1540-х гг. к вспышкам вооруженной борьбы. По итогам долгого практического применения эта формула в конечном счете сделалась легитимной не только для сферы законоприменения, но и в области законотворчества.

Однако вопрос о том, сколь долго она сохраняла силу, остается открытым. Другая, не менее важная проблема – как быстро норма приговора «от всех бояр» потеряла статус обязательной при введении новых статей.

Тот же М.М. Кром пишет: «Формула боярского приговора (и ее разновидность – приговор «всех бояр») получила дальнейшее развитие в законодательстве второй половины XVI в. За этими терминологическими изменениями... стоял реальный процесс возрастания значения Думы как коллективного органа принятия решений как в политической, так и в су-

³ Так у Рожкова.

⁴ *Рожков Н.А.* Происхождение самодержавия в России в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени // *Рожков Н.А.* Избранные труды. М., 2010. С. 395.

⁵ *Кром М.* “Вдовствующее царство”: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 437.

дебно-административной сфере»⁶. В доказательство идеи о развитии в законодательстве второй половины XVI формулы приговора, включающей разновидность приговора от «всех бояр» М.М. Кром ссылается на пять законодательных памятников 1584—1616/1617 гг.⁷ В их числе документов, где в явном виде упоминается приговор от «всех бояр», всего два. Это, во-первых, боярский приговор о заемных кабалах от 8 февраля 1588 г. и, во-вторых, «Уложение о холопстве» от 1 февраля 1597 г.⁸

Ссылка имеет случайный характер. К указанным законодательным памятникам можно добавить множество более ранних документов. В частности, указ о сроке взыскания долгов от 5 мая 1555 г., указ о краже хозяйского имущества (не позднее 11 октября 1555 г.), приговор о губных делах от 23 августа 1556 г., указ о холопстве от 1 сентября 1558 г., указ об отсрочке взыскания налогов с погорельцев от 17 июня 1560 г., приговор об ограничении прав на пользование вотчинами от 9 октября 1572 г., указ о продаже и наследовании порозжих земель от 1572/1573 г., боярский приговор о лжесвидетельстве от 12 марта 1582 г.⁹ Норма приговора от «всех бояр» сохранилась и при государе Борисе Федоровиче – это видно по указу о выдаче отпускных грамот холопам от 16 августа 1603 г.¹⁰ Трудно сказать, соблюдалась ли она хоть сколько-нибудь в период существования опричнины (1565—1572 гг.). Думается это весьма сомнительно – в условиях одновременного существования двух дум, земской и опричной, одна из которых могла долгое время функционировать за пределами Москвы, в одной из опричных резиденций Ивана IV. Однако позднее, после отмены опричнины, названная формула в какой-то мере восстановилась.

Далеко не во всех случаях, когда законодательный документ содержит ремарку, свидетельствующую о добавлении соответствующей статьи к Судебнику, норма приговора от «всех бояр» неукоснительно соблюдается.

Ее обязательность исчезла весьма скоро, задолго до опричного периода. Так, в августе 1557 г. Иван IV вводит указ об условиях родового выкупа вотчин, сопроводив его боярским приговором, но в документе не указано присутствие «всех бояр»¹¹. Явное падение названной формулы

⁶ Кром М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 439.

⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 43, 45, 47, 48, 80.

⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 45, 47.

⁹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 7, 9, 16, 31, 34, 37, 38, 42.

¹⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 52.

¹¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 22.

видно при Василии IV. Так, 21 мая 1609 г. в Судебнике был записан «государев указ» о беглых холопах *безо всякого боярского приговора*¹².

Таким образом, норма приговора от «всех бояр» потеряла свою обязательность не позднее второй половины 1550-х гг. и всякую значимость -- в условиях Смутного времени начала XVII столетия.

При новой династии она ненадолго всплыла. Ее применяли в тех случаях, когда законодательное нововведение имело исключительную важность для государственного быта России. Так, 12 марта 1620 года «Соборный приговор» о закреплении за владельцами поместных и вотчинных земель по новым дозорным книгам был введен в действие после обсуждения самого царя Михаила Федоровича с патриархом Филаретом и «со всеми бояры»¹³.

Позднее эта традиция полностью утратит силу. Законодательные акты, в том числе самые значительные, станут вводиться без соблюдения правила о приговоре от «всех бояр», а время от времени вообще без боярского приговора. Даже Соборное уложение 1649 года вводилось в действие без сохранения формулы, требовавшей приговора от «всех бояр»¹⁴. Очевидно, проблема консолидации служилой аристократии у подножия русского престола при первых Романовых уже не стояла столь остро, как это было до Смуты.

Процесс размывания норм боярского приговора и, в первую очередь, приговора «всех бояр» может свидетельствовать о постепенном ослаблении позиций боярской Думы в сфере законотворчества по сравнению с золотым временем ее власти и влияния во второй четверти XVI в.

¹² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 60.

¹³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. № 93.

¹⁴ Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 17—18.

Богомазова А.А. (МГУ)

**Отводные книги Соловецкого монастыря
как источник по истории морского хозяйства обители
(XVI – первая половина XVII в.)**

Проблема изучения морского хозяйства Соловецкого монастыря распадается на ряд конкретных вопросов. Первый блок таких вопросов касается собственно монастырского флота: количество и типы судов, способы пополнения флота (покупка, постройка новых судов, получение их в качестве вклада), маршруты и частота движения судов, их предназначение, судовое оснащение (паруса, шеймы¹, якоря) и т.д. Второй блок вопросов связан с развитием монастырских промыслов, требовавших использования возможностей морского хозяйства (ловля рыбы, охота на морского зверя, солеварение и др.); тут важно понять полную номенклатуру таких промыслов, их географию, количественные характеристики и т.д.

Разнообразные аспекты развития монастырского морского хозяйства находят отражение в следующих видах письменных источников: в делопроизводственных документах (приходно-расходные, вкладные, отводные книги), в публично-правовых (жалованные грамоты) и частных (закладные кабалы, духовные грамоты) актах, в монастырском летописце, в агиографических источниках (прежде всего – в Житии свв. Зосимы и Савватия Соловецких, но не только). В данной статье рассматриваются именно отводные книги.

Хронологические рамки нашего обзора ограничены. Это XVI – первая половина XVII в. С XVI в. появляются отводные книги монастырского имущества (отводная книга Соловецкого монастыря 1514 г. вообще является древнейшей русской монастырской описью)². В середине XVII в., накануне тяжелых в духовном плане и разорительных для монастырской экономики потрясений эпохи церковной реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, морское хозяйство обители достигает наибольшего расцвета.

Отводные книги Соловецкого монастыря представляют собой «переписи имущества, составлявшиеся при передаче (отводе) монастыря от одного игумена другому»³. В самих источниках употребляются следующие названия: «книги переписные»⁴, «книги отписные»⁵, «книги отводные»⁶,

¹ Шейма – канат.

² Описи Соловецкого монастыря XVI в. СПб., 2003. С. 4.

³ Описи... С. 4.

⁴ Опись Соловецкого монастыря 1582 г. // Описи... С. 86; Опись Соловецкого монастыря 1597 г. // Там же. С. 117.

⁵ Санкт-Петербургский Институт истории РАН (СПБИИ РАН). Кол. 2 (Актовые книги). Д. 128. Л. 1.; Д. 130. Л. 1.

«книги переписные игумену... (имярек. – А.Б.) отводные»⁷. Эти определения, а также термин «опись» будем считать равнозначными.

До наших времен дошли 5 описей XVI в.: опись 1514 г., составленная при передаче монастырского имущества от игумена Евфимия священнику Геласию и соборным старцам; опись 1549 г.⁸; 1570 – игумену Варламу; 1582 г. – игумену Иакову; 1597 г. – игумену Исидору. Их тексты полностью опубликованы⁹. Не сохранились 3 описи XVI в.: 1518, 1532, 1534 гг.¹⁰ От первой половины XVII в. дошло 6 описей: 1604 г., составленная при передаче игумену Атонию¹¹; 1613 г. – игумену Иринарху¹²; 1632 г. – игумену Рафаилу¹³; 1637 г. – игумену Варфоломею¹⁴; 1640 г. – игумену Маркелу¹⁵; 1645 г. – игумену Илье¹⁶.

В преамбулах отводных книг исследователи выделяют четыре статьи: 1) дата проведения и юридическое обоснование переписи; 2) перечень лиц, в ней участвующих; 3) имя лица или группы лиц, кому передавался контроль над имуществом; 4) перечень объектов описаний¹⁷. Описи составлялись по грамоте великого князя (1514 г.) или царя при смене игуменов. Имущество монастыря описывали и отводили от старого игумена новому, когда тот приезжал в монастырь. Исключением является опись 1514 г., составленная при отводе монастыря нескольким старцам до поставления нового игумена¹⁸. Описывали имущество либо дьяки вместе с «лудчими старцы», как в 1514 г., либо сам вновь прибывший игумен вместе с келарем, казначеем и с соборными старцами (1582, 1597, 1604, 1613 гг.); также это мог сделать келарь, казначей и соборные старцы (1640, 1645 гг.) или воевода (1632 г.).

Данные, полученные при описании, сверяли с предыдущей отводной книгой. Так, в описи 1570 г. сказано, что «убыло ржи после отписки подьячего Олещи Григорьева»¹⁹. Это имя встречается в конце описи 1549

⁶ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137. Л. 1.

⁷ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 141. Л.1.

⁸ Начало отводной книги не сохранилось, а потому есть две точки зрения на её датировку (1549 г. и 1566 г.). Подробнее см.: Описи... С. 9 – 10.

⁹ Описи Соловецкого монастыря XVI в. СПб., 2003.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 128.

¹² СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 130.

¹³ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 131.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Д. 236.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 40.

¹⁶ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 141.

¹⁷ См.: Дмитриева З.В. Описи древнерусских монастырей XVI в. // Описи... С. 247.

¹⁸ Опись Соловецкого монастыря 1514 г. // Описи... С. 38.

¹⁹ Опись Соловецкого монастыря 1570 г. // Описи... С. 85.

г.: «А на конце Ольшь Григорьев руку приписал»²⁰. З.В. Дмитриева указывает, что в Соловецком монастыре в последней трети XVI в. списки ранее составленных описей могли служить черновиками для новой переписи²¹.

При отводе монастырского имущества игумену Антонию, старцы, описывающие монастырь, опирались на отводную книгу, составленную при передаче монастыря игумену Исидору: «созрили в церквах... и всякой обиход монастырской по книгам бывшего игумена Исидора, что был ему монастырь отведен и всякое монастырское строенье»²², а при отводе монастыря игумену Иринарху – на отводную книгу игумена Антония: «созрили в церквах... и всякий обиход монастырской по книгам бывшего игумена Антония, что был ему монастырь отведен и всякое монастырское строение»²³.

В конце преамбулы указаны предметы, на которые в основном обращали внимание при описании. Отметим, что суда в таких перечислениях никогда не упоминаются.

Описи открываются подробным описанием икон во всех храмах, начиная со Спасо-Преображенского собора. Затем следует описание риз и другой священнической одежды, книг, мирского платья, церковной утвари, посуды, имущества, находящегося в казенной палате²⁴. Информация, касающаяся морского хозяйства обители, расположена в конце отводных книг. В описях 1582 г. и 1636 г. конец утрачен, интересующие нас сведения не сохранились.

Итак, какие же сведения по истории морского хозяйства Соловецкого монастыря можно извлечь из отводных книг? Во-первых, по описям можно проследить рост или сокращение монастырского морского флота, типы судов. В отводных книгах даются сведения только о морских судах (лодьях, соймах и карбасах)²⁵. В 1514 г. у монастыря было только четыре лодьи, причем среди них двинская и онежская. Но что означают эти названия? На них ходили на Двину и Онегу, или лодьи там куплены, построены? В описи об этом не говорится. В 1549 г. у монастыря по-прежнему четыре лодьи, но к ним добавляется 15 карбасов. До 1632 г. количество лодей и карбасов увеличивается, в 1632 г. впервые упоминаются соймы. В 1632–1640 гг. у монастыря самый большой флот за весь изучаемый период: 23 лодьи, 13 сойм, 40 карбасов. В отводных книгах 1632 и 1640 гг. приводятся одинаковые данные о количестве судов. К 1645 г. флот сокращается,

²⁰ Опись Соловецкого монастыря 1549 г. // Описи... С. 52.

²¹ Дмитриева З.В. Указ. соч. С. 247.

²² СПБИН РАН. Кол. 2. Д. 128. Л. 2–2 об.

²³ СПБИН РАН. Кол. 2. Д. 130. Л. 2 об.

²⁴ Подробнее о структуре описей XVI в. см.: Крушельницкая Е.В. Содержание и структура текстов Соловецких описей XVI в. // Описи... С. 249–258.

²⁵ Подробнее о типах судов см.: Дубровин Г.Е., Окороков А.В., Старков В.Ф., Черношвитов П.Ю. История северо-русского судостроения. М.–СПб., 2001.

монастырь располагает 20 лодьями, 10 соймами, но карбасов по-прежнему 40. Встаёт вопрос, с чем связано уменьшение количества крупных морских судов. Кроме того, говорит ли отсутствие упоминаний о соймах в описях XVI – начала XVII в. о том, что их не было у монастыря? В духовной грамоте керетчанина, т.е. жителя селения Кереть, Сидора Иванова 1574 г. сказано, что он приказывает в монастырь по душе своей среди прочего три карбаса и сойму²⁶. Но поступила ли они в монастырь и когда? По описям 1632 и 1640 гг. количество судов одинаково, но одни ли и те же это суда? Или же одни суда монастырь продавал, другие покупал, получал в качестве вклада? Качественные характеристики судов (размеры, грузоподъёмность) не приводятся. Указано только, что лодьи и карбасы бывают «большие и малые». Нет сведений и о том, имелись ли у судов названия. Таким образом, для полной картины становления флота Соловецкого монастыря необходимо привлекать другие источники, прежде всего, приходно-расходные книги и акты.

В отводной книге 1632 г. впервые говорится о назначении судов: «Да 23 лодьи больших и малых... А в тех лодьях привозят с Колмогор в монастырь хлебные и иные всякие монастырские покупочные запасы», «да 13 соем, а ездят в них из монастыря служебники по промыслом и по всяким монастырским службам»²⁷.

О количестве речных судов (насадов и дощаников) в описях не говорится. Но в отводной книге 1549 г. сказано, что «из монастыря ездят в Вологду солью торговати в дву насадех»²⁸. В конце описи 1632 г. отмечено, что соль, сваренная в 141 г. (1632/1633 г., опись составлялась в сентябре) с Холмогор «свезена... на Вологду в восьми дощаниках, а числом ее 2878 рогож»²⁹, в 149 г. (1640/1641 г.) для перевозки 2878 рогож использовали 9 дощаников³⁰, в 153 г. (1644/1645 г.) с Холмогор на Вологду перевезено в 9 дощаниках 3843 рогожи соли³¹. Монастырские ли это или нанятые насады и дощаники, не сказано. Для уточнения маршрута перевозки соли, размеров насадов и дощаников, состава и количества команды на судах, платы кормщикам и т.п. необходимо использовать приходно-расходные книги вологодской службы.

Помимо информации о количестве, типах и назначении судов в отводных книгах указаны сведения об оснащении судов. В описи 1514 г. отмечено, что у каждой лодьи есть якорь, парус и шейма, а у двинской лодьи

²⁶ Акты социально-экономической истории Северной России конца XV – XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. № 543. С. 55–56.

²⁷ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137. Л. 186.

²⁸ Опись Соловецкого монастыря 1549 г. // Описи... С. 52.

²⁹ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137. Л. 190 об.

³⁰ РГАДА. Ф.1201. Оп. 1. Д. 40. Л. 202 об.

³¹ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 141. Л. 217.

даже две шейки³². О наличии у монастыря карбасов в описи 1514 г. сведений нет, но в ней упомянуты три карбасных паруса³³. В конце книги указано, что после описи Фадея Дворянькина да Елки Офонасьева прибыл ещё один якорь лодейной³⁴. В описи 1549 г. говорится о четырех лодьях «со всем запасом, с якори и с парусы»³⁵, в описи 1570 г. – о семи лодьях «со всем судовым запасом» (без уточнения)³⁶, в описях 1597 г., 1604 и 1613 гг. – восемь лодей, «и с парусы, и с якори, и с шеймами, и со всем лодейным запасом»³⁷. В описи 1632 г. сказано о 23 лодьях «с лодейною снастью с шеймами и з завозами», но отмечены 47 парусов «лодейных и соемных и карбасных новых и держаных» и «105 якорей железных болших лодейных и соемных и карбасных», а кроме того «на лодейные шеймы и на завозы и на всякие судовые снасти 200 пуд прядена вологоцкого»³⁸. Те же данные и в описи 1640 г. К 1645 г. количество якорей уменьшается до 90³⁹.

В описях 1597, 1604 и 1613 гг. упоминаются 50 скатертей малых, которые раздавали по лодьям и по рыбным промыслам⁴⁰. В отводной книге 1640 г. упоминается 14 маток лодейных, то есть компасов⁴¹. Поскольку они хранились в казенной палате, то дополнительным источником об их наличии служат отводные книги монастырской казны, которые создавались при её передаче новому казначею. В книге отводной монастырской казны 1638 г. отмечено 19 маток лодейных⁴².

В отводных книгах 1549, 1632, 1640, 1645 гг. упомянуты монастырские рыбные промыслы. В описи 1549 г. перечисляются тони, то есть места лова рыбы: «А по тоням двадцать и семь неводов. А тонь монастырских в Анзерах, и на Золотицком берегу, и на Варзуском тритцать; да в Кимбоострове ловля монастырская, ловят семги и уприлуков, а на Выгу ловят езом да тремя поезды⁴³. Да невод вопче у Золотца»⁴⁴. В описях 1632, 1640 и 1645 гг. упоминаются монастырские рыбные промыслы в Сорочкой, Кемской, Варзужской и Умбской волости.

³² Описание Соловецкого монастыря 1514 г. // Описи... С. 36.

³³ Там же. С. 35.

³⁴ Там же. С. 38.

³⁵ Описание Соловецкого монастыря 1549 г. // Описи... С. 51.

³⁶ Описание Соловецкого монастыря 1570 г. // Описи... С. 85.

³⁷ Описание Соловецкого монастыря 1597 г. // Описи... С. 167; СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 128. Л. 115; СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 130. Л. 111.

³⁸ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137. Л. 186 – 186 об.

³⁹ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 141. Л. 213.

⁴⁰ Описание Соловецкого монастыря 1597 г. // Описи... С. 167; СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 128. Л. 114; СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 130. Л. 109.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 40. Л. 186.

⁴² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 36. Л. 16.

⁴³ Рыболовные снасти. Об их устройстве подробнее см.: Море – наше поле: количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. СПб., 2010. С. 26 – 27.

⁴⁴ Описание Соловецкого монастыря 1549 г. // Описи... С. 51.

В описях есть сведения и о сетях. Если в описях 1549, 1570, 1597, 1604 гг. говорится, что в монастыре всего 27 неводов и сетей, в описи 1613 г. – 35 неводов и сетей, то в описях 1632, 1640 и 1645 гг. подробно перечисляется, сколько каких видов сетей и какого сетного полотна находится именно в монастыре: «Для рыбного промысла неводов и сетей в монастыре кроме того, что по всяким монастырским рыбным промыслом живет»⁴⁵. Причем данные за эти годы одинаковые: 5 неводов в монастыре, 8,5 пуд нершаного (или вершаного)⁴⁶ полотна, 96 мотов озерского сетного полотна, 100 переметных озерских новых и старых сетей, 250 мотов заячья⁴⁷ и нерпечья прядена (то есть для охоты на морских животных – морского зайца и нерпу), 210 пуд рыбных и звериных сетей конопляных (в описях 1632 и 1640 гг.)⁴⁸.

В отводных книгах также есть данные о том, сколько шкур морских животных хранилось в монастыре. Если в описи 1549 г. отмечено всего 80 ворваньих кож, а в описях 1570, 1597, 1604 и 1613 гг. указано только количество «нерп деланных», то в описях 1632, 1640 и 1645 гг. выделяются группы кож морских животных по способу их обработки: «зайцы и нерпы деланные мечинные», «задубные зайцы и нерпы», «зайцы деланные сыромятные», «морские весновские»⁴⁹ звери неделанные». В описях 1632, 1640 и 1645 гг. указано также количество трескового сала, осетров и семог, хранящихся в монастыре.

Таким образом, отводные книги – это прежде всего сводка имущества, итог на определенную дату. Объем текста отводных книг на протяжении XVI–XVII вв. увеличивался, поскольку увеличивалось хозяйство монастыря, росло число предметов, подлежащих описанию, а само описание становилось более детальным. Например, упоминались не просто сети и неводы, а перечислялись различные их виды в соответствии со специализацией.

В ранних описях (XVI – начала XVII в.) даются очень краткие сведения, касающиеся морского хозяйства. В них мы находим данные о числе судов (как было сказано выше, в описи 1514 г. речь идет только о лодьях, в описях 1549, 1570, 1597, 1604 и 1613 гг. названо количество и лодей, и карбасов). Об оснащении судов тоже говорится в общем. Упоминаются паруса, якоря, а также «весь судовой запас», но количество их не обозначено. При этом не говорится о хранящихся в монастыре запасах рыбы и кож морских животных. Только в отводной книге 1549 г. упомянуты 80 «ворваньих кож». Рыбные промыслы также названы только в описи 1549 г. В описях XVI – начала XVII вв. приводится общее количество неводов и

⁴⁵ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137. Л. 187.

⁴⁶ Нерша (верша) – конусообразная ловушка для рыбы.

⁴⁷ Морской заяц – один из видов тюленя.

⁴⁸ СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137. Л. 187.

⁴⁹ Веснованье – весенний промысел морского зверя на Белом море.

сетей без разделения их на виды. В описях 1597, 1604, 1613 гг. говорится о скатертях, которые раздают по лодьям и по рыбным промыслам. По набору сведений три последние отводные книги наиболее схожи. Возможно, опись 1597 г. служила образцом для описи 1604 г., а та, в свою очередь, – для описи 1613 г. Выше уже говорилось, что при передаче монастырского хозяйства игумену Антонию (1604 г.) старцы пользовались отводной книгой игумену Исидору (1597 г.), а при передаче игумену Иринарху (1613 г.) – отводной книгой игумена Антония (1604 г.).

В отводных книгах 1632, 1640 и 1645 гг. дана более подробная информация, связанная с морским хозяйством монастыря. Среди наименований судов фиксируются, помимо лодей и карбасов, соймы. Приводится общее количество парусов (47) и якорей (в 1632 и 1640 гг. их 105, в 1645 г. – 90). В отводных книгах 30 – 40-х гг. XVII в. упомянуты усолья и названы волости, в которых находятся монастырские рыбные промыслы. В данных книгах описаны монастырские рыбные запасы (с указанием количества сёмги и осетров, трескового сала), названы разные виды шкур морских животных, также с указанием их числа. В этих описях даётся уже не общее число неводов и сетей, а расписано число сетей по их видам (сколько в монастыре находится неводов, «озерских» сетей, сетей для ловли нерпы и морского зайца). О скатертях, которые раздают по лодьям и по рыбным промыслам, в данных описях не сказано.

Во всех описях нет сведений о том, какими способами монастырь увеличивал флот, приобретал сети или шкуры морских животных. Это и не входит в их задачу. Отводная книга – это отражение ситуации в хозяйстве на момент её создания. Это каркас, на который при изучении монастырского морского хозяйства нанизываются крупницы данных из других источников. Дополняют сведения отводных книг монастыря отводные книги различных его служб и усольий, приходно-расходные книги монастыря и его служб, вкладные книги, актовый материал.

Соловецкий монастырь – единственный действительно морской монастырь в России. Чтобы понять масштаб его морского хозяйства, можно провести сравнение соловецких отводных книг с описями других северных монастырей, например, Кирилло-Белоозёрского.

Пушков В.П., к.и.н. (МГУ)

**Книжные покупки города Владимира в XVII веке
(по архиву Приказа книгопечатного дела)**

Хорошо известна мысль выдающегося русского историка С.М. Соловьева о том, что «Величие Древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбережённой ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения»¹. Бесценный вклад в это дело внёс Московский печатный двор, выпустивший в течение всего XVII в. сотни книг общим тиражом более одного миллиона экземпляров, среди которых, по исследованиям И.В. Поздеевой, наибольший удельный вес принадлежал именно учебной книге. Хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов дела Приказа книгопечатного дела XVII в. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1, 3) являются уникальным сокровищем отечественной культуры. Эти документы раскрывают все компоненты многогранной деятельности Московского печатного двора – одной из крупнейших государственных мануфактур того времени. Археографическая лаборатория Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова ведет постоянную работу по комплексному изучению архива этого крупнейшего монополиста российского книгоиздательства². К наиболее ценным материалам данного фонда относятся так называемые книги продаж, в которые заносились данные о розничной («в мир») продаже книг через типографскую лавку на Никольской улице. Таких персональных записей с 1632 по 1664 гг. сохранилось десятки тысяч. Как правило, по каждому покупателю в книгу продаж вносились его имя и фамилия (патроним), сословная принадлежность, должность и место работы, местожительство (для иногородних) и, естественно, сколько каких книг по какой цене в каком месяце и какого числа он приобрел. Подобные записи о розничной продаже множества книг самых разных наименований представляют собой ёмкий массовый исторический источник, который открывает путь для широких пространственно-временных исследований по истории книжного рынка, социальному составу и географии читателей сотен городов, монастырей и сел, формированию национальной интеллектуальной элиты и т.д. А поскольку на многих дошедших до нас экземплярах сохранились записи об их приобретении и владельцах, то историческое

¹ *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев как преподаватель // *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 тт. М., 1989. Т. VII. С. 327–328.

² *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652. М., 2001; Они же. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Исследования и публикации. Кн. 1. М., 2007; Кн. 2. М., 2011. Ссылки на эти книги в статье даются в круглых скобках по году издания.

пространство бытования книги многократно расширяется (вплоть до конфессионального функционирования в современной старообрядческой среде)³. Таким образом, книготорговая отчетность МПД обеспечивает единство истории региональной и столичной культуры, позволяет сопоставить вклад в этот процесс многих десятков уездов, выявляя специфику каждой отдельной земли – словом, это прочный фундамент для изучения самого широкого спектра вопросов историко-культурной идентификации и самоидентификации.

В 1620-е годы Приказом книгопечатного дела, главным образом, практиковалось административное распределение книжной продукции типографии путём передачи большей части тиража каждого нового издания в десятки московских торговых рядов, а в другие города транспорты с книгами отправлялись в сопровождении специальных царских чиновников – «трубников» или назначенных от Печатного двора «посыльщиков». В условиях восстановления народного хозяйства после Смутного времени многие церкви не функционировали («стояли без пения») и крайне нуждались в богослужебных книгах для возобновления своей духовной миссии. Поэтому, хорошо понимая церковные нужды, царь Фёдор Михайлович и патриарх Филарет Никитич своими совместными указами назначали цены, «во что те книги стали в печати, без прибыли, для просвещения святых божиих церквей и для их государьскаго многолетнего здоровья, чтоб теми книгами святыя божия церкви просвещались и имя бы божие славилось, а за них бы, государей, Бога молили» (2001. С. 338, 339). По сути, в этих словах, которые содержались в предисловиях к каждому новому изданию Печатного двора 1620-х гг., говорится о непреходящем значении православного духовного наследия для формирования того «культурного ядра» русского народа и его «национального интеллектуального кода», о которых говорил патриарх Кирилл на Международной научной конференции, посвящённой 1150-летию российской государственности (МГУ им. М.В. Ломоносова, 28 сентября 2012 г.).

Теперь по некоторым изданиям начала 1620-х гг. на фоне других городов рассмотрим отправленные во Владимир книги. Итак, 3.12.1621 под присмотром типографского мастерового человека «разборщика вдового попа» Степана Павлова с Никольской улицы по шести городам ушёл большой транспорт со 185 экземплярами Минеи декабрьской (номинальная цена одной книги составляла 75 коп.). Через 55 дней, 5.02.1622, «посыльщик» успешно завершил поставленную перед ним задачу, привезя все причитающиеся с мест деньги (138,75 руб.) за развезённые им Минеи («все денги платил разборщик вдовый поп Степан сполна»). Если допустить, что план развоза соответствовал реальным потребностям отдельных регионов

³ Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторический источник // Федоровские чтения – 1976. М., 1978. С. 39–54.

в данном типе церковной книги, а перечень городов совпадал с реальной последовательностью их посещения, то мы имеем следующую картину: «в Володимерь» 15 книг, в Суздаль – 10, в Балахну – 5, в Нижний Новгород – 70, в Свияжск – 10 и в Казань – 70 (2001. С. 328, 329). Скорее всего, эти разрядки согласовывались с местными духовными «властями» (архиереями), которые получали экономию на доставке книг за счёт типографии, что подтверждается и полнотой денежной оплаты. 12 марта следующего 1623 г. вместе с тремя другими транспортами с Печатного двора с грузом 98 Миней январских по цене 1,2 руб. выехали Степан Павлов и «денежный мастер» Сергей Еутропьев, которым был назначен следующий маршрут: Владимир – 10 экз., Суздаль – 10, Балахна – 20, Кинешма – 8, Юрьев-Польской – 30 и Галич – 20. Спустя полтора месяца, 28.04.1623, все причитающиеся с этих 6 городов за Миней январские 117,6 руб. посылышки также «привезли сполна» (2001. С. 341). В январе 1624 г. с Печатного двора по шести маршрутам отправляются уже Миней февральские (номинал 83 коп.), точное число которых документ не называет. На этот раз Степану Павлову вместе с его новым помощником денежным мастером Михаилом Ивановым выпала новая дорожная карта: Нижний Новгород – 70 книг, Владимир – 10, Суздаль – 10, Муром – 15, Балахна – 24. И 7 марта у сопровождавших ценный груз людей все деньги за эти 129 Миней февральских (107,07 руб.) также были «взяты сполна» (2001. С. 347, 348).

Уже в первый год начала розничной продажи книг в типографской лавке на Никольской улице (1632 г.) в книге продаж под рубрикой «монастыри степенные» на втором месте после Троице-Сергиевой лавры мы находим запись о продаже трех экземпляров Псалтыри с воследованием (книга вышла в свет 8.09.1632) в Рождественский монастырь архимандриту этой обители Афанасию «з братьею», – т.е. не для личного келейного чтения, а на общемонастырские нужды (2001. С. 355). Из менее статусных владимирских монастырей эту книгу в 1632 г. приобретали следующие: игумен Федоровского монастыря Сергей (1 экз. «в церковь»), архимандрит Константиновского монастыря Гурий (1 экз. «в церковь») «черный поп» Григорий из «пустыни Покровского монастыря, что в Володимерском уезде на Малом Рогу» – 1 экз. (2001. С. 361). И последним также одну Псалтырь с воследованием «з братьею в церковь» взял игумен Георгиевского монастыря Перфилий (2001. С. 370). По одному экземпляру того же издания для своих храмов («в церковь») приобрели клирошане трех городских церквей. Это дьякон Федор Герасимов из Дмитровского собора, священник Иван из посадской церкви «Николы чудотворца Мокрого, что в Галее» и священник Иван Тимофеев из другого посадского Никольского храма (2001. С. 363, 364, 369).

Несколько большим спросом у владимирского духовенства пользовалась вышедшая в свет 29.08.1632 большеформатная («большие печати») Псалтырь учебная, по одному экземпляру которой взяли «старец» Федо-

ровского монастыря Перфилий и игумен Боголюбовского монастыря Елисей. Эта книга интересовала не только городское, но и уездное духовенство. Так, по одной Псалтыри учебной приобрели «черный поп» Корнилий «Муромского сельца новые пустыни Казанские» и «Володимерского уезду покровский поп Василий» (2001. С. 375, 376, 393). Поскольку относительно владельцев данной книги нет оговорок «з братьею» или «в церковь», то она, скорее всего, приобреталась в личную собственность и могла использоваться в учебных целях. Обратим внимание на полное отсутствие светских владимирских покупок двух типов Псалтыри в 1632 г.

Теперь по двум временным срезам, между которыми пролегла четверть века⁴, рассмотрим присутствие владимирцев на столичном книжном рынке.

Итак, с четверга 2.09.1636 по вторник 4.07.1637 за 18 посещений типографской книжной лавки на Никольской улице 19 представителей древнего города Владимира и его уезда приобрели 30 экземпляров книг пяти разных названий. По количеству приобретенных книг Владимир с уездом занимал высокий шестой ранг среди представленных на московском рынке 82 уездов, пропустив вперед лишь Нижний Новгород (44 экз.), Вологду с Костромой (по 38), Арзамас с Переславль-Рязанским (по 35), Новгород Великий (33) и Ярославль (32). Всего же в этот год 577 покупателей (без Москвы) в результате 479 покупок в общей сложности приобрели 767 книг, из которых на долю Владимирцев пришлось 3,3% покупателей, 3,8% покупок и 3,9% проданных книг (средние же уездные показатели по этим трем характеристикам соответственно составили 7 человек, 5,8 покупок и 9,4 книги).

Все приобретённые книги оказались богослужебными. Наибольшим спросом у владимирцев пользовался Требник (18 его экземпляров в 10 покупках). 5 Евангелий на престольных было приобретено в результате 4 покупок (3 книги большого и 2 малого формата). Остальные издания приобретались в результате одной единичной покупки. Это три Канонника, а также по две Минеи декабрьские и Псалтыри с воследованием. Наиболее убедительно среди покупателей было представлено чёрное духовенство, и прежде всего Рождественский монастырь, архимандрит которого Иоасаф два дня подряд, в пятницу и субботу 24–25.02.1637 приходил в лавку, причём в первый день компанию ему составил монастырский стряпчий Антон Романов, а за полгода до их посещения, 26.09.1636, скорее всего, по распоряжению Иоасафа самую большую разовую покупку в 5 Требников совершил «служба» Ивашка Абрамов. Всего же на Рождественский монастырь выпало 9 из 30 купленных книг. Через неделю после них в

⁴ Пушков В.П., Пушков Л.В. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Фёдоровские чтения – 2005. М., 2005. С. 356–368; Они же. Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.» // Фёдоровские чтения – 2007. М., 2007. С. 219–240.

среду 1.03.1637 также парой в лавке появились архимандрит Нифант и не назвавший своего имени келарь из Борисоглебского монастыря, взявшие, думается, на нужды своей обители три Канонника. По одной покупке в сентябре 1636 г. сделали игумен Георгиевского монастыря Арсений (Требник во вторник 20 числа) и «чёрный поп» уездного Шартоминского монастыря Макарий, взявший в четверг 2 числа две Минеи декабрьские. Таким образом, на долю монастырей пришлась половина купленных книг (15 из 30). Городское же белое духовенство было представлено лишь одной Никольской церковью, священник которой Иван в субботу 24.09.1636 купил один Требник.

Яркой особенностью владимирских книжных интересов следует признать превалирование в их структуре пяти уездных церквей, причём представители четырёх из них приходили в лавку два дня подряд. Так, во вторник 27.09.1636 не указавший названия своего храма священник Фёдор из села Боголюбово взял один Требник, на следующий день священник Василий из Никольской церкви Владимирского уезда также берёт эту книгу, а ещё в тот же день два священника из Пошехонской волости купили по одному Требнику – Андрей из Васильевской церкви и другой Андрей из Покровской церкви. Немногим позже, в среду 9.11.1636 два священника Павел и Иван из села Вязники вместе купили две Псалтыри с воследованием. Отметим и заметное присутствие светских покупателей – пять человек, причём трое из них также были из уезда. Это записанные в книге продаж как «володимерцы» (видимо, дворяне) два брата Богдан и Гурий Возницыны, которые друг за другом, в понедельник 3.10.1636 и на следующий день, соответственно приобрели один и два Требника. А уездный «сын боярский» Степан Мотовилов в пятницу 10.03.1637 купил Евангелие напребстольное малого формата. Из городских же жителей во вторник 4.10.1636, три Требника берёт «володимерец» Иван Володимеров, а во вторник 4.07.1637 «посадский человек» Никифор Ширяев покупает один Требник. Обращаем внимание на коллективный характер приобретения духовных книг, когда 5 раз из 18 в лавку приходили вместе по два человека из одной обители, церкви, волости или города. Такая ситуация позволяет говорить о некоей соборности отношения владимирцев к духовной пище.

Аналогично другим регионам владимирские книжные покупки 7145 (1636/37) года демонстрируют осенний сезонный акцент: 9 торговых дней из 14, в том числе в сентябре 6, когда с понедельника 26.09.1636 книги покупались три дня подряд, причем в среду 28-го числа в лавке побывало сразу три человека. По два дня в месяц жители города и уезда покупали книги в октябре 1636 г. (3 и 4 числа), в феврале (24 и 25) и марте (1 и 10 числа) 1637 г. и по одному разу в ноябре 1636 г. и июле 1637 г., соответственно 9 и 4 числа. Скорее всего, сентябрьский пик покупок был обусловлен завершением сельскохозяйственного цикла и старинным обычаем выдачи «государева жалованья» на полгода вперед в начале и середине года

(в первых числах сентября и марта). Концентрация же владимирских посещений лавки по дням недели на среды (5 раз из 15) также подтверждает функционирование столичного общегородского базара по средам и пятницам⁵.

Через четверть века в 7170/71 (1662/63) г., видимо, вследствие финансово-экономического кризиса интерес владимирцев к богослужебным книгам резко снизился: три человека в результате трех посещений книжной лавки приобрели 13 книг трех названий из 15, бывших в продаже. На фоне всех 79 провинциальных уездов, представленных на столичном книжном рынке в тот год, владимирцы оказались на 27-м месте, имея 0,7% от 1866 проданных книг, 0,8% от 376 продаж и 0,6% от 503 покупателей. Самую большую покупку в 10 Триодей цветных в понедельник 5.06.1662 произвел стряпчий Рождественского монастыря Андрей. Уездное духовенство было представлено священником Никитой из Никольской церкви (в субботу 17.01.1663 он купил Евангелие толковое). Не указавший своего прозвища «володимерец» (скорее всего, торговый человек) Иван в четверг 9.07.1663 расплатился серебром за две Псалтыри с воследованием.

Естественно, приведенные в статье материалы – это лишь небольшая часть владимирских книжных приобретений на столичном книжном рынке в XVII в. В десятках других не использованных нами «книгах продаж» найдутся многочисленные записи о покупавших книги владимирцах, на некоторых из книг они оставят свои владельческие или вкладные записи. Кроме того, необходимо помнить, что типографская отчетность о розничной продаже не успевала регистрировать торговлю дешевыми азбуками, постоянно издававшимися большими тиражами. К тому же книги продавались не только в лавке Печатного двора на Никольской улице, но и в десятках московских торговых рядов.

Богослужебные книги поступали на места также и путем безденежной раздачи через Приказ Большого дворца, куда Печатный двор по царскому указу передавал по 50 экз. каждого нового издания «для роздачи по монастырем и церквам». Так, 27.01.1652 «по памяти за приписью дьяка Смирново Богданова» из этого приказа Дмитровский собор бесплатно получил «Год миней месячных в тетратех», стоивших больших денег в 20 руб. (2001, с. 413).

Нередко Печатный двор получал от монастырей и частных лиц необходимые ему для справки книги в обмен на свои новые издания. Например, 11.02.1685 по указу патриарха от Дионисия игумена патриаршего домового Никольского Волосова монастыря во Владимирском уезде «на обмен» в правильную были получены «в переплете писменные на бумаге» четыре книги (два Октоиха «на осемь гласов», Триодь постная и Триодь цвет-

⁵ Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 175.

ная), вместо которых игумену было «отпущено» три таких же переплетенных печатных книги на 7 руб. 15 коп. (2011, с. 241, 242).

Круглова Т.А., к.и.н. (МГУ)

**Адресат письма А.П. Крылова об осаде Яицкой крепости
(1774 г.)**

Долгое время без внимания источниковедов оставался один из интереснейших исторических источников, освещающих события крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. Нами имеется в виду частное письмо от 15 мая 1774 г., в котором подробно рассказано о жизни гарнизона и гражданских лиц в Яицкой крепости во время ее осады пугачевцами. Осада длилась три с половиной месяца – с конца декабря 1773 г. до 16 апреля 1774 г., когда была снята войсками генерала П.Д. Мансурова. Послание, как видим, было написано по горячим следам событий – спустя всего месяц после снятия блокады Яицкой крепости.

Письмо известно историкам с 1824 года, когда была осуществлена его первая публикация, а через полстолетия, в 1880 г., – вторая¹. В обеих публикациях имена автора послания и его корреспондента не названы. Но из содержания письма ясно, что его автор находился среди осажденных и был участником и свидетелем многих событий, происходивших в то время внутри Яицкой крепости.

Через сто лет после второй публикации письма впервые к поиску его автора обратился Р.В. Овчинников – известный специалист, занимавшийся выявлением, публикацией и исследованием исторических источников по крестьянской войне 1773–1775 гг.² Анонимное письмо он атрибутировал, приведя для этого неопровержимые аргументы, взятые из текста самого послания. Автором письма был назван командир 6-й легкой команды, квартировавшей в Яицкой крепости, капитан Андрей Прохорович Крылов – отец будущего баснописца Ивана Андреевича Крылова. Эта атрибуция закрепилась в историографии. В ее надежности был уверен как сам Р.В. Овчинников, так и другие историки, впоследствии обратившиеся к источнику³.

¹ Оборона крепости Яика от партии мятежников // Отечественные записки. СПб., 1824. № 52. С. 151–174; № 53. С. 319–347; Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774 // Архив Воронцова. Т. 16. СПб., 1880. С. 470–512. У публикаторов были разные списки письма. К оригиналу письма наиболее близок, как представляется, изданный в 1880 г. Воронцовский список.

² Овчинников Р.В. В поисках автора «Весьма замечательной статьи» (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») // История СССР. 1979. №. 4. С. 173–179.

³ См., к примеру: Овчинников Р.В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 95, 148–149. Сн. 8; Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Отв. исполнитель Р.В. Овчинников. М., 1997. С. 381. Сн. 295; Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое

Поскольку Р.В. Овчинников определял авторство частного письма, у которого должен быть конкретный адресат, исследователь попытался ответить и на вопрос о том, кто мог быть корреспондентом А.П. Крылова.

Так же, как при поиске автора, Р.В. Овчинников обратился к поиску в письме биографических сведений, характеризующих адресата. Однако их оказалось крайне мало. Из письма исследователь извлек только два, с его точки зрения, бесспорных факта. Первый факт – адресат носил общий титул «ваше высокоблагородие». Так А.П. Крылов один раз назвал своего корреспондента: «...я истинно не хотел оныя («приключения», т.е. события. – *Т.К.*) распространять, дабы вашему высокоблагородию долгим чтением не наскучить...»⁴. Р.В. Овчинников прокомментировал данный факт следующим образом: «это означает принадлежность адресата к чинам VI–VIII классов по Табели о рангах (от статского советника до коллежского асессора в статских чинах; от полковника до капитана – в воинских чинах)»⁵. Второй факт – адресат был знаком с А.П. Крыловым по Оренбургу, где последний служил с 1751 г. до 1772 г. Знакомство выведено косвенно из того места в письме, где рассказывается о взрыве во время осады крепостной колокольни. А.П. Крылов ее описал и сравнил с оренбургской колокольней, но относительно последней постройки каких-либо пояснений не дал. Из этого факта следовал вывод о том, что описание оренбургской колокольни и не требовалось, поскольку адресат – оренбуржец – хорошо представлял себе ее архитектурные особенности. Следовательно, автор письма и его корреспондент были знакомы по Оренбургу.

Дополнительно к фактам, извлеченным из источника, Р.В. Овчинников высказал догадку о причине появления обстоятельного письма, повествовавшего обо всем периоде обороны Яицкой крепости. По его мнению, письмо А.П. Крылова стало ответом на просьбу человека, которого интересовали все произошедшие в связи с пугачевским движением события, а интерес к ним был продиктован научными целями. Далее, используя свое внеисточниковое знание об оренбуржцах – современниках А.П. Крылова, которые могли быть особо заинтересованы в подробной информации о событиях на Яике, Р.В. Овчинников назвал возможным адресатом письма А.П. Крылова первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук Петра Ивановича Рычкова (1712–1777)⁶.

П.И. Рычков постоянно проживал в Оренбурге с 1743 г. и в чине статского советника служил там главным правителем соляной конторы. Он

исследование. М., 1995; *Дубовик А.М.* «Смута» на Яике в преддверии пугачевщины (сборник документов): Монография. Тольятти, 2007. С. 52. Сн. 175; и др.

⁴ Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка. С. 511.

⁵ *Овчинников Р.В.* В поисках автора «Весьма замечательной статьи». С. 177.

⁶ См., к примеру, новейшую биографию П.И. Рычкова: *Кукушкина Е.Д.* Рычков Петр Иванович // *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 3. (Р–Я). СПб., 2010. С. 78–83.

находился в Оренбурге во время осады города пугачевцами, а в апреле 1774 г., после освобождения города, приступил к созданию хроники борьбы правительственных войск с пугачевским движением под Оренбургом и других районах Оренбургской и Казанской губерний. Именно последним обстоятельством Р.В. Овчинников объяснил обращение П.И. Рычкова к знакомцу по Оренбургу капитану А.П. Крылову с просьбой рассказать об осаде Яицкой крепости.

Назвав П.А. Рычкова в качестве возможного адресата «Частного письма из Яицкого городка, 15 мая 1774 г.», Р.В. Овчинников в то же время осознавал, что имя адресата «окончательно пока что не установлено» из-за малочисленности сведений о кандидате в адресаты⁷.

Следует согласиться с заключением Р.В. Овчинникова о необходимости продолжить поиск адресата письма. Тем более что в систему его доводов в пользу П.И. Рычкова как адресата письма вкралась ошибка. Дело в том, что в 1770-х годах по Табели о рангах чин статского советника относился к V, а не VI классу. Чин статского советника оказался в V классе согласно указу Петра I от 7 мая 1724 г.⁸. Общий титул статского советника был «ваше высококородие». Поэтому Р.В. Овчинников ошибался, заявляя, что общий титул адресата «ваше высокоблагородие» соотносился с чином статского советника. Обращаясь к статскому советнику П.И. Рычкову, числившемуся в V классе гражданских чинов, А.П. Крылов должен был использовать общий титул «ваше высококородие», соответствовавший его классу⁹. Следовательно, титулуя адресата «ваше высокоблагородие», А.П. Крылов обращался не к П.И. Рычкову, а к лицу, которое еще не имело чина V класса.

Для дальнейших поисков сведений об адресате письма А.П. Крылова мы обратимся, как и Р.В. Овчинников, к тексту послания.

Прежде всего, следует обратить внимание на начало письма, где автор обозначил исходную хронологическую точку своего письменного рассказа. Он был намерен повествовать только об осаде крепости, т.е. начинать с конца декабря 1773 г., потому что его корреспондент осведомлен о событиях периода, когда появился «самозванец» и до начала осады: «Что мы от здешних бунтовщиков, с самого того времени, как обнаружился самозванец, имели наиопаснейшую осторожность, о том еще прежде осады нашей уповательно изволили вы быть известны...»¹⁰. Здесь А.П. Крылов имел в виду следующее. Е.И. Пугачев «обнаружился» в районе Яика 17 сентября 1773 г., отправив к яицким казакам свой именной указ. Вообще это был первый пугачевский указ, за которым последовали другие

⁷ Овчинников Р.В. В поисках автора «Весьма замечательной статьи». С. 177.

⁸ Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена Российской империи. Л., 1991. С. 113.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка. С. 470.

указы и манифесты. Установлено, что в этот же день вечером под Яицким городком посланцев Е.И. Пугачева, доставлявших указ яицким казакам, встретил отряд А.П. Крылова – 6-я легкая полевая команда и казачья команда во главе со старшиной И.К. Акутиным. А.П. Крылов взял, не читая, пугачевский указ и приказал арестовать посланцев. Однако исполнению приказа воспрепятствовали многие казаки, которые вскоре присоединились к Е.И. Пугачеву. 28 сентября комендант Яицкой крепости подполковник И.Д. Симонов отправил перехваченный указ оренбургскому губернатору генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу, а тот переслал указ при рапорте 7 октября 1773 г. в Военную коллегия¹¹.

В своем письме А.П. Крылов имел в виду, однако, не только этот эпизод, но и другие последующие контакты с восставшими казаками, произошедшие после 17 сентября и до конца декабря 1773 г., когда крепость была блокирована полностью. Как следует из письма, корреспондент был осведомлен о них (или о многих из них). Однако поступление к нему информации было прервано блокадой крепости.

Сейчас невозможно сказать, сам ли А.П. Крылов сообщал своему корреспонденту о том, что происходило на Яике осенью и в начале зимы 1773 г. Скорее всего, нет. По-видимому, А.П. Крылов знал о том, что его корреспондент осведомлен о прошлогодних событиях из официальных рапортов, которые комендант гарнизона был обязан посылать вышестоящим командирам. Одним из них вполне мог быть корреспондент А.П. Крылова. Важно отметить, что А.П. Крылов в частном письме сообщал не о тех событиях, которые фиксировал комендант гарнизона в официальном журнале, а о героизме офицеров и солдат, настроении людей, их быте, тягостях, голоде, болезнях и т.д.

Корреспондент А.П. Крылова мог познакомиться с официальным делопроизводством, которое продолжали вести в условиях осады, с запозданием, поскольку ни официальная, ни частная переписка во время блокады крепости не осуществлялась. Но адресату, возможно, была интересна именно повседневная жизнь в осажденной крепости. Повествуя о самых разнообразных событиях, происходивших в осажденной крепости, А.П. Крылов не стремился придавать тексту письма официальный тон. Его письмо наполнено пословицами, присказками, просторечными словами: «Но, как говорится, их не срок, а наш грех был, чтоб произошло сие таким образом, как выше я описал»¹²; «Смерть, по пословице, и праведника страшит...»¹³; «о наступавшем в нашей крепости в пропитании недостатке можно было и бестолковому б уразуметь»¹⁴ и т.д. Но в то же время он со-

¹¹ Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева: Источниковедческое исследование. М., 1980. С. 29–32.

¹² Пугачевщина. Частное письмо из Яицкого городка. С. 487.

¹³ Там же. С. 498.

¹⁴ Там же. С. 498–499.

блюдал определенную дистанцию между собой и корреспондентом, поэтому письмо нельзя назвать и дружеским.

В конце письма А.П. Крылов оправдывался в пространном изложении событий, ибо изначально у него было намерение «приключения» «одно за другим по порядку здесь представить», но «материя (т.е. предмет описания. – *Т.К.*) в сие пространство меня неволью завела»¹⁵. Данное замечание, как и приведенное выше замечание о том, что автор хотел «долгим чтением не наскучить» корреспонденту, свидетельствуют, как представляется, против мнения Р.В. Овчинникова об обстоятельствах, вызвавших появление письма. Если бы послание об осаде Яицкого городка предназначалось для П.А. Рычкова, собиравшего материалы о восстании Е.И. Пугачева, то подобные ремарки не появились бы, ибо их автор, без сомнения, осознал бы значимость своего письменного свидетельства и, может быть, написал бы его в другом, более официальном, ключе.

А.П. Крылов завершил свое послание следующими словами: «...сделано сие (т.е. написано письмо. – *Т.К.*) мною не ради изъявления в повествованиях моей храбрости, но единственно в доказательство моего усердия и послушания, с которым в искреннем высокопочитании я имею честь быть и пр.»¹⁶. Офицер, на наш взгляд, не стал бы уверять гражданского человека, каким был П.И. Рычков, в своем «усердии и послушании». Подобные заверения могли быть высказаны А.П. Крыловым только военному человеку, стоявшему на служебной лестнице выше, чем он сам.

Таким образом, «Частное письмо из Яицкого городка, 15 мая 1774» было адресовано, скорее всего, военному лицу. Установить конкретного корреспондента А.П. Крылова пока не представляется возможным, но его поиск необходимо вести в военной среде.

¹⁵ Там же. С. 511.

¹⁶ Там же. С. 512.

Елисеева О.И., к.и.н.

Игры памяти.

Проблема достоверности в «Записках» Е.Р. Дашковой

*«Лжеец добровольно лишается доверенности и почтения
людского, и права никогда на оные не имеет».*

Е.Р. Дашкова. Отрывок из записной книжки. 1790 г.

«Записки» княгини Екатерины Романовны Дашковой — один из важнейших источников по истории царствования Екатерины II. В научном обороте он появился сравнительно рано, в 40-х гг. XIX в. (еще раньше стали известны его списки), и активно использовался учеными в тот момент, когда закладывались основные — несущие — представления о екатерининской эпохе. Поэтому часто и образ самой императрицы, и многие события ее царствования рассматриваются сквозь призму дашковских представлений.

Между тем, и история источника (обстоятельства его возникновения в настоящий момент вызывают ожесточенные споры), и сама личность княгини — сподвижницы Екатерины II, первой женщины директора Академии наук — далеко неоднозначны. Яркая, пристрастная, жестоко обиженная на подругу, она менее всего подходит на роль третейского судьи. Недаром ее брат Семен, в 1813 г. убеждая Марту Брэдфорд (Уилмот) не публиковать мемуары княгини, писал, что в тексте «сквозит питающееся ни для кого не интересными дворскими сплетнями чувство ненависти к людям, сошедшим в могилу за четверть века до смерти автора»¹.

Говоря о Екатерине Романовне, современники и последующие биографы сходятся, пожалуй, только в одном — это была женщина, достойная удивления. Всё остальное: характер, ум, душевные качества, вклад в историю и культуру России — вызывает споры.

Недаром гостившая у княгини в начале XIX в. молодая ирландка Кэтрин Уилмот (Вильмот) замечала: «Она настолько оригинальна и сложна, что результатом [характеристики] явится описание клубка противоречий человеческой природы... Рассмотрение отдельных черт не даст никакого представления об их совокупности... Княгиня переменчива, как погода, в душе ее собраны воедино волнующиеся океаны и разрушительные огнедышащие вулканы, дикие пустыни и скалы... Ты можешь считать Европу раем, живя в Италии, и полагая остальные страны подобными ей»².

¹ Шунгуров М.Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский Архив. 1880. Кн. 3. С. 188.

² Письма Кэтрин Вильмот // Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 301.

Кэтрин имела в виду, что к ним с сестрой Мартой хозяйка поворачивается самой ласковой, самой приятной стороной, и гостям живется в московском дворце Дашковой припеваючи. Они словно в Италии. Но где-то есть и Сибирь...

Хрестоматиен отзыв А.Н. Герцена, публикатора «Записок» Екатерины Романовны: «Какая женщина! Какое сильное, богатое существование!»³. Но были и другие характеристики, среди которых «бой-баба с замашками принцессы», «скупяга»⁴ (так угощала бывшую подругу императрица) – еще не самая худшая. А.С. Пушкин, например, считал, что Дашкова стала президентом Академии наук «через постель» государыни⁵.

Но больше всех порезвились дипломаты. Для них княгиня была и героиней, и интриганкой, и любовницей графа Панина, и его дочерью, и участницей многочисленных заговоров против Екатерины II, и рукой, готовой вонзить кинжал в сердце Петра III. В противовес этой легенде возникла другая – жертва опалы и неверной дружбы сильных мира сего, женщина выше своего времени, верная супруга, нежная, просвещенная мать, мужественная заговорщица, бескорыстная патриотка, рачительная хозяйка, победившая долги и нищету.

Из столкновения этих двух взглядов родилась вся историография, посвященная княгине. Парадоксальность Дашковой состоит как раз в том, что ее практически невозможно описать, потому что... она уже сама описала себя в мемуарах. Этот текст, пленяя исследователей внешней искренностью рассказа (характерная стилевая черта сентиментализма, вспомним «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо) вступает в явное противоречие с остальным кругом источников.

Поэтому мнения Дашковой, зафиксированные в «Записках», нуждаются в самой тщательной проверке. Познакомившись с воспоминаниями сестры, живший в Англии бывший посол С. Р. Воронцов был шокирован. «Я читал и перечитывал... удивляясь все более и более... что в этом томе есть неточного, что в нем рассказывается не только ложного, но и невероятного, на явные анахронизмы, которые бросаются в глаза всем и каждому»⁶.

Только после смерти Воронцова-старшего Марте удалось в 1840 г. осуществить английское издание. Через 17 лет «Записки» были напечатаны по-немецки в Гамбурге. С этой публикацией работал Герцен. В 1858 г. он написал и опубликовал в «Полярной Звезде» большой очерк «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», а через год в Лондоне издал и сами мемуары. Тогда же они появились в Париже.

³ Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Дашкова Е.Р. Записки 1743—1810. Л., 1985. С. 258.

⁴ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1990. С. 268.

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949. Т. XII. С. 337.

⁶ Шугуров М.Ф. Указ. соч. С.187.

Отечественный читатель знакомился с отрывками мемуаров, опубликованными в 1842 г. в журнале «Москвитянин», в 1845 г. — «Современник» и 1873 г. — «Русская старина». Рукопись, некогда оставшаяся у Дашковой, была издана в 1881 г. в XXI книге «Архива князя Воронцова». Но задолго до этих официальных публикаций текст княгини ходил в списках, количество которых теперь трудно подсчитать. Благодаря ним, с текстом были знакомы П.А. Вяземский, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, А.С. Пушкин, М.П. Погодин, С.Н. Глинка, Д.Н. Бантыш-Каменский. Заинтересованные лица находили источник и даже помещали его пересказ в печатные статьи, разумеется, без ссылки.

Семен Романович ошибался, полагая, что неточности текста «бросаются в глаза всем и каждому» — время работало против него. В живых оставалось все меньше людей, непосредственно знакомых с екатерининской эпохой. И появлялось все больше читателей, способных верить легко, без вопросов.

Однако в настоящий момент ученые знают об эпохе нашей героини намного больше, чем в середине XIX в. Диктуя мемуары, Дашкова не могла и представить, что когда-нибудь будут опубликованы не только ее письма, но и корреспонденция самой императрицы, актовый материал, уголовные дела. Ей казалось, что ее воспоминаниям не придется соперничать с другими источниками. Поначалу так и было. Но введение в научный оборот массы иных материалов поставило под вопрос многие утверждения Дашковой.

Современный специалист при чтении «Записок» испытывает оторопь, сходную с той, что охватила Семена Воронцова: «пропасть анахронизмов», «факты не только ложные, но и совершенно невероятные».

Приведем пример. Это одно из самых известных мест в воспоминаниях, когда накануне смерти императрицы Елизаветы Петровны в декабре 1761 г. 19-летняя Екатерина Романовна приходит к 33-летней великой княгине Екатерине Алексеевне.

Ощущение скорого переворота висело в воздухе. Сгорая от нетерпения, Дашкова сама решила разузнать у Екатерины ее планы. «20 декабря, в полночь, я поднялась с постели, завернулась в теплую шубу и отправилась в деревянный дворец на Мойке, где тогда жила Екатерина... Я нашла ее в постели... “Милая княгиня, — сказала она, — прежде чем Вы объясните мне, что вас побудило в такое необыкновенное время явиться сюда, отогрейтесь...” Затем она пригласила меня в свою постель и, завернув мои ноги в одеяло, позволила говорить. “При настоящем порядке вещей, — сказала я, — когда императрица стоит на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвестности, которая ожидает Вас... Неужели нет никаких средств против грозящей опасности, которая мрачной тучей висит над Вашей головой?.. Есть ли у Вас какой-нибудь план, какая-нибудь предосторожность для вашего спасения? Благоволите ли вы дать приказа-

ния и уполномочить меня распоряжением?» Великая княгиня, заплакав, прижала мою руку к своему сердцу... «С полной откровенностью, по истине объявляю Вам, что я не имею никакого плана, ни к чему не стремлюсь и в одно верю, что бы ни случилось, я все вынесу великодушно...» «В таком случае, – сказала я, – Ваши друзья должны действовать за вас»⁷.

Обратим внимание, как пассивно выглядит Екатерина под пером подруги. Для юной заговорщицы вполне извинительно видеть себя маленьким фельдмаршалом, не позволявшим любимому предмету даже слова вставить в намеченный план. Но эти строки принадлежат 60-летней опытной женщине, многократно убеждавшейся, каким деятельным и предусмотрительным политиком была Екатерина II. Тем не менее...

Рассказ о ночном свидании вызывает много вопросов. Настораживает точная дата randevу – 20 декабря. Обычно Екатерина Романовна указывала время приблизительно, путалась, переставляла происшествия местами. У нее была слабая память на числа, поэтому при подготовке «Записок» она просила брата Александра Романовича прислать ей нечто вроде хронологической таблицы важнейших событий екатерининского царствования⁸.

Появление точной даты в «Записках» княгини – должно всегда обращать на себя внимание читателя. Следует знать, что перед кончиной Елизаветы Петровны вокруг дворца были выставлены удвоенные караулы. Секретарь датского посольства Андреас Шумахер сообщал: «За 24 часа до смерти императрицы были поставлены под ружье все гвардейские полки. Закрылись кабаки. По всем улицам рассеялись сильные конные и пешие патрули. На площадях расставлены пикеты, стража при дворце удвоена. Под окнами нового императора разместили многочисленную артиллерию... и лишь по прошествии восьми дней ее убрали»⁹. Назвав точную дату randevу, мемуаристка показывала, что успела проскользнуть к подруге еще до пикетов.

Имелось еще одно событие, которое следовало опередить, иначе честь первого разговора с великой княгиней становилась не безусловной. Оно опущено в «Записках» Дашковой, зато сохранилось в мемуарах Екатерины II. «При самой кончине Государыни Императрицы Елизаветы Петровны прислал ко мне князь Михаил Иванович Дашков, тогдашний капитан гвардии, сказать: “Повели, и мы тебя возведем на престол”. Я приказала ему сказать: “Бога ради, не начинайте вздор; что Бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть ранновременная и не созрелая вещь”»¹⁰.

⁷ Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 25—27.

⁸ Архив князя Воронцова. Кн. V. Ч. I. М., 1872. С. 1—5.

⁹ Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. 1725—1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 272.

¹⁰ Екатерина II. О смерти императрицы Елизаветы Петровны // Сочинения. М., 1990. С. 463.

Как видим, и Дашковой, и ее мужу Екатерина говорит примерно одно и то же. Но для логики выстроенного в «Записках» образа княгини — главы заговора — важно, чтобы ночной разговор между подругами состоялся раньше, чем прозвучали аналогичные предложения от других сторонников.

Любопытно, какая из встреч состоялась в реальности? Императрица ни слова не писала о беседе с подругой. Дашкова же молчала о муже. Михаилу Ивановичу супруга отвела роль восторженного зрителя. «Он... рукоплескал моей энергии... попросив только не подвергать здоровья опасности». Однако в личной записке подруга советовала Екатерине вступить в переговоры именно с ее мужем. Та отвечала: «Князь Дашков знает, что я не могу видеть его иначе, как в обществе, и говорить с ним открыто»¹¹.

Гвардейский офицер, ссылаясь на служебную надобность, мог появиться во дворце даже после усиления караулов. А вот приезд его жены был ничем не мотивирован. Скорее всего Екатерина Романовна творчески преобразовала в свой личный разговор с великой княгиней беседу будущей императрицы и капитана Кирасирского полка Михаила Дашкова, произошедшую к тому же через посредника. Не было ни ночного приезда, ни общей постели, ни слез, ни объятий подруг.

Продолжим проверку.

25 декабря императрица Елизавета скончалась. Рождество оказалось печальным. Дашкова писала, что не выходила из комнат «под предлогом нездоровья». На третий день после восшествия на престол Петр III прислал к ней «посла», «желая видеть... вечером во дворце», на завтра приглашение повторилось. Наконец, спустя три дня, «сестра уведомила меня, что государь сердится на мои отказы». Пришлось ехать.

30 декабря «как только я появилась на глаза императора, он стал говорить со мной о предмете, близком его сердцу, и в таких выражениях, что нельзя было больше сомневаться насчет будущего положения Екатерины. Он говорил шепотом, полунамеками, но ясно, что он намерен был лишить ее трона и возвести на ее место *Романовну*, то есть мою сестру». В заключении Петр сказал княгине: «...Дорожите нами немного побольше; придет время, когда вы раскаетесь за всякое невнимание, показанное вашей сестре»¹².

Создается впечатление, будто молодой государь проявлял заинтересованность в сестре фаворитки: трижды посылал за ней, а потом взялся втолковывать, как опрометчиво она ведет себя, избегая его общества. Но вот что настораживает: Камер-фурьерский церемониальный журнал, со-

¹¹ Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 302, 304.

¹² Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 29.

ставлявшийся специально, чтобы фиксировать день за днем жизнь императора (придворные выходы, развлечения, приглашенных к обеденным и карточным столам) не упоминает присутствия Дашковой при дворе.

Только однажды, 23 февраля, по случаю дня рождения императора, она вместе с мужем появится за столом новой государыни в ее внутренних покоях, среди 12-ти приглашенных¹³. Но не за столом у самого Петра III.

Княгиня сообщала, что постаралась отвлечь государя от разговоров о сестре, подойдя к карточному столу. «Всегда выигрывал император, так как он не брал фишек, и когда проигрывал, то вынимал из кармана империал, чтобы покрыть им пульку, но так как у него в кармане было, конечно, более десяти империалов, то он всегда, в конце концов, срывал пульку». Сыграв одну партию, Дашкова наотрез отказалась участвовать во второй. «Я, напустив на себя ребячески глупый вид, ответила, что недостаточно богата, чтобы позволить так обирать себя»¹⁴.

«Обыкновенные участники карточных вечеров Петра III... все с удивлением взглянули на меня, – писала Дашкова, – и когда я вырвалась из их круга... произнесли: “Это бес, а не женщина”». (В другой редакции: «Вот мужественная женщина!») И снова Камер-фурьерский журнал разочарует нас, не указав княгиню в числе приглашенных к карточному столу. Неверно полагать, будто младшая сестра фаворитки, известная дружбой с опальной государыней, не считалась значительной персоной, чтобы называть ее среди участников игры. Камер-фурьерский журнал в соответствии со своим назначением фиксировал *всех*, прибывших ко двору. А карточная игра императора – слишком важное этикетное событие, чтобы пропускать его участников. Приглашение к ней – особая милость, о которой иностранные министры сообщали своим дворам. Оно подчеркивало статус вельможи, его близость к монарху. И Дашкова, рассказывая о том, как Петр III безуспешно добивался ее участия в следующей пулке, даже предлагал играть «пополам» с ним, мыслила в названном русле.

Согласно «Запискам», за Екатериной Романовной охотились оба претендента на престол. В конечном счете, выиграл именно тот, с кем осталась княгиня. Таков подтекст. А на деле? Если в Камер-фурьерском журнале наша героиня не отмечена за карточным столом, стало быть, ее там не было. Она могла услышать историю о жульничестве императора, и, как многие мемуаристы, сделать себя участницей интересного эпизода.

Где же в действительности побывала молодая княгиня? «Все придворные и знатные городские дамы, соответственно чинам своих мужей, должны были поочередно дежурить в той комнате, где стоял катафалк», – сообщала Екатерина Романовна. Вероятно, «посол» из дворца трижды

¹³ Тычина Л.В., Бессарабова Н.В. Княгиня Дашкова и императорский двор. М., 2006. С. 20.

¹⁴ Дашкова Е.Р. Записки 1743—1810. Л., 1985. С. 21.

приглашал Дашкову именно на траурное дежурство. И выговор императора был вызван промедлением княгини встать в печальный караул.

Как соединить эти выводы с рассказами Марты Уилмот? Готовя мемуары к публикации, «ирландская дочь» писала издателю лорду С.Д. Гленберви о Дашковой: «Она отличалась необыкновенной простотой и правдивостью – качествами, которых в такой степени развития, как у нее, я не встречала решительно ни у кого, кроме тех, что говорят или пишут под присягой... Ничто не могло подкупить ее к приукрашиванию факта, ничто не могло удержать от сообщения истины... Она думала, что для доказательства... достаточно одного ее свидетельства»¹⁵.

Мы привели всего два примера проверки достоверности. Но при сличении «Записок» с другими источниками происходит тотальное, пошаговое изменение картины. В настоящий момент уже можно говорить о том, что перед исследователями рассказ о жизни, прожитой в воображении. Источник скорее литературный, чем исторический. Он показывает не реальные события, а видение автора, который передумывает свое прошлое, чтобы примириться с ним.

¹⁵ Дополнение к запискам Дашковой. Рассказ издательницы // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 406.

Алексеев В.В., к.и.н. (МГУ)

О приёмах работы

М.В. Ломоносова с историческими источниками

В XVIII столетии история в качестве самостоятельной гуманитарной науки ещё только зарождалась. Точно также обстояло дело с источниковедением. Учёным приходилось одновременно заниматься и розыском исторических источников, и их изучением, комментированием и вводом в научный оборот. Поэтому многие вопросы методологии и методики источниковедческой критики каждый из исследователей решал непосредственно в ходе своих изысканий. В связи с этим рассмотрение приёмов, которые использовал М.В. Ломоносов при работе с источниками, позволяет лучше представить его исследовательскую лабораторию.

Следует отметить, что зачаточные познания в области источниковедения Ломоносов получил уже в ранней юности. Два года он провёл в знаменитой старообрядческой Выговской пустыни, где, безусловно, познакомился с так называемыми «Поморскими ответами», составленными А. Денисовым и М. Петровым. Ими была разоблачена составленная по заказу правительства фальшивка, направленная против старообрядцев и известная под названием «Соборное деяние». По мнению В.П. Козлова, «Поморские ответы» явились первым в России источниковедческим, палеографическим и лингвистическим трудом, «который предвосхитил своими наблюдениями, методикой и выводами достижения последующей историко-критической мысли»¹. Так что Ломоносов вовсе не был дилетантом, когда позднее обратился к более систематическим занятиям историей.

С начала 1750-х годов он занялся целенаправленным сбором и обработкой источников, которые затем использовал при написании сочинений по истории России. В то время среди приглашённых в Россию иностранных профессоров господствовало убеждение, что русскую историю можно писать только на основе записок иностранцев, так как русские источники, мол, содержат слишком скудный материал². Ломоносов выступал категорически против такого одностороннего отбора источников. Не абсолютизируя приоритетной значимости источников российских, учёный осуждал их огульное отвержение, подчёркивая, что как раз «иностранные писатели ненадёжны»³. И хотя тогда практически ни один из крупных источников по отечественной истории ещё не был опубликован, тем не менее, он знал

¹ Козлов В.П. Тайны фальсификации. Изд. 2-е. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 27.

² Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. С. 52–53.

³ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 19.

все доступные основные русские летописи (включая «Повесть временных лет»), памятники права – Русскую Правду и Судебник 1550 г., частично актовый материал, различные варианты Степенной книги и иных родословцев, рукописные записки о Петре I, произведения древнерусской и житийной литературы, целый ряд архивных документов.

Поданный президенту Академии наук отчёт о проделанной за 1751-1756 годы научной работе свидетельствует, что Ломоносов производил из источников и имеющейся историографии обширные выписки (по тогдашней терминологии «эксцерпты»), а также сличал различные находящиеся в его распоряжении манускрипты «между собою для наблюдения сходств в деяниях российских»⁴. При этом он не замыкался в рамках какой-то одной узкой темы, но также «читал российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских»⁵. Такой подход позволил Ломоносову едва ли не первому систематизировать и свести воедино сведения о славянах и их соседях, которые встречались в летописях, у античных и византийских авторов. Им же был сформулирован важный принцип источниковедческой герменевтики, требующий в совершенстве знать те языки и их диалекты, на которых написаны исторические источники⁶. С точки зрения современной науки это является залогом правильного понимания и интерпретации извлечённых из источников сведений. Ломоносов блестяще пользовался лингвистическими изысканиями для аргументирования своей позиции. Примером служит его критика основанной на формальном созвучии корней некоторых слов практики филологических «перевёрток», к которым прибегал Г.З. Байер ради доказательства исключительно скандинавского происхождения первых правителей древнерусского государства. «Сего не токмо принять за правду, – заявлял Михаил Васильевич, – но и читать без досады невозможно, видя сих имён явное от славенского языка происхождение, а особливо, что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования»⁷.

Когда в Академии наук разбирали примечания Фишера к «Сибирской истории» Г.-Ф.Миллера, во время дискуссии был поставлен вопрос: «надлежит ли историографу следовать всему без изъятия, что ни находится в каком подлиннике, хотя б иное было явно ложное или негодное, или баснословное или постороннее, и вносить оное в свою историю?»⁸. Насколько можно судить данная проблема тоже волновала Ломоносова. Им осуждал-

⁴ Ломоносов М.В. Репорт президенту АН с отчётом о работах за 1751-1756 гг. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.10. М.–Л.: Изд. АН СССР. 1957. С. 388–393.

⁵ Там же. С. 391.

⁶ Мнение г. статского советника и профессора Ломоносова, в Собрание поданное 26 июня 1764 г. // Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 527.

⁷ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера... // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 30–31.

⁸ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. Спб., 1865. С. 106.

ся субъективный, избирательный отбор фактов и особенно исключение, под предлогом недостоверности, тех из них, которые противоречат заранее выстроенной концепции автора исторического труда. Впрочем, в отдельных случаях Ломоносов полагал, что при наличии свидетельств многих авторов «спорное мнение весьма неважно»⁹. Но, будучи исследователем, подходившим к делу обстоятельно, он стремился использовать по возможности всю полноту и разнообразие извлечённых из источников данных, опираться, прежде всего, на сведения, заслуживающие наибольшего доверия.

Михаил Васильевич прекрасно понимал, что достоверность сообщений о древнейших веках российской истории невелика, «что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна». И всё ж, по его мнению, «правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках»¹⁰. Если встречались два противоречивых летописных или историографических известия, то Ломоносов старался сопоставить их с информацией другого рода, например, вещественными следами старинных развалин, топонимическими названиями и т.п. Это давало ему основания сделать вывод о том, что при определённых обстоятельствах умозрительные построения «не за бессильное доказательство признавать должно, когда на вышесказанных свидетельствах имеет опор и основание» или «возводят вероятность на высочайшую степень»¹¹.

При неопределённости сообщений о каком-либо событии Ломоносов говорил об этом прямо. При описании одной из схваток под Доростолом между войсками между Святослава и Иоанна Цимисхия, автор «Древней российской истории» указывает: «На сем сражении, по Кедринovu свидетельству, греки, по Несторову, – россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась»¹².

В других местах, анализируя кажушиеся ему сомнительными записи летописцев, Ломоносов пытается дать им рационалистические истолкования, исходя из здравого смысла. Так, упоминая об описанном в апокрифическом сказании, известном под названием «Новгородский летописец», некоем «славеновом сыне Волхве», который якобы «превращался в крокодила и пожирал плавающих», Михаил Васильевич пишет: «Сие разуметь должно, что упомянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, ..., раз-

⁹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого... // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 179.

¹⁰ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера... // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 20.

¹¹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 177–178, 182.

¹² Там же. С. 245.

бойничал и по свирепству своему от подобия прозван плотоядным оным зверем»¹³. Сходным образом Ломоносов комментирует эпизод с принятием княгиней Ольгой христианства: «Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовию греческого царя к Ольге, и что он перехищен ею был приятием от купели, дабы после не мог требовать как восприемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года, могла ещё прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простачи были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружеству препятствующем, не могли вспомнить»¹⁴.

Также он прибегал к доказательствам психологического свойства. Пересказывая сюжет из «Повести временных лет» о мести княгини Ольги древлянам за убийство её мужа Игоря, когда второе посольство древлянских старшин было сожжено в бане, Ломоносов замечает: «Здесь что-нибудь Нестором упущено, без того невероятно больше кажется древлянская оплошность»¹⁵. В самом деле – отчего посланцы оказались такими наивными и забывчивыми, что не справились о судьбе первого, предшествующего их приезду посольства?

В сомнительных случаях Ломоносов, не отвергая эвентуальности событий былого, высказывался достаточно осторожно: «Вероятности отрещись не могу; достоверности – не вижу», «...однако есть дела северных славян, в нем описанные, правде не противные»¹⁶. Таким образом, к выдвинутому уже В.Н. Татищевым критерию достоверности Ломоносов добавил критерий возможности осуществления того или иного события в данных конкретных условиях¹⁷. В иных неопределённых ситуациях он предлагал сочинителям исторических трудов ясно высказывать свою точку зрения¹⁸, чтобы читатель мог составить собственное мнение¹⁹.

Помимо письменных источников, Ломоносов иногда использовал устные сказания и фольклор. Наиболее активно привлекал их при описа-

¹³ Там же. С. 189.

¹⁴ Там же. С. 236.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Там же. С. 216, 189.

¹⁷ *Шанский Д.Н.* Историческая мысль. // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 3. Под ред. Б.А.Рыбакова. М.: Изд. МГУ, 1988. С. 143.

¹⁸ «По последней мере, ежели автор против того важные возражения имеет, надлежало бы ему,...., и купно сообщить свое мнение, а не так совсем без основания откинуть». См.: *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию Г.-Ф.Миллера... // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 38–39.

¹⁹ «Для того оставляю всякому на волю собственное мнение...». См.: *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история... // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 180.

нии событий эпохи Петра I, личностью и свершениями которого откровенно восхищался. Выходец из социальных низов, Ломоносов хорошо знал народные сказки, песни, отголоски древней языческой мифологии и верований, легенды и предания, бытовавшие на русском Севере. Поэтому не прав был Миллер, заявлявший: «Удивительно до какой степени Ломоносов презирает местные исторические свидетельства, которые вообще высоко ценятся людьми, интересующимися историей отечества»²⁰. Наоборот, Михаил Васильевич прекрасно понимал ценность устной истории, старался, «чтобы хотя от других слышанное слышать»²¹. Это давало ему исходный материал для наблюдений в области сравнительной мифологии, критического осмысления «нелепых сказок о богатырях и колдунах».

Конечно, как историк Ломоносов тоже не был свободен от ошибок и заблуждений. Ему приходилось с осторожностью относиться к старой историографической традиции, освящённой официозом Русской православной церкви, вынужденно принимать иногда устаревшие доводы от «Священного писания». Он порой излишне доверялся источникам, содержащим баснословные повествования о прошлом – «Синописису» архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля, «Летописцу Новгородскому», рассказам П.Н.Крекшина, церковным интерпретациям исторических явлений. Однако обычно добросовестность учёного одерживала верх, и он проявлял значительный скепсис в отношении псевдоисторических документов, каковыми являлись «грамота Александра Македонского славянскому народу», письмо Ивана Смеры князю Владимиру²².

Возможно, с точки зрения дня сегодняшнего, Ломоносов не имел столь впечатляющих результатов на ниве истории по сравнению с его достижениями в естественных и точных науках. Порой аргументация его исторических построений была несколько наивной. Но вряд ли можно поставить это ему в упрёк. Ведь сама историческая наука и источниковедение делали пока что только первые робкие шаги на пути познания истинных реалий прошлого. Многие оставались неизведанными, многие только предстояло освоить и осмыслить. И те трудности, с которыми в научной работе сталкивался Ломоносов, были хорошо понятны его современникам. Недаром зарубежные критики исторических сочинений учёного констатировали, что «ему пришлось, как это вынуждены делать все мы при изучении древней истории России, черпать из источников, которые ещё критически

²⁰ Замечания на ответы Миллера. // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 44.

²¹ Письмо И.И.Шувалову от 2 сентября 1757 г. // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.10. М.–Л., 1957. С. 525.

²² *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история... // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 189, 264–265.

не очищены и недостаточно подготовлены для использования историками»²³.

²³ Рецензия на Ломоносова «Краткий Российский летописец с родословием» в *Historisches Journal von Mitgliedern des Königlichen historischen instituts zu Göttingen*. Т. II. 1773. С. 262–265. // *Ломоносов М.В.* Записки по русской истории. М., 2003. С. 563.

Сиротина О.А. (ГИМ)

**Из писем П.С.Уваровой
(А.И.Анисимов и новгородские древности)**

В процессе работы над темой истории подготовки и проведения XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. в ОПИ ГИМ в фонде Уваровых (ф. 17) был выявлен комплекс писем выдающегося реставратора, историка, педагога Александра Ивановича Анисимова (1877–1937). Часть писем подшита вместе с материалами Археологического общества по работе XV съезда (ед. 637, 638), а в личной переписке Уваровой письма Александра Ивановича хранятся среди писем от других адресатов (ед. 541 и 542). В настоящей работе эти письма впервые вводятся в научный оборот.

Адресованные графине Уваровой письма охватывают временной промежуток с 1909 до 1916 гг. и относятся к периоду жизни Анисимова, который условно можно назвать «новгородским». Исследователь жизненного и научного пути ученого И.Л. Кызласова опубликовала шесть писем Анисимова Н.П. Кондакову этого периода¹. Писем же Уваровой 70, и они, несомненно, более информативны.

Анисимов сыграл значительную роль в деле «открытия» древнерусской живописи в первой трети XX в. Он был одним из тех исследователей, которые начали снимать с древних икон дорогие оклады и очищать лики от поздних записей. Так были возрождены уникальные памятники древнерусской живописи, такие, как фрески Дмитровского и Успенского соборов во Владимире, церкви Спаса Преображения и церкви Федора Стратилата в Новгороде, икона «Богоматерь Владимирская» и многие другие.

Магия древнего города, насыщенность Новгорода неизученными древними памятниками не могла не заинтересовать ученого. В 1908 г. Анисимов становится членом Новгородского общества любителей древности, а с 1909 г. принимает активное участие в работе Предварительного комитета по подготовке XV Археологического съезда. В это же время и состоялось знакомство А.И. Анисимова с графиней П.С. Уваровой. По заданию Предварительного комитета, за три года предшествующие съезду, молодой ученый обследовал около 400 памятников архитектуры новгородской епархии – монастыри и приходские храмы по Череповецкому, Устюжнскому, Боровическому, Кирилловскому и Белозерскому уездам. Во время поездок А.И. Анисимов отбирал вещи для выставки, которую собирались организовать во время работы съезда, а кроме этого предметы, требующие скорейшей реставрации ради их сохранения. «Чтобы спасти полу-

¹ Кызласова И.Л. Александр Иванович Анисимов (1870–1937). М., 2000. С. 17–22.

разрушенные иконы от гибели, я позволяю себе вместе с выставочными вещами отправлять за средства Предварительного комитета и такие, которые могут быть переданы только в музей для предварительной научной реставрации...», и далее он пишет о том, что эти «полуразрушенные иконы» «вскроют перед съездом колоссальную картину гибели наших национальных церковных богатств»².

Одновременно А.И. Анисимов наблюдал за расчисткой фресок XIV в., проводившейся в церкви Федора Стратилата. «За это время я занимался ц. Федора Стратилата, учился реставрации икон под руководством мастера из мастерской Чирикова³ и чисткою купленных мною за лето старинных портретов. Словом, старался несколько вникнуть в черновую работу. Но Вы знаете, как у меня мало времени! Я и учитель, и воспитатель, и лектор в городе, и в день – для научных занятий – у меня остаются свободными не более двух часов. А с такой свободой далеко не уедешь»⁴.

Он взваливал на себя огромный объем работы, не раздумывая брался за любое дело, которое считал нужным и полезным, делал все очень решительно, не желая слышать никаких возражений, что часто приводило к конфликтным ситуациям. Уже по прошествии времени, находясь в эмиграции, П.С. Уварова писала Н.П. Кондакову⁵: «Я совершенно Вашего мнения об Анисимове и его молодецкой решительности, с которой он бросается на расчистку наших древних икон. Верно, что найдутся перлы, но сколько из них пропадут при подобной поспешности? Готовясь к новгородскому и псковскому съездам, я имела много дел и споров с Анисимовым, и мне удавалось не раз мешать ему в его предприятиях...»⁶.

Работа над расчисткой фресок церкви Федора Стратилата продолжалась и после закрытия съезда. По мере проведения работ Анисимов выступал с сообщениями и докладами по этому поводу в Московском археологическом обществе, писал статьи в журнал «Старые годы», а к XVI Археологическому съезду в Пскове, проведение которого было намечено на август 1914 г., планировал при поддержке МАО, выпустить отдельное юбилейное издание, посвященное этому памятнику. «Разумеется, написанное мною вызовет не только возражения, но и прямое отрицание. Думаю,

² Из письма к П.С. Уваровой от 23 мая 1911 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 637. Л. 204.

³ Чириковы – семья иконописцев-реставраторов из Мстеры. Отец – Чириков Осип Семенович (ум. 1903 г.) открыл иконописную мастерскую в Москве, которую после смерти унаследовали его сыновья – Григорий Осипович (1882–1936) и Михаил Осипович (ум. 1917).

⁴ Из письма к П.С. Уваровой от 30 ноября 1910 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 637. Л. 145 об.

⁵ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – искусствовед, историк византийского и древнерусского искусства, археолог.

⁶ Из письма П.С. Уваровой к Н.П. Кондакову от 26 мая / 8 июня 1921 г. // *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси 1920–1930 годы. По материалам архивов. М. 2000. С. 108.

однако, что не надо бояться говорить то, что думаешь, ибо, если все будут бояться, как бы не сказать того, что другим не нравится, то дело изучения никогда не подвинется вперед... Надо описывать и анализировать сами памятники, а не переворачивать с боку на бок по сто раз «мнения предшественников», ббльшую частью весьма кратко и поверхностно наблюдавших памятник, а иногда даже знавшим его только по плохим снимкам»⁷.

В это же время митрополит Новгородский и Старорусский Арсений⁸ решил воплотить в жизнь идею создания Церковно-археологического общества и Епархиального музея на базе экспонатов, собранных на выставку к съезду. Анисимов был привлечен для отбора вещей. «Вскоре я начал разбирать вещи в храме. Что это была за работа, если бы Вы знали. Морозы. Храм не топили всю зиму. Ноги стынут. Чернила мерзнут. Непокрытая голова прямо немеет... Сдача вещей Семеновскому⁹ была целою пыткой: многократные проверки, сличения, с целью обличить мое воровство. И это смеют делать люди, которые не только продают иконы сами, когда опасность далека, но ежедневно распинают Христа»¹⁰. В ответ на обвинения Арсения о том, что коллекционеры «разворовывают» епархию, Анисимов с гневом пишет: «Так деньги которые одни из них могли бы тратить на свое благополучие, а другие на шампанское и разврат, они добровольно тратят десятками и сотнями рублей на то, чего не хочет и не может спасти само духовенство, предающее и губящее старину и, как Пилат, умывающий руки, которыми они не брезгают брать деньги за продаваемые иконы, утварь, облачения. Тем, кого архиепископ называет теперь ворами, потомство поставит памятник в благодарность за то, что в век невежества и фарисейства они одни возлюбили святыню нашего религиозного искусства и спасли для будущих поколений ее облик, насколько могли»¹¹.

Анисимов критично относился к действиям Арсения в деле создания музея: «Дело в том, что меня не только не просили поруководить новым делом, но даже не [пригласили], чтобы посоветоваться со мной насчет устава и этого, церковно-археологического общества, и музея при нем»¹². Но при этом он активно принимал участие в расчистке образцов древнерусских икон, собранных в музей: «Как бы то ни было, но расчистка открывает чудесные образцы иконописи, достойные лучших музеев Евро-

⁷ Из письма к П.С. Уваровой от 21 мая 1914 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 192.

⁸ Арсений (в миру А.Г. Стадницкий) (1862–1936) – митрополит Новгородский и Старорусский. Возглавлял Новгородскую епархию с 1910 по 1933 гг.

⁹ Скорее всего, речь идет о протоиерее Иоанне Семеновском.

¹⁰ Из письма к П.С. Уваровой от 2 марта 1912 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 138 об, 139 об.

¹¹ Из письма к П.С. Уваровой от 2 марта 1912 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 139.

¹² Из письма к П.С. Уваровой от 29 ноября 1912 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 150.

пы»¹³. И из другого письма: «Я считал, что один этот Музей, пока еще не большой, вправе был бы оправдать смысл созыва археологического съезда в Новгороде»¹⁴. Именно к этому времени относится расчистка знаменитых новгородских икон: «Битва суздальцев с новгородцами» и «Молящиеся новгородцы».

По заданию Московского археологического общества Анисимов активно занимался работами по расчистке фресок церкви Рождества Христова на Рождественском кладбище и иконостаса церкви Петра и Павла на Софийской стороне. По поводу проведения этих работ возник конфликт между Императорской археологической комиссией, поддерживаемой Епархиальными властями, с одной стороны, и Московским археологическим обществом – с другой: «... между графиней Уваровой и Императорской Археологической Комиссией существует антагонизм, и Московское Общество и Археологическая Комиссия работают взапуски, стараясь перегнать один другого...»¹⁵. П.П. Покрышкин¹⁶ и К.К. Романов¹⁷, представлявшие ИАК, предостерегали от поспешного смывания более поздних слоев живописи без их четкой фиксации и изучения, а А.И. Анисимов и реставратор П.И. Юкин¹⁸ стремились в первую очередь извлечь древнерусскую живопись из-под позднейших записей. «Археологическая Комиссия, как я уже сказал в начале письма, прислала, наконец свое требование. Последние мотивировано ею тем, что Юкин якобы допустил целый ряд дефектов в снятии позднейших прописей»¹⁹. При этом несовершенство законов по охране памятников четко не ограничивало зону ответственности различных организаций, в связи с чем постоянно возникали предложения по созданию общей комиссии, следящей за ходом работ, с чем А.И. Анисимов категорически не соглашался. «Но я, по своему разумению, считаю долгом беречь достоинство того учреждения, которое мы с Павлом Ивановичем²⁰ здесь представляли; которое брало на себя материальную и моральную ответственность и первое взялось за памятники и которое наконец само авторитетно настолько, чтобы быть освобожденным от ненужного соглядаяства. Ведь молчали же все эти господа, когда были одни голые стены. А как открыли чудесные произведения искусства и оказались день-

¹³ Из письма к П.С. Уваровой от 21 сентября 1912 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 148.

¹⁴ Из письма к П.С. Уваровой от 14 мая 1913 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 164.

¹⁵ Из письма к П.С. Уваровой от 2 июля 1913 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 168.

¹⁶ Покрышкин П.П. (1870–1922) – архитектор, историк древнерусского зодчества и живописи, реставратор.

¹⁷ Романов К.К. (1882–1942) – архитектор, историк древнерусского зодчества, археолог, реставратор.

¹⁸ Юкин П.И. (1885–1945) – художник-реставратор.

¹⁹ Из письма к П.С. Уваровой от 7 августа 1914 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 197.

²⁰ Речь идет о П.И. Юкине.

ги на работу, так нашлись сейчас же и сотни хозяев, готовых взять на себя тяжелый труд дать новорожденному памятнику свою фамилию, стать его Колумбами»²¹. И в более позднем письме: «... я не против контроля Археологической Комиссии и Епархиальной власти, но никакой комиссии подчиняться не стану: могут устраивать хоть 10 комиссий, но пусть все эти комиссии доносят о допущенных неправильностях Московскому Комитету и только его я буду слушаться, как хозяина дела»²².

В августе 1916 г. ему удалось перевестись из Новгорода в Петергоф. «Условия работы очень хорошие. Гимназия прекрасно оборудована. Уроки в старших классах. Два дня в неделю (понедельник и суббота) пустые, так что могу свободно уезжать в Новгород и даже в Москву. Поэтому оставляю за собой заведование церковным отделом губернского музея и членство в Правлении нашего Общества»²³.

Это цитата из последнего письма Александра Ивановича графине отложившееся в фонде. Продолжавшаяся война, последующие революционные события и эмиграция Уваровых прервали переписку.

Жизнь ученого изменилась после революционных событий, благодаря которым он получил возможность заниматься тем делом, которое считал наиболее важным для себя – реставрацией древнерусской живописи. А сохранившиеся письма дают возможность увидеть становление Анисимова как реставратора, знатока своего дела.

²¹ Из письма к П.С. Уваровой от 12 сентября 1913 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 179 об.

²² Из письма к П.С. Уваровой от 22 сентября 1913 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 180.

²³ Из письма к П.С. Уваровой от 2 августа 1916 г. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 542. Л. 211.

Жарова Е.Ю., к.б.н. (Брянская государственная сельскохозяйственная академия)

Издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как исторический источник по истории высшего образования в дореволюционной России

История университетского образования в Российской империи начинается с основания Академии наук и университета при ней. Но университет в полном смысле этого слова появился только в 1755 году в Москве. В последующем были открыты университеты в Дерпте, Вильно, Казани, Харькове, Петербурге, Киеве, Одессе, Варшаве, Томске, Саратове, Перми. К концу имперского периода существовало всего 11 университетов (не считая Гельсингфорского в Финляндии). На сегодняшний день отечественная историография накопила немало трудов, посвященных как истории университетского и высшего образования в целом, так и истории отдельных университетов и факультетов. Можно назвать работы дореволюционных авторов С.П. Шевырева¹, Д.И. Багалея², Е.В. Петухова³, Н.П. Загоскина⁴, М.Ф. Владимирского-Буданова⁵ по истории Московского, Харьковского, Юрьевского (Дерптского), Казанского, Киевского университетов, современных историков Е.А. Вишленковой⁶, А.Ю. Андреева⁷ по истории Казанского и Московского университетов, А.Е. Иванова⁸, Ф.А. Петрова⁹, А.Ю. Андреева¹⁰ по истории университетского образования в целом.

Каждое из вышеназванных исследований опирается на обширный круг исторических источников, позволяющий наиболее широко осветить

¹ *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета. 1755-1855. М.: В университетской типографии, 1855.

² *Багалея Д.И.* Опыт истории Харьковского университета. В 2-х тт. Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1893–1904.

³ *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. В 2-х тт. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1902–1906.

⁴ *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. В 4-х тт. Казань, 1902–1904.

⁵ История Императорского университета св. Владимира / Сост. М.Ф. Владимирский-Буданов. Т. 1. Университет в царствование императора Николая Павловича. Киев: В типографии ун-та, 1884.

⁶ *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005.

⁷ *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 1999.

⁸ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX вв. М.: АН СССР, 1991.

⁹ *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. В 4-х тт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002-2003.

¹⁰ *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.

историю университетского образования в Российской империи. Чаще всего историки ставили целью раскрыть отдельный аспект в истории университетов, что обуславливало и выбор источников. Общим для работ по истории отдельных университетов, особенно дореволюционных авторов, является изучение функционирования университета в качестве государственного учреждения – это и финансовые траты, и характеристика преподавателей, факультетов и кафедр, и важные для конкретного университета события, как принятие нового университетского устава, смена ректора или попечителя. Современные работы по истории университетов отличаются иной парадигмой – рассмотрением университета в качестве некоего пространства (был введен термин «университетское пространство»), в котором сосуществовали и взаимодействовали профессорская и студенческая корпорации.

Каждый вид исторических источников позволяет восстановить определенную сторону жизни университета и может выступать основным в зависимости от предмета и цели исследования. Помимо архивных документов и законодательных источников, зафиксировавших объективное отражение событий университетской истории, важным для воссоздания картины учебного процесса в университетах Российской империи является такой источник, как издававшиеся университетами ежегодно «Обозрения преподавания наук». С одной стороны, «Обозрения», наряду с университетскими отчетами, можно отнести к делопроизводственным материалам, а с другой стороны, они, несомненно, являются периодическими изданиями, в которых отражалась жизнь университета.

Первые «Обозрения» были связаны с Московским университетом и публиковались в качестве «Объявлений о публичных учениях в императорском Московском университете и обеих гимназиях оного». Такое название и соответствующий формат они сохранили до 1805 года, когда на русские университеты, в том числе Московский, был распространен университетский устав 1804 года. До принятия нового устава 1835 года издание называлось «Объявления о публичных учениях в Императорском Московском университете».

Традицию публиковать «Обозрения» восприняли и вновь открывшиеся Казанский и Харьковский университеты. В Казани издание выходило сначала под заглавием «Извещение о публичных преподаваниях», а затем часто меняло названия – «Обозрение преподаваний», «Обозрение публичных преподаваний», «Извещение о преподавании», «Каталог преподаваний», «Расписание преподаваний», «Каталог лекций», пока окончательно не установилось общепринятое название «Обозрение преподавания». «Обозрения» Харьковского университета также не раз меняли названия – «Обозрение публичных чтений», «Объявление публичного преподавания наук», «Обозрение преподавания предметов».

Но независимо от смены названия, суть издаваемых «Обзрений» была одна – публично объявляли обо всех курсах наук, читаемых в университетах. Как дань традиции до принятия устава 1835 года все «Обозрения» печатались на русском и латинском языках, в последующем текст излагался только на русском. Единственным исключением являлся Дерптский, впоследствии Юрьевский, а ныне Тартуский, университет, где «Обозрения» печатались на немецком и русском. Еще одной особенностью именно этого университета было разделенное на полугодия обучение, которое в других русских университетах было введено только после принятия устава 1884 года. Поэтому в Дерпте издавались отдельно «Обозрения» на каждое полугодие. В русских университетах в конце XIX – начале XX века общее издание «Обозрения» на какой-либо академический год лишь формально, внутри издания, было разделено на два полугодия, а в Дерпте публиковались два разных издания.

Аналогично названиям, отличавшимся от университета к университету, различия и формат изданий. Большинство «Обзрений» содержало в себе перечисление наук, изучаемых на факультетах поименно, когда после имени преподавателя указывались все читаемые им дисциплины с указанием курса и количества часов, а также времени проведения занятий. Этот подход характерен для «старых» университетов – Московского, Харьковского, Казанского, Петербургского (последний, впрочем, в конце XIX века отказался от поименного перечисления преподавателей, перейдя к предметному, т.е. перечислению по кафедрам наук). Другой формой было предметное изложение – от одной кафедры к другой. После названия кафедры указывалось имя профессора, а затем те предметы, которые он будет читать, на каком курсе, когда и сколько часов в неделю. Такая форма изложения была наиболее распространена. В конце XIX века после перечня дисциплин обязательно перечислялась рекомендуемая литература.

Фактически, формат «Обзрений» по каждому университету оставался неизменным до 1917 года, лишь усложняясь и увеличивая объем содержащейся информации. Например, взяв в руки «Обозрения» Московского университета начала XIX века, мы увидим перечисление профессоров и читаемые ими науки по каждому факультету отдельно. В «Обозрениях» на 1847-48 академический год сохранился тот же внешний вид. Очень мало изменился он и к 1917 году. Здесь мы видим традиционный поименный формат издания. Можно привести пример формата «Обозрения» другого типа – предметного, существовавшего в других университетах, например, в Новороссийском.

Длительное время «Обозрения наук» выпускались для всего университета в целом и содержали в себе несколько отделов для каждого факультета. После принятия устава 1884 года большинство университетов перешло на выпуск отдельных изданий для каждого факультета, сохранив при этом общие выпуски «Обзрений». Варшавский и Юрьевский университе-

ты не выпускали «Обзрений» для каждого из имеющихся факультетов, поскольку на них не распространялся общеуниверситетский устав 1884 года и фактически они оставались под действием, соответственно, уставов 1869 и 1865 гг. «Обзрения» этих университетов вообще отличаются очень сжатым количеством информации.

«Обзрения преподавания наук» наиболее ценны для исследователя университетской истории Российской империи тем, что позволяют последовательно, из года в год, воссоздать картину учебного процесса по каждому факультету. Они отражают сведения о том, какие преподаватели читали тот или иной предмет (многие «Обзрения» в начале или в конце содержат списки всех преподавателей университета), сколько часов в неделю и в какие семестры. Имея эти сведения, можно рассчитать учебную нагрузку дореволюционных студентов и преподавателей. Очень многие «Обзрения» имеют не только имена преподавателей с указанием дисциплин, но и установленные на академический год расписания, занимающие лист формата А3. К сожалению, не все «Обзрения» имели расписания. Например, в «Обзрениях» Дерптского и Варшавского университетов таких расписаний нет. Не каждый год встречаются они и в «Обзрениях» Московского университета. Обязательно присутствует ежегодное расписание по каждому факультету в «Обзрениях» университета Святого Владимира в Киеве, это единственное издание, куда расписания лекций включалось обязательно. Эти «Обзрения» даже имели характерное название – «Обзрение преподавания в университете Святого Владимира с приложением расписания лекций». Практически все выпуски «Обзрений» Петербургского университета имеют расписания лекций по каждому факультету. В «Обзрениях» Харьковского и Новороссийского университетов расписания встречаются не всегда, но обязательно имеется общий план преподавания по семестрам. Такие планы встречаются в «Обзрениях» Московского и Петербургского университетов.

Сведения, отраженные в «Обзрениях наук» помогают воссоздать учебный процесс от университета к университету, увидеть особенности, характерные для каждого университета. А они, безусловно, были. При сравнении «Обзрений» становится заметно, что наиболее «упрощенный» учебный процесс был в Варшавском университете, а самый сложный и многообразный – в Московском. Вообще, Московский университет имел много особенностей, среди которых, например, указание часов проведения занятий – латинскими цифрами – X, XI, XII и т.д., что значило, не в 10-ть, а в 10-м часу, не в 11-ть, а в 11-м часу и так далее.

«Обзрения наук» позволяют наглядно отследить реформы образования, в первую очередь, принятие новых университетских уставов и их влияние на учебный процесс, а также проводившуюся в начале XX века реформу перехода с курсовой на предметную систему обучения. Именно благодаря «Обзрениям наук» можно увидеть, как проходил этот переход

и когда университеты стали возвращаться к более жестким рамкам прохождения учебных курсов, т.е. отходить от заявленной при этой реформе свободе выбора студентами учебных дисциплин, независимо от курса обучения.

Анализ «Обзрений преподавания наук» дает сведения о развитии специализации на факультетах, введении приват-доцентских спецкурсов, характерных для того или иного университета (особенно много их было в Московском и Петербургском университетах), а также дает возможность рассмотреть эволюцию научного знания, благодаря тому, что в «Обзрениях» обязательно печатались руководства, которыми пользовались преподаватели для чтения лекций (в первой половине XIX века), к которым в конце XIX – начале XX века добавляется рекомендованная литература. Первоначально заметно абсолютное преобладание иностранных научных работ, излагаемых студентам. В последующем список меняется, уступая главенствующую роль отечественным исследованиям. Но, в то же время, для студентов продолжают рекомендоваться к изучению передовые труды иностранных ученых.

Несомненным плюсом «Обзрений преподавания наук» для исследователей является наполненность различными сведениями, которые можно почерпнуть при изучении этих исторических источников, а также их доступность. Эти издания хранятся в крупнейших библиотеках – Российской Государственной, Российской Национальной, Государственной публичной исторической, Научной библиотеке Московского университета, библиотеках старейших университетов Российской империи, существующих и поныне.

«Обозрения преподавания наук» могут выступать главным историческим источником для исследователя при воссоздании особенностей учебного процесса в университетах Российской империи, поскольку ни один источник не содержит столько полезных сведений, собранных в одном издании, которое, кроме того, публиковалось ежегодно. Сведения, которые можно почерпнуть в «Обзрениях», частично присутствовали в ежегодных «Отчетах», издаваемых университетами, а также в специализированных научных журналах каждого учебного заведения. Можно назвать эти журналы: «Ученые записки Московского университета», «Ученые записки Юрьевского университета», «Записки Харьковского университета», «Ученые записки Казанского университета», «Университетские известия» университета Святого Владимира, «Записки Новороссийского университета», «Варшавские университетские известия».

Перед началом учебного года в журналах обязательно публиковались сведения о тех предметах, которые будут читаться в академическом году. Но в них, например, нет сведений об особенностях учебного процесса в зависимости от специализации, нет расписаний занятий, нет учебных планов. Безусловно, «Обозрения преподавания наук» наиболее информа-

тивны. Кроме собственно сведений о прохождении студентами учебных курсов в них могли публиковать «Правила для студентов», «Правила о зачете полугодий». Такие «добавления» встречаются в «Обзрениях» Петербургского университета.

Таким образом, издававшиеся всеми университетами Российской империи «Обзрения преподавания наук» в качестве исторического источника позволяют:

1. Отследить изменения учебного процесса в университетах со времени их основания до 1917 года;
2. Получить сведения о читаемых дисциплинах, количестве часов и учебной литературе;
3. Рассчитать учебную нагрузку студентов и преподавателей;
4. Наглядно увидеть расписания занятий в различных университетах;
5. Рассмотреть характерные особенности обучения в каждом университете;
6. Сравнить процесс проведения университетских реформ и их влияние на процесс обучения;
7. Проанализировать развитие специализации, замещение кафедр преподавателями, введение спецкурсов.

Зайцева А.В. (МГУП)

**Учебные издания студентов
дореволюционной России:
экземпляр как исторический источник**

Исследование культуры дореволюционной России невозможно без обращения к истории студенчества, составлявшего хотя и небольшую, но очень активную часть общества. Особенный интерес представляет история студенческого учебного книгоиздания – как часть повседневного быта высшей школы, разновидность взаимопомощи и явление истории книжного дела.

Практика выпуска учебной литературы студентами упоминается в ряде исследований, посвященных научно-педагогической жизни¹ и издательской деятельности университетов², их отношениям с властью³. Студенческим изданиям уделяется внимание в связи с взаимопомощью студентов⁴. Публикации, в которых этот тип изданий рассматривается как относительно самостоятельное явление, немногочисленны⁵. Думается, издательская деятельность студентов заслуживает более внимательного изучения.

О ее широком распространении и важной роли учебных материалов, выпущенных студентами самостоятельно, можно судить по множеству изданий, сохранившихся в фондах современных крупных библиотек. Выявленный массив включает записи лекций, экзаменационные программы, пособия для практических занятий, изданные студентами различных высших учебных заведений России от Юрьевского университета до Восточного

¹ Жуковская Т.Н. Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX–XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: материалы международной конференции (2–5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000. С. 341–349.

² Шеметова Е.П. Формирование традиций университетского книгоиздания // Университетская книга. 2009. №11. С. 68–70.

³ Чирскова И.М. Цензура и университеты: (1860-е – начало 1880-х годов) // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 57–77.

⁴ Иванов А.Е. Мир российского студенчества: конец XIX – начало XX века. М., 2010. С. 132–136; Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 78–84.

⁵ Шилов Л.А. Издательская деятельность студентов СПб Политехнического института // Е.Н. Добржинский и библиотечное дело в России: доклады и сообщения научной конференции 2–3 февраля 1994 г. СПб., 1994. С. 36–42; Глинникова С.В. С дозволения профессора: в ходу – литографированные лекции // Мир библиографии. 2012. №1. С. 22–28; Иванова Т.Н. Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 23–26.

института во Владивостоке. Самое раннее из обнаруженных изданий вышло в 1845 г., самые поздние – в 1917–1918 академическом году. Предпочтительным способом печати была литография.

Несколько десятилетий существования студенческих учебных изданий делятся на два периода введением в 1901 г. «Временных правил о студенческих учреждениях в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения». В первый период в качестве издателей чаще выступали отдельные студенты. Поиск сведений об этом времени затруднен отсутствием издательской документации и необходимостью во многом опираться на источники личного происхождения. Для второго периода характерны издательские комиссии при обществах взаимопомощи, официально разрешенных «Временными правилами». Реконструировать практику самостоятельного выпуска учебной литературы с 1901 по 1918 гг. легче: комиссии помещали материалы о своей работе в отчетах обществ взаимопомощи, давали объявления в студенческой прессе.

Но наиболее интересный и многочисленный из источников – сами студенческие учебные издания, рассмотренные не в плане содержания, а в качестве своеобразного материального объекта – экземпляра. На многих сохранившихся экземплярах⁶ имеются разнообразные штампы, наклейки, инскрипты. Анализ этого комплекса владельческих и книготорговых признаков может дать хорошие результаты.

Целью, которую преследовали студенты-издатели, было упрощение учебного быта. Литографированные конспекты лекций избавляли слушателей от необходимости вести записи в аудитории и даже присутствовать в ней. Поэтому одной из главных особенностей студенческих учебных изданий была оперативность: их выход осуществлялся по мере появления или накопления материала. Например, во второй половине XIX в. лекционные курсы нередко литографировали параллельно с чтением лекций, так что полный текст складывался к концу семестра или года из отдельных листов, к которым мог в ряде случаев прилагаться титульный лист.

С этой точки зрения самым заметным владельческим признаком оказывается переплет как таковой. На фоне «рядовых» экземпляров выделяются конволюты, отражающие интерес владельца к определенному предмету или желание собрать вместе лекции по дисциплинам, читавшимся на каком-либо курсе. Кроме того, к лекциям часто приплетали литографированные экзаменационные программы – немаловажный источник по истории преподавания той или иной дисциплины. Была также обнаружена одна рукописная программа, вложенная между страницами издания.

Поскольку большинство владельцев рассматриваемых изданий составляли студенты, самые распространенные владельческие признаки от-

⁶ На данный момент ведется просмотр экземпляров из фондов ГПИБ России и РГБ.

ражают именно студенческий быт. Характерная черта – привычка подписывать свой экземпляр. Владельческие надписи на титульных листах и форзацах чаще всего содержат только инициалы и фамилию: «О. Веселаго», «П. Остроухов», «Н. Исаков» и т. п. На некоторых экземплярах можно найти имена двух и даже трех человек, так как после сдачи экзаменов студенты дарили или продавали свои книги младшим товарищам. Учащаяся молодежь предпочитала именно надписи, а не экслибрисы, делая акцент на бесплатности владельческого знака, а не на его красоте.

Иногда инскрипт, оставленный владельцем, содержит сведения об издателях, которых нет в самом издании. На своем экземпляре «Лекций по исторической грамматике русского языка» И.В. Ягича⁷ П.К. Симони написал: «Издание это сделано на счет кружка студентов гг. А.К. Бороздина, Теремца, Глинского и друг. по записям слушателя проф. И.В. Ягича, Б.М. Ляпунова, которым весь курс был еще проверен и присоединено указание описок и опечаток. П.С.». Не менее ценны лаконичные пометки неизвестных владельцев: «изд. А Григорьев и Н. Соколов» на экземпляре «Лекций по сравнительной фонетике» Ф.Ф. Фортунатова⁸ и «Записаны Багницкою» в конце текста литографированных лекций К.Н. Бестужева-Рюмина⁹.

Вторая определяющая особенность студенческих учебных изданий – подчеркнутая функциональность, и это хорошо видно по тому, как их использовали. Учебные пособия часто не берегли, как обычные книги: экзаменационные программы испещрены пометками и комментариями, в курсах лекций постоянно встречаются подчеркивания, немые знаки чтения, нотабене, комментарии. Студенческие издания часто не имели ни рубрик, ни оглавления, и владелец должен был сам сделать свою книгу удобной для чтения, например, подписать карандашом фрагменты текста, соответствующие разным экзаменационным билетам. Эта разметка помогает восстановить содержание экзамена, если отсутствует программа.

Меньшую по численности группу владельцев студенческих изданий составляли профессора и доценты – авторы лекционных курсов, выпускавшихся студентами. Им студенты-издатели отдавали авторские экземпляры. Кроме того, в воспоминаниях бывших студентов можно прочесть о существовании подносных экземпляров, и эти сведения подтверждаются библиотечными находками. Так, киевские юристы-второкурсники вручили Е.Н. Трубецкому его лекции по истории философии права в нарядном переплете и с дарственной надписью «Высокоуважаемому Автору Евгению Николаевичу кн. Трубецкому издатели-студенты 2 курса Юрид. фа-

⁷ Ягич И.В. Лекции по исторической грамматике русского языка / [по записям Б.М. Ляпунова]. СПб., 1883/4. 347, [5] с.

⁸ Фортунатов Ф.Ф. Лекции по сравнительной фонетике ордин. проф. Фортунатова, читанные в 1898/99 ак. году / [изд. А Григорьев и Н. Соколов]. М., б.г. 277 с.

⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Лекции по русской истории / [записаны Багницкою]. СПб., 1879. 680 с.

культ.»¹⁰. Рядом с автографом находится штемпель личной библиотеки профессора – знак того, что подарок был принят.

Профессора дарили студенческие издания собственных лекций друг другу и своим друзьям вне высших учебных заведений, о чем также свидетельствуют особенности конкретных экземпляров. В «Истории славянских законодательств» Ф.Ф. Зигеля – автограф «Глубокоуважаемому товарищу и другу Платону Андрее[вичу] Кулаковскому» и штемпель библиотеки П.А. Кулаковского¹¹. В «Лекциях по общей теории права» Н.А. Гредескула – дарственная надпись «Дорогому товарищу и соратнику Сергею Никаноровичу Драницыну на добрую память сии до-Марксист[с]кие лекции подносит автор»¹².

Третья группа владельцев студенческих учебных изданий – библиотеки. Судя по штемпелям и наклейкам, их покупали Чертковская библиотека, Городская читальня в память И.С. Тургенева, библиотеки Московского педагогического собрания, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Румянцевский музей с 1869 г. получал обязательные экземпляры студенческих изданий. Но, конечно, главное место в этом списке занимают библиотеки студенческие. На выявленных экземплярах имеются штемпели петроградского и калужского землячеств Московского коммерческого института, студенческого отдела библиотеки Новороссийского университета.

Среди условий, сформулированных в «Положении особого Комитета об учащих в учебных заведениях разных ведомств» от 8 июля 1869 г., была передача литографированных изданий «в продажу наравне с печатными книгами»¹³. Тем не менее, книготорговых признаков было обнаружено крайне мало. К тому же без обращения к другим источникам не всегда можно точно сказать, в каких случаях на прилавках оказывались новые, а в каких – подержанные книги.

С другой стороны, любопытен сам факт наличия студенческих изданий в ассортименте антикварной торговли В.И. Ключкова или крупного книжного магазина «Труд» С.А. Скимунта. Сравнение мест выпуска и продажи подтверждает, что студенческие издания распространялись далеко за пределы стен высших учебных заведений, в которых они были созданы. Экземпляр «Политической экономии» А.И. Чупрова, отпечатанной в

¹⁰ Трубецкой Е.Н. История философии права (древней) / изд. студентов. Киев, 1899. 179 с. Припл. в конце: Трубецкой Е.Н. История философии права (древней) / изд. студентов. Киев, 1899. 111, [1] с.

¹¹ Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств: курс, чит. заслуж. проф. Ф.Ф. Зигелем для студентов I курса 1908/9 акад. г. Ч. 1 / курс редакции студента Н.М. Гутковского. Варшава, 1908. 283 с.

¹² Гредескул Н.А. Лекции по общей теории права / изд. Студ. кассы взаимопомощи С-Петербур. политехн. ин-та. СПб., [1909]. 317 с.

¹³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1395–1396.

Москве¹⁴, продавался в Санкт-Петербурге у И.И. Митюрникова. Экземпляр «Курса оперативной хирургии и хирургической анатомии» профессора Московского университета А.А. Боброва¹⁵ отмечен штемпелем «Книжные магазины И.А. Розова в Киеве и Одессе».

Книжные магазины использовали также вложение рекламы в продаваемые ими книги. Маленькая листовка-календарик, приплетенная к экземпляру лекций М.М. Богословского¹⁶, многое сообщает о деятельности студентов-издателей и книгопродавцев в начале XX в.: «Коллектив студенческих организаций г. Москвы – «Студенческое Издательство» основной своей задачей ставит удешевление книг для потребителей-учащихся в высших ученых заведениях. Это достигается собственными изданиями, сосредоточением на складе магазина изданий Студенческих издательских организаций, а также скидкой, делаемой на учебные пособия учащимся. Скидкой пользуются также библиотеки общественных организаций (земств, городов и учебных заведений). На книги, не имеющиеся в магазине, принимаются заказы, выполняемые в однодневный срок. Выполняются заказы в провинцию с наложением платежа. Принимаются книги в переплет».

Многие экземпляры с индивидуальными особенностями обладают и владельческими, и книготорговыми признаками. Самый замечательный из всех, на наш взгляд, экземпляр лекций Н.С. Тихонравова¹⁷, иллюстрирующий почти все случаи из описанных выше. На титульном листе видны две владельческие надписи, оставленные студентами историко-филологического факультета – «Л. Денисов» и «С.Н. Северьянов». Первая принадлежит Л.И. Денисову, впоследствии Арсению, епископу Кашинскому. Вторая – ученику Н.С. Тихонравова, специалисту по древнерусской литературе С.Н. Северьянову. На экземпляре обнаружены также наклейка московского филиала книжного магазина Н.П. Карбасникова и штемпель Чертковской библиотеки. Литографированный текст сочетается с рукописным, между страницами вложен отдельный лист рукописи с фрагментом записи лекции.

Таким образом, внимательное рассмотрение экземпляров учебных изданий студентов способно предоставить исследователю большой объем интересной для анализа информации, а также подтвердить некоторые све-

¹⁴ Чупров А.И. Политическая экономия: лекции ординар. проф. Императ. Моск. ун-та А.И. Чупрова / студ. изд. М., 1906. 272 с.

¹⁵ Бобров А.А. Курс оперативной хирургии и хирургической анатомии: лекции профессора А.А. Боброва / [доктор М.А. Соколов]. 2-е изд., испр. и значительно доп. М., 1889. VI, 549 с.

¹⁶ Богословский М.М. История России XVIII века. (1725 г. – 1796 г.) / изд. по зап. слушателей, ред. профессором; изд. О-ва взаимопомощи студ.-фил. при И.М.У. М., 1915. 375 с.

¹⁷ Тихонрапов Н.С. История русской литературы: лекции заслуж. проф. Н.С. Тихонравова, чит. в 1884/85 акад. г. / изд. Ник. Миронова. [М., 1884/85]. 126 с.

дения из других источников. Очевидно, что выявление студенческих учебных изданий в библиотечных фондах обеспечит исследователей данными не только для составления репертуара этих изданий, но и для изучения практики их создания и распространения, особенностей их бытования.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Уханова Е.В., к.и.н. (ГИМ)

Горячева Т.Д. (МГУ)

Об изображении неизвестного святого в Кирилловской церкви в Киеве (XII век)

На южном склоне арки Кирилловской церкви, ведущей из нартекса в наос, написана фигура святого, до сих пор не привлекавшая внимание исследователей росписей храма.

На фреске изображен святой с глубоко посаженными глазами, впалыми щеками, длинным тонким носом, седыми курчавыми волосами и бородой. Выражение его лица строгое, даже суровое, и отрешенное. Лицо и рука написаны красноватой краской, нимб – желтой. Его правая рука согнута в локте и поднята вверх с именованным благословляющим перстосложением, в левой руке он держит развернутый свиток с текстом. Надпись имени святого не сохранилась.

Американская исследовательница кирилловских фресок О. Певни так описывает это изображение: «У аскетичного, седовласого и длиннородого пророка – впалые щеки, глубоко посаженные темные глаза и длинный тонкий нос. Он облачен в темно-бордовую мантию поверх перехваченной на талии туники бледного сине-зеленого цвета, его правая рука поднята с выразительным жестом, а в левой – он держит развернутый свиток. На свитке сохранились лишь практически нечитаемые следы надписи»¹. Далее она пытается представить отдельные распознанные буквы. Вероятно, О.Певни руководствовалась в своем описании мнением А.В. Прахова, возглавлявшим раскрытие и реставрацию кирилловских фресок в XIX веке, который первым назвал святого пророком. Во время реставрации были сделаны и затем представлены на выставке и опубликованы копии фресок. В "Каталоге" выставки копий это изображение под номером 13 характеризуется А.В. Праховым как "Пророк с хартией из прохода, ведущего из нартекса в средний продольный корабль церкви"². Никто из исследователей кирилловских фресок специально этим изображением не занимался и не пытался прочесть надпись на свитке.

Обратимся к тексту. Он представляет собой отрывок из «Паренесиаса» Ефрема Сирина, популярного в Древней Руси сборника поучений, ос-

¹ *Pevny Olenka Z.* The Kyrylivs'ka Tserkva: The Appropriation of Byzantine Art and Architecture in Kiev // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doktor of Philosophy. Institute of Fine Arts. News York University. 1995. P. 259.

² *Прахов А.В.* Каталог выставки копий памятников искусства в Киеве X, XI, XII вв., исполненных А.В. Праховым в течение 1880, 1881, 1882 гг. СПб., 1882.

нову которого составляют Поучения к египетским монахам (от 49 до 50 поучений). Надпись на свитке представляет собой начальные строки «Слова 17. Наказанье» по славянскому переводу.

«Паренесис» был одной из самых читаемых книг в Древней Руси и других славянских землях. Перевод «Паренесиса» по языку относят к древнейшему периоду славянской письменности, по-видимому, он был осуществлен в Болгарии еще в X в.³

Приведем начало текста поучения по рукописи из собрания Троице-Сергиевой Лавры (7. (2016.) Ефрема Сирина Поучения, устав в два столбца, XIII века, лл. 20 об.-21):

«Брате егда клепеть ти брат ночью яко да встанеш на славословье Божие восстани прилежно да и лентяйся видевь твое инодушье воздвигнуть свою душу на воспряновенье по реченому: вариста очи мои къ утру поучите ми ся словесемь твоимь. (Пс.118:148 – *Т.Г.*). аще же прилучить ти сномь тяжкомь побежену быти привиденьем демонскимь и воспрянув не ленися востати ити в сборь».

На тексте свитка пропущены слова псалма и последнее слово – «привиде[ньем]» не дописано до конца:

1 **братѣ ѿгда кл[ѣ]-**
2 **плеть ти братъ [но]-**
3 **цью . яко да въ-**
4 **станеш[н на славо]сѣ**
5 **внѣ бжне въстн-**
6 **н п[рн]лѣжьн̄ [а]ѿ**
7 **же прилѹитъ ти сѣ**
8 **[с]ѣнѣм̄ тѣ[ж]ьк[о]**
9 **повѣженѹ быти**
10 **[прн]вн[д]ѣ**

Надпись на свитке в руке святого состоит из 10 строк, каждая из которых обозначена очень толстой красной линией, порою закрывающей до 1/3 высоты букв текста. Края свитка выделены аналогичной обводкой, при этом буквы на конце 1 и 2 строки также не читаются. Надпись выполнена монументальным уставом, с украшенными элементами и отдельными лигатурами. Буквы вертикальные, удлиненные, симметричные, с большим расстоянием между буквами в строке и междустрочным пространством. Это характеризует раннюю разновидность устава. К особенностям, имеющим датирующее значение, можно отнести написания: **Б, Ъ, Ь** и **ѣ** с маленькой нижней петлей (перекладина у **ѣ** лежит на верхней линии строки),

³ Буланин Д.М. «Паренесис» Ефрема Сирина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Издательство "Наука" Ленинградское отделение, 1987. С. 297.

при этом мачта у **Ъ** наклонена вперед; нижняя петля **В** занимает не более $\frac{2}{3}$ от высоты буквы, в одном случае она соприкасается с верхней петлей на мачте, в двух других – петли разведены; симметричная **Ж** пишется в 3 дукта, т.е. наклонные линии выполнены без отрыва; переключина **И** – строго горизонтальна и находится в средней части буквы, переключина **Н** – выполнена по наклонной слева направо также в центре буквы; переключины у **та** и **ќ** расположены горизонтально по центру буквы; симметричная **Ч** состоит из округлой не очень глубокой чашечки и вертикали, выходящей из нее посередине; диграф **ОУ** представлен дважды через **Ѕ**, который все еще мыслится как лигатура из двух букв – **О** пишется на всю высоту строки, а **У** приписана без хвоста выше линии строки. Среди немногих выносных букв находятся гласные (**О, Е, Ъ**), которые пишутся преимущественно над концом строки без титла, как продолжение текста строки. Они уменьшены, но не редуцированы и сохраняют широкие пропорции строчных букв. Совокупность перечисленных выше особенностей, включая широкое расстояние между буквами, характеризует древнейший устав рукописных книг последней трети XI – первой половины XII в. Конечно, нужно учитывать парадный характер надписи и возможность, имеющуюся у художника, в отличие от писца книги, откорректировать контур буквы, сделать ее идеально симметричной. Однако установка писца на монументальность, симметрию, размеренный характер письма даже в таком маленьком пространстве фрески говорят о его приверженности старой школе письма.

Еще одной палеографической особенностью этого памятника является наличие элементов вязи, служащих сокращению и украшению письма. При этом они соотносятся с древнейшим набором форм византийской вязи, возникшим в X в.: украшение отдельных букв, появление лигатур, удлинение высоты декоративных строк по отношению к ширине, а также увеличение отдельных букв и соподчинение одной буквы другой⁴. Общие вытянутые пропорции всех букв надписи мы уже отмечали выше. Украшение распространяется писцом преимущественно на букву **Е** – язычок буквы делается волнистым или изогнутым ($\frac{1}{5}, \frac{5}{7}$)⁵, а также на буквы **Ъ**, переключина которой удлиняется и загибается вверх ($\frac{5}{9}$), и уменьшенную **С**, спинка которой пишется изогнутой ($\frac{5}{10}$). Возможно, аналогичный извив в нижней части буквы имеет **С** в конце 4 строки. В надписи фиксируются лигатуры в соединении следующих букв: **ТЬ** ($\frac{2}{4-5}$), **ТН**, при этом **Н** уменьшена и соподчинена **Т** ($\frac{5}{11-12}$), **ТИ** ($\frac{7}{12-13}$), **ПР** ($\frac{7}{3-4}$ и, вероятно, $\frac{6}{2-3}$). Как мы уже отмечали, как лигатуру писец воспринимает и **Ѕ** ($\frac{7}{7}, \frac{9}{8}$). Соподчинение мы нашли при сочетании лигатуры **ПР** с последующей **І**, которая пишется уменьшенной под петлей **Р** ($\frac{7}{3-5}$). Также можно рас-

⁴ Щепкин В.Н. Вязь // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. XX. М., 1904. С. 60–61, 67.

⁵ Здесь и далее цифра в числителе обозначает номер строки, знаменателя – номер буквы от начала строки).

смаatrивать удлинение мачты Т и ее доминирование над строкой как частный вариант соподчинения букв.

Наличие в письме надписи элементов вязи, с одной стороны, ставит под сомнение ее датировку XII веком, а с другой, – поднимает вопрос о времени появления вязи на Руси. Исходя из данных сохранившихся рукописей, считается, что вязь вошла в обиход древнерусского книжника в конце XIV в. в связи со вторым южнославянским влиянием. Однако мы можем указать ряд древнейших русских кодексов XI в., где можно встретить набор элементов вязи, аналогичных нашей надписи. Их употребляет, например, второй (основной) писец рукописи Пандектов Антиоха Черноризца, датированной XI в.⁶ Однако необходимо отметить, что употребление вязи в рукописных текстах XI–XII вв. явление редкое. Гораздо чаще она встречается в надписях на предметах декоративно-прикладного искусства и фресках. Характерным примером являются росписи церкви Спаса на Нередице XII в. Анализ начертаний надписей на этих фресках приводит нас к пониманию путей проникновения элементов вязного письма на Русь так рано, а также причин его распространения на фресках и художественных изделиях и неупотребления его в письме большей части рукописей. Надписи на фресках церкви Спаса на Нередице явно делятся на две группы: одна из них представляет собой украшенное грецизированное письмо с элементами вязи, другая – состоит из традиционных для древнерусского писца начертаний. Полагаем, что византийская вязь проникала на Русь в самый ранний период вместе с греческими художниками, расписывавшими храмы фресками и сопровождавших их надписями. Близость графических систем греческого унциала и славянского устава позволяла древнерусским мастерам усваивать греческую манеру украшенного и сокращенного письма, бывшего актуальным и модным в то время, и адаптировать его к русскому материалу. По этой же причине вязь почти не проникает в графику рукописных текстов, которые не были зоной непосредственного контакта: развитие древнерусского устава шло путями, не зависящими от греческого унциала. Таким образом, наличие элементов вязи в рассматриваемой нами надписи является вполне органичным явлением и не влияет на ее датировку, вероятно, серединой XII в.

Принадлежность текста на свитке преподобному Ефрему Сирину позволяет предположить, что на фреске изображен сам святой.

Изображение сохранилось почти целиком, под масляной записью XIX века находятся только часть фигуры святого ниже колен, верхняя часть нимба и правая верхняя часть головы с волосами и нимбом. Сохранность красочного слоя плохая, много утрат вследствие перетиранья штукатурки и побелки, которыми фрески были покрыты с XVIII века, и соскаб-

⁶ ГИМ, Воскр. перг. 30. См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 24. С. 66–67.

ливания краски острыми инструментами во время раскрытия фресок в XIX веке. Чуть правее центра фигуры – утрата изображения, замененная округлой вставкой новой штукатурки. Кисть левой руки, держащей свиток с надписью, утрачена. Преподобный облачен в монашеские одежды – в красно-коричневую монашескую мантию и нижнюю светлую одежду, тени которой прописаны светло-зеленой краской. По центру фигуры святого ниже пояса из-под мантии спускается широкая белая лента (аналав) более светлого цвета, чем нижняя одежда, почти белая. Следы цветных пигментов позволяют предположить, что на аналаве, возможно, был рисунок. На нижней одежде (вероятно, подризник или подрясник) чуть ниже талии видна тонкая темная линия пояса. Правую руку святого плотно облегал узкий рукав с многочисленными складками. Примерно на середине расстояния от запястья до локтя видна веревочка, спускающаяся из глубокой полукруглой складки, возможно, это тесьма или шнурок нижнего края рукава подризника, который плотно стягивал рукав. Это может быть и шнур поручей или нарукавников, которые надевались на рукава подрясника или подризника. Охватывая руку в запястье, поручь соединяется с внутренней стороны руки с помощью шнура, продеваемого в металлические петли на боковых краях его, а шнур обматывается вокруг руки, так что поручь плотно стягивает рукав подризника или подрясника и прочно держится на руке.

В отчете о реставрации кирилловских стенописей 1979 г. отмечается плохая сохранность изображения, утраты красочного слоя и повреждения штукатурного слоя, вставки новой штукатурки во время реставрации XIX века. «Плащ в виде накидки, которая покрывает почти всю фигуру со спины, и верхняя часть ее впереди крепится застежкой у горловины, отчего складки как бы расходятся от центра груди по обеим сторонам к плечам, предплечьям и к талии. Здесь плащ лежит на согнутых в локтях руках, а нижние складки даны в свободном падении»⁷. Реставраторы отмечают, что верхняя одежда святого написана коричневой охрой, которая большей частью утрачена до грунта. Рисунок складок удалось установить благодаря графьям, которые процарапаны в большом количестве и намечают складки верхней и нижней одежды, графьей же намечена окружность нимба. Нижняя одежда святого зеленого цвета, складки ее, кое-где прорисованные графьями, чуть ниже колен представляют собой вертикальные ряды чередующихся мазков – белых, светло-зеленых и чисто зеленых. Разделка складок правого рукава выполнена с использованием того же приема: они представляют собой чередование поперечных зеленых, светло-зеленых и

⁷ Архив Софийского Музея-заповедника. Папка 556/НА-968/1-2. Отчет о реставрации настенной живописи средней части нартекса Кирилловской церкви – памятника архитектуры XII в. г. Киев. 1979. С. 40-41.

белых мазков⁸. Нижняя одежда святого перехвачена на талии широким серо-голубым платом⁹.

«Святой представлен глубоким старцем, – пишут реставраторы, – со значительными и строгими чертами лица... Несмотря на утраты, хорошо читаются большие глаза, широкий разлет бровей, прямой удлинённый нос и плотно сжатые губы. Волнистые волосы разделены пробором и в виде короткой челки прикрывают часть лба. Изогнутые пряди усов и очень длинной, почти до пояса, бороды просматриваются только у рта и на подбородке. Ниже на месте бороды образовалась утрата древней штукатурки и по обе стороны от нее красочный слой так вытерт, что обнажился первоначальный подмалевок. Участки фрески на лице, на волосах и на бороде и на кистях рук представляют собой отдельные острова красочного слоя: иногда они уцелели со всеми верхними прописями; местами утрачены чешуйки корпусных белил, а довольно часто обнажился предварительный рисунок, выполненный красной охрой»¹⁰.

Описание реставраторов является для нас очень ценным историческим источником, но не во всем с ним можно согласиться. Например, пояс нижней одежды скорее узкий, чем широкий. Утверждение, что значение жеста приподнятой правой руки трудно определить¹¹, кажется странным, так как на фреске отчетливо видно именно благословляющее перстосложение. Не виден пробор, разделяющий волосы на голове.

Борода святого может показаться «длинной, почти до пояса» благодаря отчетливым коричневым вертикальным линиям справа и слева от подбородка, спускающимся почти до пояса. Но между ними, наряду то ли с остатками белой краски, то ли обнажившегося нижнего слоя подмалевка, есть большие пятна красно-коричневого цвета, в том числе очерчивающие горловину мантии и на месте предполагаемой застежки. Если это продолжение бороды, то она закрывала бы собой застежку. Впрочем, она плохо видна, скорее угадывается. При внимательном рассматривании бороды на стене в оригинале и, особенно, на photographиях с большим разрешением на компьютере, увеличивая изображение, можно прийти к выводу, что борода святого – не длинная, она доходит примерно до горловой впадины на шее святого или до верхнего края горловины мантии, причем, возможно, раздвоена, так как в середине между боковыми, как бы свисающими ее краями, и под более короткой центральной частью находится большой участок коричневатого-желтого цвета. Это вполне соответствует утверждению реставраторов, что «изогнутые пряди усов и ...бороды просматриваются только у рта и на подбородке». Под предполагаемой застежкой мантии как раз на месте продолжения длины бороды угадываются расходящиеся от за-

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С.38.

¹⁰ Там же. С. 39–40.

¹¹ Там же. С.38.

стежки в разные стороны складки. Коричневые вертикальные линии, возможно, образованы остатками красно-коричневой краски, которой написаны лицо и верхняя одежда святого, и участками стертой краски вокруг, тем более, как писал Прахов, что еще до начала раскрытия фресок, когда была осознана их историческая ценность, рабочие грубо перетирали фрески, скоблили их острыми инструментами, подготавливая стены к новым росписям¹².

Все вышесказанное – и монашеские одежды, и особенности внешнего облика – вполне согласуется с предположением, что на фреске изображен преподобный Ефрем Сириянин.

«Изображения Ефрема Сирина были широко распространены в византийском, балканском и древнерусском искусстве. Особенности его внешнего облика определились достаточно рано; в наиболее древних из сохранившихся памятников Ефрема Сирина предстает седовласым старцем с большими залысинами на лбу, впалыми щеками, с короткой, редкой, раздвоенной бородой, оставляющей открытым подбородок.

В раннее время Ефрем Сириянин преимущественно изображался в монашеской мантии с непокрытой головой. В левой руке Ефрем Сириянин нередко держит свиток, правая – в жесте благословения. Иногда вместо свитка в его руках – книга.

В византийское время изображение Ефрема Сирина входило в состав храмовых декораций – обычно его образ находился среди преподобных в западной части наоса или в нартексе.

В древнерусском искусстве утвердилась иконография Ефрема Сириянина, представляющая его аскетом со впалыми щеками и редкой бородой, в темном монашеском плаще и куколе. Отсутствие надписей не всегда позволяет уверенно идентифицировать образ святого в ранних памятниках»¹³.

Несмотря на почитание в Древней Руси Ефрема Сирина, его изображений от домонгольского периода не сохранилось. Н.В. Герасименко в статье об иконографии Ефрема Сирина в Православной энциклопедии, называет от домонгольского периода только одно предполагаемое изображение в нартексе Николо-Дворищенского собора (1117–1136). Оно представляет собой нижнюю часть фигуры, чуть выше пола, вероятно, облаченной в монашескую мантию, но лицо и сама фигура не сохранилась. По мнению Т.Ю. Царевской, это могло быть изображение преподобного, например, Ефрема Сирина, Палладия Мниха или Василия Нового как авторов текстов о Втором Пришествии¹⁴.

¹² Прахов А. Открытие фресок Кирилловского монастыря под Киевом. // Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть ССХХVI. СПб., 1883. С. 25, 28.

¹³ Герасименко Н.В. Иконография Ефрема Сирина // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 104 – 105.

¹⁴ Царевская Т.Ю. Никольский собор на Ярославовом дворе в Новгороде. М.: Северный Паломник, 2002. С. 55–56.

Возможно, на фреске Кирилловской церкви в Киеве – самое раннее из сохранившихся в древнерусском искусстве изображений Ефрема Сирина и самое раннее в Древней Руси воспроизведение текста указанного фрагмента «Паренесиса» Ефрема Сирина, так как наиболее ранним из сохранившихся полных рукописных его списков считается список конца XIII в.

Строганова Ю.А., к.и.н. (Музей «Большой Кремлевский дворец»)

Росписи Золотой Царицыной палаты в Московском Кремле, проблемы изучения памятника

Золотая Царицына палата, парадная зала, где государыня принимала гостей в дни семейных и церковных торжеств, впервые упоминается в дополнительной статье к чину бракосочетания великого князя Василия Ивановича и Елены Глинской в 1526 г. – она названа «хоромами великой княгини»¹. Палату стали называть «Золотой» лишь в правление царя Федора и царицы Ирины Годуновой, в 1580 г.² Самое раннее упоминание о существовании стенописи в Царицыной палате относится к 1589 г., когда её посетил греческий архиепископ Арсений Элассонский вместе с константинопольским патриархом Иеремией и новопоставленным московским патриархом Иовом. Однако, описание архиепископа Арсения носит слишком общий характер. За время своего существования Золотая Царицына палата претерпела как конструктивные изменения, так и поновления стенописей, поэтому одной из главных проблем при изучении её живописного комплекса является вопрос датировки и авторства росписей, который осложнен отсутствием обоснованных документальных данных. Летописный текст на своде палаты сообщает, что она «подписана» в 1637 году и поновлена в 1650 году по инициативе царя Алексея Михайловича, хотя очевидно, что палата была расписана раньше.

Одной из главных исследовательских задач в изучении Золотой Царицыной палаты является раскрытие общего замысла росписей и историко-литературная интерпретация сохранившихся сюжетов. Основной проблемой при этом является утрата некоторых сюжетов, которые можно попытаться реконструировать. Эта работа может проводиться в нескольких направлениях. Прежде всего, необходимо предпринять поиск житийных текстов, общеупотребительных в XV – XVI вв., и определить соответствие живописных сцен житийным повествованиям. Необходим также поиск и сравнительный анализ сохранившихся аналогичных изобразительных циклов – летописных миниатюр (миниатюр Радзивилловской летописи), храмовых росписей (фресок западной части Архангельского собора, Смоленского собора Новодевичьего монастыря и др.).

В системе росписей Царицыной палаты отдельные сюжеты и сцены располагаются не в хронологической последовательности, а размещены согласно сложившейся традиции росписи храмов и объединены определенной программой. В зените свода помещено изображение Богоматери «Знамение», осеняющей торжество христианских идей, что задает опреде-

¹ Дополнение к актам историческим, изданным Археографической комиссией. Т. 1. Спб., 1846. С. 21–22.

² Дворцовые разряды. Ч.1. М., 1850. Стб. 1154.

ленный тон иконографической программе росписей. От центра свода двумя регистрами идут повествовательные циклы, взятые из житий святых Константина и Елены и святой равноапостольной княгини Ольги. Первый состоит из четырех крупных сцен: «Сон императора Константина», «Битва с Максенцием» и «Обретение Креста св. царицей Еленой». От четвертой композиции остался лишь фрагмент. Сюжету обретения Креста Господня посвящены несколько храмовых циклов, наиболее подробным из которых является цикл, представленный в росписи церкви монастыря св. Креста (Ставрос ту Агиасмати) близ Платанистасы на Кипре (конец XV в.). Он состоит из десяти сцен, представляющих несомненный интерес при реконструкции цикла Царицыной палаты: «Елена разыскивает место Распятия, беседуя с жителями Иерусалима», «К Елене приводят некоего Иуду, знающего это место», «Иуда спускается в пещеру», «Моление Иуды на месте Распятия», «Раскопки на горе», «Обретение трех крестов», «Принесение крестов Елене», «Воскрешение девицы Животворящим Крестом Господним», «Моление патриарха и обретение гвоздей» и «Благословение патриархом Елены»³. Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что утраченная четвертая композиция есть продолжение легенды об обретении креста Господня, т.к. на предыдущем сюжете в западной части свода повествование явно не закончено. Мы видим, как Елена получает благословение патриарха, к ней приводят некоего Иуду, знающего место Распятия, и рядом – Иуду, сидящего в пещере. Далее, видимо, было изображено обретение Креста, позже закрытое перететивьями.

Следующий цикл, расположенный ярусом ниже по периметру палаты, посвящен сценам из жития русской княгини Ольги. При его реконструкции следует вспомнить, что тексты к некоторым композициям были сделаны, очевидно, при поздних поновлениях живописи и зачастую расходятся со смыслом изображенных событий. Мы попытаемся по-новому атрибутировать последние пять сюжетов цикла, опуская эти поздние подписи.

В основу цикла, скорее всего, легло пространное житие св. княгини Ольги, взятое из Степенной книги – популярного исторического произведения, оказавшего большое воздействие на монументальную живопись XVI – XVII вв. (росписи Архангельского собора Московского Кремля и др.)⁴. В росписях освещены следующие сюжеты: «Путешествие Ольги в Царьград», «Признание русской княгини», «Просьба о крещении», «Крещение» и «Благословение». Три сюжета на западной стороне свода до сих пор не были определены. Реставраторов и исследователей, по-видимому, смущало изображение императора в шлемовидном головном уборе, отличающемся от всех предыдущих изображений. Пояснительные надписи к

³ Stylianou A., Stylianou J. *The painted Churches of Cyprus*. Nicosia, 1997. P. 198, 200.

⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 1. М., 1988. С. 74–75.

сценам – «Просяше у царя царица о нахождении перскаго царя» и «Царь с вельможи приимаху дары» – являются поздними и, скорее всего, ошибочными. На первой сцене, очевидно, изображено предстояние св. Ольги императору и их беседа, ибо, согласно рассказу всё той же Степенной книги, после крещения император вновь «воззва» к Ольге: «Ныне времени настоящу и чертогу готову сущу. Се уже посягни за меня и да будеши ми жена и Царица и всему царству нашему госпожа!». Ольга, как известно, ответила отказом, аргументировав его тем, что теперь она крестная дочь императора. На следующей композиции сидящий на престоле император изображен отвернувшимся от Ольги в сторону «бояр» и беседующим с ними, о чем свидетельствует жест его руки. «Призвав же Боляр своих, елико бяху советницы ему, и глагола: что сотворим ...не ведех бо в женах подобну сея премудрости», – говорится в Степенной книге. На третьей сцене изображен император, вручающий Ольге дары: «И сотвори Царь чрежение велие, якоже подобаше царскому их достоинству, и сугубыми дарьми одари ю, злата и сребра множетвом, и драгими паволоками, и многоразличными царскими сосуды, и с великою честию...отпусти ю». Ольга изображается в этой сцене дважды – принимающей дары и уходящей. Слуги несут за ней подарки – дорогой сосуд. Цикл продолжается на северной стороне свода тремя сценами, из которых сохранились лишь первая и последняя. Эти сцены, как и все предыдущие, находят подтверждение в тексте Степенной книги, в котором далее повествуется «О пришествии блаженныя Ольги к патриарху» с просьбой «благословения на путь и молитвы». Патриарх изображен в церкви с воздетыми руками в окружении клира (один из священнослужителей держит Евангелие), перед ним – Ольга со свитой. «И на высоту руце воздев, прилежно помолися за ню», – говорится в житии. Средняя композиция скрыта подпружными арками. Если мы обратимся к тексту жития, то увидим, что далее следуют сюжеты «Пришествие из Царя Града во град Киев блаженныя Ольги», «О послании от царя Цимисхия к блаженной Ольге», «Поучение блаженныя великия княгини Ольги» и «Беседование к сыну блаженныя Ольги». Вероятно, одна из этих композиций и была помещена на средней части северного свода. Житийный цикл заканчивается сюжетом «О молитве блаженныя княгини Ольги и о пророчестве ея иже о крещении Рустия земли». Ольга изображена в центре композиции на фоне города. Её окружает народ, желающий принять крещение: отдельными группами стоят девы в белых покровах на головах и дети в белых крестильных сорочках. Ольга показывает некоему мужу в княжеских одеждах (возможно, это правитель города), изображенному без нимба, как надо совершать крестное знамение. Он уже сложил персты и подносит их к голове. «Тако и сия блаженная Ольга, новая Елена, обходящи грады и веси во всей Рустей земли всем людем благочестие проповедавая и учаше их вере Христове...», – заканчивает свое повествование о блаженной Ольге житие.

Иллюстрации жития Ольги известны лишь в книжных миниатюрах⁵. В монументальных росписях встречаются, в основном, единоличные изображения княгини. В связи с этим, двенадцать композиций, иллюстрирующих житийную легенду о первой русской княгине-христианке в росписях Золотой Царицыной палаты Кремля, представляют новый интересный вариант художественно-иконографической интерпретации этой темы.

Третий, нижний регистр росписей расположен уже на стенах палаты на уровне глаз. Восточная стена палаты, юго-восточный угол, были местами особыми. Здесь стоял трон царицы, здесь же совершались богослужения. Об этом свидетельствуют росписи восточной стены, традиционные для алтарных изображений: «Благовещение», «Отечество», «св. Иоанн Богослов», «Троица».

На поверхности южной и западной стен располагаются сцены из жития св. царицы Феодоры, жены византийского императора Феофила, при котором вновь начались гонения на иконопочитателей. Две сцены поднесения икон больному Феофилу объединены общей надписью: «Синаксарь в неделю первую Великого поста», когда совершается воспоминание о восстановлении почитания святых икон при Феодоре и патриархе Мефодии. Далее следует композиция «Сон Феодоры», а заканчивается житийный цикл изображением крестного хода и молебна с чествованием святых икон.

Выбор сцен из жития блаженной Феодоры для росписей приемной палаты русской царицы, как нам кажется, связан с распространением во второй половине XIV – начале XV вв. ереси «жидовствующих». Как отмечают исследователи, ересь «жидовствующих» превратилась в этот период во влиятельное течение, принявшее общерусский характер⁶. «Вожди еретиков...довольно образованные люди... в духе бюргерских идей отрицали поклонение иконам, монашество, церковную организацию и отдельные догматические принципы православия»⁷.

Влияние еретиков было одно время значительным при дворе Ивана III, но после собора 1504 г. ересь подверглась осуждению и почти прекратила существование, сохранившись лишь в отдельных проявлениях.

На северной стене палаты иллюстрируются деяния грузинской царицы Динары, взятые из её жития, весьма популярного в XVI в.⁸ В нем повествуется о подвигах юной дочери иверского царя Александра, вступив-

⁵ Радзивилловская летопись. В 2-х тт. М.–СПб., 1994.

⁶ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X – XVII веков. М., 1990, С. 202.

⁷ Громов М.Н., Козлов Н.С. Указ. соч. С. 202.

⁸ Гудзий Н.К. «Повесть о грузинской царице Динаре» // История древнерусской литературы. М., 1953; Дзоценидзе А.Г. Повесть о Динаре // Сб. научных работ студентов Тбилисского Государственного Университета. Вып. 7. Тбилиси, 1955; Сперанский М.Н. Повесть о Динаре в русской письменности // ИОРЯС. Т. 31. Л., 1926.

шей на престол после его смерти. Когда об этом событии узнал персидский царь, он задумал подчинить себе грузинское царство и уничтожить там христианскую веру. Цикл состоит из нескольких сцен: «Совет с вельможами», «Паломничество Динары в Шабренский монастырь», «Битва» и «Победоносный въезд в Тавриз». Культ царицы Динары сложился на почве Грузии и объединил в себе почитание царицы Динары, победившей персидского царя (XI век) и царицы Тамары, известной своими военными успехами на рубеже XII-XIII вв. На Русь культ Динары проник в конце XV – начале XVI вв. и, получив литературную обработку на русской почве, стал широко известным. Но в изобразительном искусстве иллюстрации к житию Динары не получили столь широкого распространения. Композиции, раскрытые из-под записей в Царицыной палате, являются пока единственным памятником на эту тему среди монументальных росписей.

На перемычках оконных проёмов восточной стены в медальонах помещены изображения Иисуса Христа и Богородицы и Иоанна Предтечи – покровителя Московского княжеского дома. Изображение Федора Стратилата на перемычке восточного окна северной стены следует связывать с именем царя Федора Иоанновича, покровителем которого он считался.

На поверхностях парусов сводов палаты были изображены восемь ростовых фигур святых царственных жен. Полностью сохранились лишь четыре изображения – царицы Ирины – патрональной святой Ирины Годуновой, жены Федора Иоанновича, царицы Феодоры, сцены из жития которой представлены в юго-западном углу палаты, царицы Софьи – покровительницы Софьи Палеолог, и царицы Елены. Остаются неизвестными имена святых цариц, изображения которых сохранились лишь в небольших фрагментах. В близких по тематике, отчасти и времени, росписях Смоленского собора Новодевичьего монастыря (конец XVI – начало XVII века) есть аналогичные изображения святых Ирины, Феодоры, Ольги, Елены и Софии. А одними из наиболее почитаемых на Руси святых всегда были также царицы Александра и Евдокия – святая покровительница русской княгини Евдокии, супруги Дмитрия Донского. Если предположить, что именно эти святые царственные жены (включая св. Динару-Тамару) были представлены в Царицыной палате, то данный цикл предстает завершённым.

Итак, в росписях Золотой Царицыной палаты нашли отражение основные эстетические идеалы времени. Это, прежде всего, идея преемственности христианства после падения Константинополя, отразившаяся в теории «Москва – третий Рим» в XVI в. Выбор героинь для Золотой Царицыной палаты не случаен. Деяния каждой из них отвечали общей теме. То, что среди византийских цариц нашлось место русской княгине, свидетельствовало о перенесении «вселенской миссии» Византии на Русь. И Москва как столица православного государства становится наследницей древних центров христиан – Рима и Константинополя. Место и значение

росписей Золотой Царицыной Палаты в истории монументальной живописи действительно велико. Учитывая неполную сохранность других памятников искусства этого времени, их искажение поздними поновлениями, особое значение приобретает изучение сохранившегося комплекса росписей Царицыной палаты в Московском Кремле, некоторые сюжеты которого уникальны и не имеют аналогий в монументальном искусстве.

Веселова С.С., к. иск. (МГУ)

Изучение зимних садов в российских дворцах и особняках XVIII – начала XX в. К характеристике источников

Зимний сад, или сад в интерьере, это одна из малых форм садового искусства и в то же время – один из приемов организации и оформления интерьеров частных или общественных зданий. Это сад, не подверженный обычным сезонным изменениям, сад, который создается для содержания особых, привезенных из других климатических зон растений, призванных компенсировать недостаток ярких красок и ароматов в зимнее время. От поразительного контраста, который можно наблюдать между «спящим» под снегом открытым садом и предметом нашего изучения – наполненным жизнью садом, защищенным от мороза стенами здания с обширными поверхностями застекленных оконных рам, и происходит его наименование – «зимний». Хотя наиболее точно суть явления передает английское выражение «*indoor garden*», т.е. внутренний, или закрытый сад.

Одна из основных проблем, осложняющих изучение исторического прошлого зимних садов, – значительные утраты в этой части культурного наследия. Даже в тех случаях, когда до нашего времени дошли здания – дворцы и особняки, в которых в свое время были созданы зимние сады, их первоначальное убранство и наполнение живыми растениями, за редким исключением, практически не сохранились. Среди упомянутых исключений назовем зимний сад в здании кинотеатра «Модерн» в Астрахани и зимний сад Воронцовского дворца в Алушке. Следовательно, возникает вопрос об *источниках* наших сведений, к осмыслению и систематизации которых нам и хотелось бы обратиться. Обозначим две основные группы источников: это *письменные документы* и *изобразительные материалы*, которые сегодня находятся в различных музейных и архивных фондах не только Москвы и Петербурга, но и многих других городов. Благодаря усилиям современных исследователей некоторые из них введены в научный обиход. Не претендуя на полноту охвата, остановимся на некоторых значимых для изучаемой проблемы источниках, демонстрирующих ее положение на стыке интересов гуманитарного и естественнонаучного знания, что привело к ее малой разработанности с позиций истории искусства.

К первой группе относятся:

- описания дворцов, особняков и усадеб разного времени¹;

¹ См., например: *Забелин И.Е.* Оранжереи и сады подмосковных вотчин кн. Д.М. Голицына в 1737 году // Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства. Т. III. М., 1857. С.52–58; *Гейрот А.* Описание Петергофа. 1501 –1868. СПб., 1868; *Георги И.-Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей оною, с планом. СПб., 1796; *Успенский А.И.* Императорские дворцы. Т. 1–5. СПб., 1913.

- хозяйственная документация: распоряжения, отчеты, заказы, счета и т.д.

Внутри этой группы следует выделить графические документальные материалы:

- строительные чертежи (порой сопровождавшиеся подписями, заметками, расчетами, комментирующими текстами и т.д.);

- чертежи, фиксировавшие состояние зданий в разные периоды их функционирования, например, в момент подготовки к реконструкции или ремонту по воле владельцев.

К группе письменных источников следует отнести мемуары, дневники, переписку создателей зимних садов, их владельцев и гостей². Важными источниками информации являются публицистика и архитектурная критика³. Статьи, появившиеся вслед за созданием самих зимних садов, содержат важные детали, не ускользнувшие от внимания современников, но которые могли быть утрачены с течением времени. Здесь же можно упомянуть ранние опыты российской краеведческой литературы⁴ и научно-популярные тексты знатоков русской жизни и русского быта⁵. Книги С.М. Любецкого, Ю.И. Шамурина, М.И. Пыляева не утратили своего значения и были переизданы в наше время.

Наряду с сочинениями российских авторов полезно обратить внимание на рассказы о посещении зимних садов и их описания, оставленные иностранными путешественниками: учеными и писателями, дипломатами и военными⁶. «Образцами русской пышности» назвал увиденные им зим-

² Александр Бенуа. Мои воспоминания. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1990; Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2-х тт. М., 2006; Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000; Головина В.Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996; Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987; Дурьлин С.Н. В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991; Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991; Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М., 1992; Кн. Сергей Щербатов. Художник в ушедшей России. М., 2000 и др.

³ Свиньин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 1–4. СПб., 1816 – 1828; Свиньин П.П. Странствия в окрестностях Москвы // Отечественные записки, СПб., 1822. Ч. 9. № 21; Кукольник Н.В. Мариинский дворец // Иллюстрация. СПб., 1845. № 1; Башуцкий А.П. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839 г.; Карнович В.С. Особняки в городе и деревне. Введение Д.Д. Протопопова. СПб., б/г. (1913).

⁴ Любецкий С.М. Окрестности Москвы ближние и дальние. М., 1877; Шамурин Ю.И. Подмосковные // Культурные сокровища России. Вып. 3. 1912; Вып. 9. 1914.

⁵ Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889; Он же. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889; Он же. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891.

⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991; Готье Теофиль. Путешествие в Россию. Перевод с франц, комментарии и подбор илл. Н.В. Шапошниковой. М., 1990. (По изданию: *Theophile Gautier. Voyage en Russie. Paris, 1867.*); и др.

ние сады Ф.Б. Гагерн, сопровождавший принца Александра Оранского во время его визита ко двору Николая I⁷.

Особую группу текстов составляют научные сочинения, резюмировавшие опыт создания зимних садов. Это тексты в словарях, справочной литературе и энциклопедических изданиях XIX – начала XX в.⁸ Здесь отметим еще одну проблему, с которой приходится сталкиваться исследователям, изучающим зимние сады. Словосочетание «зимний сад», ставшее понятием, обозначающим особое решение интерьера, давно известно⁹. Его можно встретить в текстах профессионалов: архитекторов и художников; в деловых бумагах; а также в мемуарах, переписке и художественной литературе, начиная с XVIII века. Но чаще приходится иметь дело с текстами, в которых речь идет об оранжереях в целом¹⁰, без выделения специфики, которую, на наш взгляд, обязательно подразумевают зимние сады. Интересные примеры для осмысления содержит художественная литература, которая, конечно, с определенными ограничениями, может быть отнесена к категории источников¹¹.

Обратимся ко второй группе из обозначенных выше, а именно к изобразительным материалам¹². К ней относятся, прежде всего, произведения живописи и графики художников XVIII – начала XX в., видевших и запечатлевших образ зимних садов. Среди ранних примеров приведем акварель Ф. Данилова «Зимний сад в Таврическом дворце» (1790-е гг., ГЭ), доносящую до нас, наряду с текстами Г.Р. Державина, подробности облика одного из первых российских произведений данной отрасли садового искусства (архитектор И.Е. Старов, 1783–1789 гг.).

Обширная группа изображений связана с зимними садами Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, созданными в середине XIX века, когда они находились «в зените моды». Самые известные среди них были созданы для императора Николая I: это зимний сад над Посольским подъездом – по проекту архитектора В.П. Стасова (1838–1839 гг.), и новый Зимний сад в

⁷ Ф.Б. Гагерн. Дневник путешествия по России // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 671.

⁸ Энциклопедический словарь. Акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. СПб., 1890 – 1907. Т. XXXII. С. 919–923.

⁹ Державин Г.Р. Описание празднества, бывшего по случаю взятия Измаила. СПб., 1792. С. 5. Это один из первых получивших известность текстов, где использовано словосочетание «зимний сад».

¹⁰ Осипов Н.П. Новой и совершенной русской садовник. СПб., 1793. Часть 2. С. 107.

¹¹ Яркие описания зимних и оранжерейных садов можно прочитать в текстах Г.Р. Державина, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, В.Ф. Одоевского, В.М. Гаршина, Н.Г. Чернышевского. С.Я. Надсона, А.Н. Толстого, К.А. Федина, В. Хлебникова, М. Булгакова и др. Основаны они были на реальных впечатлениях авторов.

¹² Кропотливая работа сотрудников нескольких музеев и РГАДА привела к появлению издания, выводящего в свет редкие изобразительные материалы: Три века русской усадьбы. Изобразительная летопись. М., 2004.

Малом Эрмитаже – по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера (1850-1858 гг.). Не менее известен Зимний садик императрицы Александры Федоровны в северо-западном крыле Зимнего дворца, устроенный по проекту А.П. Брюллова в 1839–1840 гг.

В московском собрании хранится картина «Зимний сад Зимнего дворца в Петербурге» (холст, масло, 1840 г., ГТГ), выполненная художником М.И. Антоновым, учеником А.Г. Венецианова, – редкий пример столь тщательной фиксации на холсте яркого произведения творческой мысли. Здесь изображен во всей пышности зелени зимний сад над Посольским подъездом, упомянутый выше. Тот же интерьер можно видеть на акварелях В.С. Садовникова «Зимний сад в Зимнем дворце» (1860-е гг., ГЭ) и «Помпейская галерея» (1855-1857 гг., ГЭ). На последней изображены Николай I и его супруга в сопровождении группы гостей, рассматривающие красоты зимнего сада. Следует отметить, что Садовников не раз обращался к изображению подобных, особо оформленных интерьеров не только Зимнего, но и других дворцов Петербурга (например, сохранилась акварель «Зимний сад Юсуповского дворца», 1852 г., ГРМ)¹³.

Среди художников, зафиксировавших роскошные интерьеры императорской резиденции, следует вспомнить также имена Ю. Фриденрейха, Э. Гау, К.А. Ухтомского, Л. Премацци. Среди множества изображений, выполненных в разные годы, есть целый ряд рисунков и акварелей, запечатлевших неповторимые образы зимних садов¹⁴. В контексте нашего исследования наиболее показательны две работы, изображающие виды Зимнего садика Александры Федоровны. Это акварель К.А. Ухтомского (1860-е гг., ГЭ) и акварель Э.П. Гау (1870-е гг., ГЭ), показывающие жизнь особого интерьера в развитии: от наполнения растительностью в первом случае до пустоты сохранившегося интерьера, без растений кажущегося безжизненным. Сравнение двух произведений дает возможность представить не только художественные функции зеленого убранства, но и психологические.

Еще одним документированным примером зимних садов, созданных по указу Николая I, является зимний сад в Большом Кремлевском дворце в Москве (1838–1849 гг., арх. К.А. Тон)¹⁵. Его наличие зафиксировано как в чертежах, так и в хромолитографии, выполненной по рисунку художника Н. Черкасова в 1851 г. (собрание Музеев Московского Кремля).

¹³ См.: Садовников Василий Семенович (1800-1879). Каталог выставки. ГРМ. Автор текста Капарулина О. СПб., 2000.

¹⁴ Материалы частично опубликованы в издании: *Воронихина Л.Н.* Виды залов Эрмитажа и Зимнего дворца в акварелях и рисунках художников середины XIX века. Л., 1983.

¹⁵ К числу источников можно отнести издание: Большой Кремлевский дворец. Указатель к его обозрению с 88 рисунками в тексте. Сост. С.П. Бартенев. В 2-х тт. на русск. и франц. яз. М., 1911.

Гравюры, позволявшие тиражировать изображение и сделать его доступным для широкого круга лиц, достойны особого упоминания. Как отдельные листы, становившиеся предметом коллекционирования, так и опубликованные в периодических изданиях, как, например, «Русский художественный листок» (СПб., 1851–1862) и «Всемирная иллюстрация» (СПб., 1869–1898), а позднее в журнале «Столица и усадьба» (СПб., 1913–1917), они помогали распространению знаний о зимних садах и усилению спроса на них, благодаря эффектному преподнесению материала.

На рубеже XIX–XX вв. на смену гравированным изображениям пришла фотография, включившаяся в процесс фиксации облика озелененных интерьеров. Фотографические снимки трудно превзойти по точности воспроизведения. В качестве источника информации они сопоставимы с подробными чертежами и документальными описями дворцов и особняков. Важно подчеркнуть, что успехи в развитии фотографии практически совпали с периодом широкого распространения зимних садов. И снимки смогли зафиксировать новые приемы в деле их устройства в эпоху модерна, когда на помощь архитекторам и садовникам, пришли такие достижения науки и техники, как электрическое освещение, современные системы отопления, вентиляции и т.д.

Следует выделить группу фотографий, связанных с садовыми выставками, которые порой устраивались непосредственно в зимних садах, а порой во временно приспособленных под них интерьерах зданий. В качестве примера приведем Петровскую юбилейную выставку садоводства (Санкт-Петербург, 1903 г.), устроенную в Зимнем саду Таврического дворца. Выставки проходили также в московском Манеже и Михайловском манеже в Петербурге. Репортажи публиковались в таких популярных изданиях, как «Нива» (СПб. – Петроград, 1869 – сентябрь 1918), а также в специальной садовой периодике, материалы которой прежде практически не привлекались к исследованию историками искусства¹⁶.

Особое место в ряду источников рубежа XIX–XX вв. занимает почтовая открытка, или почтовая карточка. Среди помещаемых на одной из ее сторон изображений встречаются ставшие популярными в тот период интересные нас зимние сады. Благодаря тиражам почтовые открытки играли большую роль в распространении сведений. Лишь в последние годы они попали в поле зрения исследователей и начали рассматриваться как важный документ эпохи. Значительная часть находится в частных коллекциях, но некоторые попали в музейные собрания и представляют интерес в деле изучения различных проблем нашего прошлого. В том числе существовавших, но не дошедших до нашего времени, особых садов в интерье-

¹⁶ Не перечисляя всех, назовем московский «Журнал садоводства» (1838–1865, 1874–1876) и петербургский «Вестник садоводства» (1860–1916), переходившие из рук в руки, порой менявшие звучание названий, но освещавшие садовую проблематику и содержащие интересующий нас материал.

рах и общих принципов внутреннего убранства зданий с помощью живых растений – проблем, недавно осмысленных как предмет специального научного исследования¹⁷. В свою очередь, сами изучаемые зимние сады являются яркими свидетелями высокого уровня садового искусства в России и профессионального мастерства тех, кто их создавал и сохранял.

¹⁷ См.: *Веселова С.С.* Зимние сады российских дворцов и особняков XVIII–XX вв.: образы в живописи и литературе // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 124–142; *Веселова С.С.* Роль живых растений и растительных композиций в убранстве русского жилого интерьера XIX века // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2011. № 3. С. 129–143.

**Программа II Межрегиональных
научных чтений памяти профессора В.А. Плугина**

10 декабря 2012 г., понедельник

Шуваловский учебный корпус МГУ имени М.В. Ломоносова

10.30 – 11.00

Регистрация участников Научных чтений

11.00 – 11.45

Пленарное заседание

Аудитория А – 417

Председатель: профессор А.Г. Голиков

*Голиков А.Г., д.и.н., заведующий кафедрой источниковедения
исторического факультета МГУ*

Вступительное слово

Доклады:

*Абрамова Н.Г., к.и.н., заместитель заведующего кафедрой ис-
точниковедения исторического факультета МГУ*

«В.А. Плугин и кафедра источниковедения»

*Наумова Г.Р., д.и.н., профессор кафедры источниковедения ис-
торического факультета МГУ*

«Наследие В.А. Плугина в курсе историографии истории России»

*Круглова Т.А., к.и.н., доцент кафедры источниковедения исто-
рического факультета МГУ*

«В.А. Плугин и изучение документальных источников Пугачевщи-
ны»

Перерыв 11.45 – 12.00

Секция «Письменные источники»

аудитория А – 417

Председатель: доцент Д.М. Володихин

Доклады 12.00 – 15.00

Алексеев С.В., д.и.н., заведующий кафедрой Истории МосГУ
«Южнославянские средневековые источники по истории Руси»

Стариков Ю.С., асп. исторического факультета МГУ
«Сочинения митрополита Московского Даниила как источник по истории русской общественной мысли XVI века»

Федотов С.В., асп. ИРИ РАН
«Летописный рассказ о преставлении Пафнутия Боровского как исторический источник»

Володихин Д.М., д.и.н., доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ
«Проблема трактовки статьи Судебника 1550 года о введении новых статей»

Богомазова А.А., асп. исторического факультета МГУ
«Отводные книги Соловецкого монастыря как источник по истории морского хозяйства обители (XVI – первая половина XVII в.)»

Пушков В.П., к.и.н., старший научный сотрудник Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ

«Книжные покупки города Владимира в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела)»

Круглова Т.А., к.и.н., доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ

«Адресат письма А.П. Крылова об осаде Яицкой крепости (1774)»

Елисеева О.И., к.и.н., писатель, историк

«Игры памяти. Проблемы достоверности в “Записках” княгини Е.Р. Дашковой»

Арапов Д.Ю., д.и.н., профессор кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ

«Н.Ф. Петровский и его “Инструкция русским туземным разведчикам”»

Сиротина О.А., к.и.н., заведующая Отделом ОПИ ГИМ

«Из писем П.С. Уваровой (А.И. Анисимов и новгородские древности)»

Алексеев В.В., к.и.н., доцент Института переподготовки и повышения квалификации МГУ

«Методы работы с источниками М.В. Ломоносова»

Жарова Е.Ю., к.б.н., преподаватель кафедры философии, истории и педагогики Брянской государственной сельскохозяйственной академии

«Издаваемые университетами “Обозрения преподавания наук”, как источник по истории высшего образования в дореволюционной России»

Зайцева А.В., асп. МГУП

«Учебные издания студентов дореволюционной России: экземпляр как исторический источник»

Секция «Изобразительные источники»

аудитория А – 416

Председатель: доцент А.В. Лаушкин

Доклады 12.00 – 15.00

Уханова Е.В., к.и.н., ведущий научный сотрудник ОР ГИМ, Горячева Т.Д., сотрудник кафедры источниковедения исторического факультета МГУ

«Об изображении неизвестного святого в Кирилловской церкви в Киеве (XII век)»

Ульянов О.Г., к.и.н., глава Сектора церковной археологии Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени преп. Андрея Рублева

«Эпитафия прп. Андрею Рублеву (проблемы атрибуции)»

Лаушкин А.В., к.и.н., доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ

«Графические источники по истории создания морских навигационных знаков на Севере России в XVI веке»

Кулакова И.П., к.и.н., доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ

«Реалии древнерусского письменного быта и его духовная составляющая по визуальным источникам»

Строганова Ю.А., к.и.н., старший научный сотрудник музея «Большой Кремлевский дворец»

«Росписи Золотой Царицыной палаты в Московском Кремле, проблемы изучения памятника»

Веселова С.С., к. иск., научный сотрудник кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ

«Изучение зимних садов в российских дворцах и особняках XVIII – начала XX в. К характеристике источников»

Белканов А.С., старший научный сотрудник ГУКМ «Новый Иерусалим»

«Учетная фототека из фондов музея “Новый Иерусалим” и возможности изучения архитектурного ансамбля монастыря»

Чорбачиди С.А., асп. МГУП

«Благотворительная открытка начала XX века как источник по истории участия России в Первой мировой войне»

Program of II Inter-regional scientific readings in memory of Professor V.A. Plugin.

Plenary session

The Chairman: Professor A.G. Golikov

Golikov A.G., Doctor of Science (history), Head of Department of Source of History Faculty of Lomonosov MSU.

Opening remarks.

Reports:

Abramova N.G., Candidate of Science (history), deputy head of Department of Source of History Faculty of Lomonosov MSU.

"V.A. Plugin and the Department of Source "

Naumova G.R., Doctor of Science (history), Professor, Department of Source of History Faculty of Lomonosov MSU.

"Heritage of V.A. Plugin in the lectures of the history of Russian historiography"

Kruglova T.A., Candidate of Science (history), Associate Professor ,
Department of Source of History Faculty of Lomonosov MSU.

"V.A. Plugin and the study of documentary sources of Pugachevshchina"

Section "Written Sources"

The Chairman: Associate Professor D.M. Volodikhin

Reports

Alekseev S.V., Doctor of Science (history), Head of the Department of
History of Moscow University of Humanities.

"South Slavic medieval sources on the history of Russia"

Starikov Y.S., pg. of History Faculty of Lomonosov MSU.

"The Works of Metropolitan bishop Daniel of Moscow as the source on
the history of Russian social thought of XVI century"

Fedotov S.V., pg. of IRH RAN.

"Chronicle story of Death of Paphnuti Borowski as a historical source"

Volodikhin D.M., Doctor of Science (history), Associate Professor, De-
partment of Source of History Faculty of Lomonosov MSU.

"The problem of interpretation of the article of Sudebnik of 1550 on the
introduction of new articles"

Bohomazova A.A., pg. of History Faculty of Lomonosov MSU.

"Census books of Solovetsky monastery as a source on the history of the
maritime economy of the monastery (XVI – first half of XVII c.)"

Pushkov V.P., Candidate of Science (history), Senior Research Fellow
of Inter-Department Source-publication Laboratory of History Faculty of Lo-
monosov MSU

"Book purchase of Vladimir city in the XVII century (the archive of the
Prikaz of typographic case)"

Kruglova T.A., Candidate of Science (history), Associate Professor, De-
partment of Source of History Faculty of Lomonosov MSU.

"The target of A.P. Krylov letters on the siege of the Yaitsky fortress
(1774)"

Eliseeva O.I., Candidate of Science (history), author, historian

"Memory Games. Problems of credibility in the "Notes" of Pr. E.R. Dashkova"

Arapov D.Y., Doctor of Science (history), Professor, Russian History (before the beginning of XIX century) Department of History Faculty of Lomonosov MSU.

"N.F. Petrovsky and his "Instruction for the Russian native scouts"

Sirotina O.G., Candidate of Science (history), Head of the Division of OWS SHM

"From the letters of P.S. Uvarova (A.I. Anisimov and Novgorod antiquities)"

Alekseev V.V., Candidate of Science (history), Associate Professor, Institute of retraining of Lomonosov MSU

"Methods of working with sources of M.V. Lomonosov "

Zharova E.Y., Candidate of Science (biology), lecturer of Philosophy, history and pedagogy Department of Bryansk State Agricultural Academy.

"Universities "Reviews of teachings of sciences" as a source for the history of higher education in pre-revolutionary Russia"

Zaitseva A.V., pg. of Moscow State University of Printing Arts

"Students teaching editions of pre-revolutionary Russia: a copy as a historical source"

Section "Visual Resources"

The Chairman: Associate Professor A. Laushkin

Reports

Ukhanova E.V., Candidate of Science (history), Senior Research Fellow of OM SHM

Goryacheva T.D., worker at the Sources Department of History Faculty of Lomonosov MSU.

"On an unknown image of St. Cyril's Church in Kiev (XII century)"

Ulyanov O.G., Candidate of Science (history), head of the Central Sector of the Church Archaeology of Ven. Andrei Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art

"Epitaph for St. Andrei Rublev (problems of attribution)"

Laushkin A.V., Candidate of Science (history), Associate Professor, Russian History (before the beginning of XIX century) Department of History Faculty of Lomonosov MSU.

"Graphic sources on the history of marine navigation signs on the North of Russia in the XVI century"

Kulakova I.P., Candidate of Science (history), Associate Professor, Russian History (before the beginning of XIX century) Department of History Faculty of Lomonosov MSU.

"The realities of everyday writing of ancient Russia and its spiritual component on the visual sources"

Stroganova J.A., Candidate of Science (history), Senior Researcher at the Museum "Great Kremlin Palace"

"Painting of Tsarina's Golden Chamber in the Moscow Kremlin: the problem of studying of the monument"

Veselova S.S., Candidate of Science (art), Researcher, Russian Art History Department of History Faculty of Lomonosov MSU

"The study of conservatories in Russian palaces and mansions XVIII – beginning of XX century. On the characterization of sources"

Belkanov A.S., Senior Fellow of GUKM "New Jerusalem"

"Accounting photo-library of the museum "New Jerusalem" and the possibility of studying the architectural ensemble of the monastery"

Chorbachidi S.A., pg. of Moscow State University of Printing Arts

"Charity postcard of the early XX century as a source for the history of Russia's participation in World War I"

II МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.А. ПЛУГИНА
SUMMARY

Ключевые слова:

Владимир Плугин, история России, история русского искусства, источниковедение, текстовые источники, изобразительные источники, летописание, законодательные акты, иностранные источники по российской истории, делопроизводственные документы, иконопись, фрески, историография.

Keywords:

Vladimir Plugin, the history of Russia, the history of Russian art, source, text sources, pictorial sources, chronicles, laws, foreign sources on Russian history, business documents, icons, frescoes, historiography.

Чтения открылись пленарным заседанием, которое было посвящено общим проблемам научного творчества В.А. Плугина.

Вступительное слово произнес председатель заседания заведующий кафедрой источниковедения профессор А.Г. Голиков. Характеристика преподавательской деятельности В.А. Плугина и его вклада в науку была дана в докладах, с которыми выступили к.и.н. Н.Г. Абрамова и д.и.н. Г.Р. Наумова.

Н.Г. Абрамова отметила, что за 35 лет работы на кафедре источниковедения Плугин стал признанным специалистом в области истории и культуры средневековой Руси. Он занимался разработкой малоизученных проблем источниковедения письменных и изобразительных источников, военной истории России XVIII века; на основе принципов комплексного источниковедения осуществлял глубокий и всесторонний анализ древнерусской иконописи; внес весомый вклад в развитие отечественной историографии многих малоизученных проблем отечественной истории и культуры. Прочное место в мировой историографии заняли труды В.А. Плугина, посвященные творчеству Андрея Рублева.

По мнению Г.Р. Наумовой, научное творчество В.А. Плугина уместнее рассматривать с точки зрения традиционной историографии, а не интеллектуальной истории, поскольку для этого исследователя объективный ход исторического процесса неизменно был важнее «борьбы концепций» и осмысления истории с целью поиска социального «оправдания» для работы самого историка. Г.Р. Наумова с полным на то основанием отметила, что работы В.А. Плугина (в особенности, касающиеся мировидения средневекового русского общества) успели стать классическими – без них курс историографии в настоящее время немислим.

Завершилось пленарное заседание выступлением к.и.н. Т.А. Кругловой, напомнившей аудитории об интересе В.А. Плугина к тематике Пугачевщины, в частности, к биографии Салавата Юлаева.

Заседании секции «Письменные источники» вел д.и.н. Д.М. Володихин. В работе секции приняли участие 12 исследователей.

К домонгольской эпохе относилось выступление д.и.н. С.В. Алексеева. На основе анализа многочисленных памятников письменности южнославянского происхождения историку удалось обосновать важный вывод: «И в Болгарии, как и в Сербии образованная часть общества “заметила” Россию и русских в основном в условиях утраты собственной государственности. Особенную роль в этом сыграло начало и нарастание русско-турецкого противостояния, воскресившего надежды на возрождение южнославянских государств. До этого влияние южнославянских земель на Русь было по преимуществу односторонним, а попытки Руси политически утвердиться на Балканах – редки. Всё это и обусловило незначительный объём и довольно низкую информативность южнославянских источников по истории Руси IX-XV вв.». Автор доклада констатировал бедность южнославянских источников оригинальными сведениями по истории Древней Руси.

К удельному времени и периоду Московского государства были обращены доклады д.и.н. Д.М. Володихина, к.и.н. В.П. Пушкиова, С.В. Федотова и А.А. Богомазовой.

Д.М. Володихин поделился с коллегами итогами изучения проблемы, связанной с хронологическими рамками существования политической «формулы» приговора «всех бояр» (она была введена Судебником 1550 г. для случаев, когда необходимо ввести в действие новые статьи). По наблюдениям Д.М. Володихина, «...обязательность приговора “всех бояр” исчезла весьма скоро, задолго до опричного периода. Так, в августе 1557 г. Иван IV вводит указ об условиях родового выкупа вотчин, сопроводив его боярским приговором, но в документе не указано присутствие “всех бояр”. Явное падение названной формулы видно при Василии IV. Так, 21 мая 1609 г. в Судебнике был записан государев указ о беглых холопах безо всякого боярского приговора». Таким образом, норма приговора от “всех бояр” потеряла свою обязательность не позднее второй половины 1550-х гг. и всякую значимость -- в условиях Смутного времени начала XVII столетия. По мнению Д.М. Володихина, это может свидетельствовать о постепенном ослаблении позиций боярской Думы в сфере законотворчества по сравнению с золотым временем ее власти и влияния во второй четверти XVI в.

В.П. Пушкиов представил итоги многолетних исследований о покупателях продукции Московского Печатного двора в XVII столетии. Его работа основывалась на документах Приказа книгопечатного дела, хранящихся

в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1–3). Внимание исследователя было сосредоточено на покупателях русской печатной книги, происходящих из Владимира и Владимирского уезда.

С.В. Федотов показал информационные возможности летописного рассказа о преставлении преп. Пафнутия Боровского.

А.А. Богомазова сообщила о результатах исследования обширного массива опубликованных и неопубликованных отводных книг Соловецкого монастыря XVI – первой половины XVII вв. как исторического источника по морскому хозяйству обители. В дискуссии была отмечена фундаментальность подхода А.А. Богомазовой к изучению памятников монастырского делопроизводства.

Источниковедение периода Российской империи отразилось в докладах д.и.н. Д.Ю. Арапова, к.и.н. Т.А. Кругловой, к.и.н. О.И. Елисеевой, к.и.н. В.В. Алексеева, к.б.н. Е.Ю. Жаровой, О.А. Сиротиной и А.В. Зайцевой.

Сообщение Д.Ю. Арапова было посвящено работе российских дипломатических представителей (прежде всего, Н.Ф. Петровского) в Азии. Д.Ю. Арапов поделился с коллегами наблюдениями, касающимися разведывательного дела того времени. В частности, он подробно рассмотрел «Инструкцию русским туземным разведчикам» как исторический источник. Выступление Д.Ю. Арапова отличалось большой живостью, ученый связал политические реалии XIX века с современным положением в некоторых азиатских регионах, вызвав у аудитории полное одобрение.

О.И. Елисеева обоснованно оспорила достоверность «Записок» графини Е.Р. Дашковой, – источника, который слишком часто используется историками екатерининской эпохи без каких-либо попыток критического анализа. Новым шагом в изучении этого памятника является вывод О.И. Елисеевой: «В настоящий момент уже можно говорить о том, что перед исследователями рассказ о жизни, прожитой в воображении. Источник скорее литературный, чем исторический. Он показывает не реальные события, а видение автора, который передумывает свое прошлое, чтобы примириться с ним».

Т.А. Круглова усомнилась в атрибуции адресата письма А.П. Крылова об осаде Яицкой крепости (1774), предложенной Р.В. Овчинниковым. С точки зрения Р.В. Овчинникова, это, скорее всего, первый член-корреспондент Петербургской Академии наук Петр Иванович Рычков. Т.А. Круглова приводит аргументы, уничтожающие возможность подобной атрибуции. Ей удалось доказать, что письмо адресовано, скорее всего, военному лицу. Установить конкретного корреспондента А.П. Крылова, по мнению Т.А. Кругловой, пока не представляется возможным, но его поиск необходимо вести в военной среде.

В.В. Алексеев рассказал участникам Чтений о методах работы с источниками М.В. Ломоносова – как историка и как поэта.

О.А. Сиротина осветила в своем выступлении судьбу выдающегося реставратора А.И. Анисимова, в первую очередь, его работу с новгородскими памятниками древнерусского искусства. Исследовательнице удалось отыскать в собрании писем П.С. Уваровой сведения, по-новому освещающие творческий путь ученого.

Доклады Е.Ю. Жаровой и А.В. Зайцевой были посвящены истории высшего образования в дореволюционной России. Е.Ю. Жарова рассмотрела издаваемые университетами «Обозрения преподавания наук» как источник по истории образовательного процесса. А.В. Зайцева в качестве объекта исследований избрала экземпляры учебных изданий, ставшие результатом активной деятельности студенческого сообщества, своего рода «самиздатом». Ее сообщение показало информационные возможности подобного рода памятников как источника сведений не только о тексте лекций университетских профессоров (в ряде случаев не изданных), но и о бытовании учебных пособий в студенческой среде. Доклад А.В. Зайцевой встретил позитивное отношение аудитории: налицо новаторский подход.

Заседание секции «Изобразительные источники» вел к.и.н. А.В. Лаушкин. С докладами выступило 6 участников Чтений.

В совместном выступлении к.и.н. Е.В. Ухановой и Т.Д. Горячевой рассматривались изображение неизвестного святого Кирилловской церкви в Киеве XII в. Анализ иконографии изображения, а также текста и графики надписи на свитке, который он держит, привело докладчиков к следующим выводам: во-первых, живописный памятник датируется, вероятно, серединой XII столетия. Во-вторых, «...возможно, на фреске Кирилловской церкви в Киеве -- самое раннее из сохранившихся в древнерусском искусстве изображений Ефрема Сирина и самое раннее в Древней Руси воспроизведение текста указанного фрагмента "Паренесиса" Ефрема Сирина, так как наиболее ранним из сохранившихся полных рукописных его списков считается список конца XIII в.». Можно с удовлетворением отметить, что в выступлении Е.В. Ухановой и Т.Д. Горячевой видно продолжение тех традиций комплексного источниковедения, которые когда-то закладывались В.А. Плугиным.

Доклад к.и.н. О.Г. Ульянова касался атрибуции «эпитафии» преп. Андрею Рублеву. Историк рассказал о полемике, возникшей в научном сообществе по поводу этого памятника. Он решительно защищал живопись преп. Андрея Рублева от непрофессиональных попыток переатрибуции. О.Г. Ульянов также привел ряд внушительных аргументов против мнения, согласно которому текст на надгробной плите преп. Андрея Рублева – фальсификация XX в.

К.и.н. А.В. Лаушкин представил графические источники по истории создания морских навигационных знаков на Севере России. Среди них -- книжные гравюры конца XVI столетия, а также поздние фотографии деревянных крестов (служивших также и навигационными знаками), по форме своей аналогичных средневековым образцам. В его выступлении судьбы русского морского дела допетровской эпохи были тесно переплетены с ранней историей Соловецкой обители.

В выступлении к.и.н. Ю.А. Строгановой была освещена система росписей Золотой Царицыной палаты в Московском кремле. Учитывая неполную сохранность других памятников искусства старомосковской эпохи, а также их искажение поздними поновлениями, особое значение приобретает изучение сохранившегося комплекса росписей Царицыной палаты в Московском Кремле, где «...некоторые сюжеты... уникальны и не имеют аналогий в монументальном искусстве».

В докладе к. иск. С.С. Веселовой рассматривалась возможность изучения зимних садов в российских дворцах и особняках XVIII – начала XIX в. по разного рода источникам. К числу источников, где можно найти сведения о зимних садах, С.С. Веселова отнесла хозяйственную документацию, чертежи, нарративные памятники, гравюры, живопись, фотографии.

Д.М. Володихин

Readings have opened with the plenary session, which focused on general problems of scientific work of V.A. Plugin.

Opening remarks were presented by the Chairman of the meeting, the Head of the Department of Source Professor A.G. Golikov. Characteristics of teaching work of V.A. Plugin and his contribution to science has been given in the reports delivered by N.G. Abramova and G.R. Naumova.

N.G. Abramova said that in 35 years of work at the Department of sources Plugin has become a recognized expert in the history and culture of medieval Russia. He was engaged in the neglected problems of the written and visual sources, the military history of Russia XVIII century; based on the principles of integrated source studies carried out deep and comprehensive analysis of old Russian icon painting, made a significant contribution to the development of national historiography of many little-known problems of national history and culture. Firm place in world historiography took labors of V.A. Plugin devoted to the works of Andrei Rublev.

According to G.R. Naumova, scientific creativity of V.A. Plugin appropriately dealt with from the point of view of traditional historiography, rather than intellectual history, because for this researcher the objective historical process has always been more important than "fighting concepts" and the understanding of history in order to find social "justification" for the work of the historian. G.R. Naumova, with good reason, noted that the work of V.A. Plugin (particularly relating to the medieval worldview of Russian society) have al-

ready become classics – without them, the lecture of historiography is now unthinkable.

The plenary session speech of T.A. Kruglova reminded to the audience of the interest of V.A. Plugin for the Pugachevshchina subject, inter alia, to the biography of Salavat Yulaev.

Meeting of the section "Written sources" led D.M. Volodikhin. The section was attended by 12 researchers.

By the pre-Mongol era belonged speech of S.V. Alekseev. Based on the analysis of numerous written South Slavic sources the historian substantiated an important conclusion: "In Bulgaria, as in Serbia, educated part of the community, "noted" of the Russia and the Russian mainly in times of loss of statehood. A special role in this was played by the start and growth of Russian-Turkish confrontation that raised hopes for a revival of the South Slavic countries. Prior to that, the influence of the South Slavic lands to Russia was mostly one-sided, and the attempts of Russia to establish itself politically in the Balkans – are rare. All this resulted in a rather small volume and low information content of the South Slavic sources on the history of Russia of IX-XV centuries". The author of the report stated poverty South Slavic sources original information on the history of ancient Russia.

For the separation period and the Moscow State were addressed the reports of D.M. Volodikhin, V.P. Pushkov, S.V. Fedotov and A.A. Bohomazova.

D.M. Volodikhin shared with his colleagues the results of the study of the problems associated with the chronological framework of the political existence of "formula" sentence "all the boyars" (it was introduced in 1550 Sudebnik for the cases when it is necessary to implement the new article). According to observations of D.M. Volodikhin "compulsion of the sentence "all the boyars" disappeared very soon, long before Oprichnina period. So, in August 1557, Ivan IV introduces a decree on the conditions of family redemption of estates, accompanied by boyar's verdict, but the document does not indicate the presence of "all the boyars". The apparent drop of the said formula shows under Vasily IV. For example, May 21, 1609 was recorded in Sudebnik Sovereign decree of runaway slaves without any Boyar verdict". Thus, the norm of the judgment of "all the boyars" had lost its obligation not later than the second half of the 1550's. and any significance – in the Time of Troubles on the beginning of XVII century. According to D.M. Volodikhin, this may indicate a gradual weakening of the positions of the Boyar Duma in lawmaking compared to the golden age of its power and influence in the second quarter of the XVI century.

V.P. Pushkov presented the results of years of research on buyers of products of the Moscow Printing House in the XVII century. His work was based on documents of the Order of Typographic case stored in the Russian State Archive of Ancient Acts (РГАДА. F. 1182. 1-3). Attention has focused on buyers of Russian printed book, originating from Vladimir and Vladimir County.

S.V. Fedotov has shown information capabilities the chronicle's story of the death of Ven. Paphnutii Borowski.

A.A. Bohomazova reported the results of an extensive study of the array of published and unpublished census books of the Solovetsky monastery XVI – first half of the XVII century, as a historical source for the maritime economy of the monastery. In the discussion stressed the fundamental approach of A.A. Bohomazova to study the monuments of the monastic office.

Period of the Russian Empire was reflected in the reports of D.Y. Arapov, T.A. Kruglova, O.I. Eliseeva, V.V. Alekseev, E.Y. Zharova, O.A. Sirotina and A.V. Zaitseva.

D.Y. Arapov's report was devoted to the work of Russian diplomatic representatives (primarily N.F. Petrovsky) in Asia. D.Y. Arapov shared his observations concerning intelligence affairs of the time. In particular, he has examined in detail the "Instruction Russian native scouts" as a historical source. Speech of D.Y. Arapov distinguished by great vitality, a scientist linked the political realities of the XIX century to the contemporary situation in some Asian regions, causing the audience's full approval.

O.I. Eliseeva reasonably disputed the accuracy of the "Notes" of Pr. E.R. Dashkova – a source that is too often used by historians of Catherine's era without any attempt at critical analysis. A new step in the study of this monument is the conclusion of O.I. Eliseeva: "At the moment we can say that the researchers have story of a life lived in the imagination. Source literary rather than historical. It does not show actual events, but the vision of an author who thinks better of his past to come to terms with it".

TA Kruglova questioned the attribution of the addressee letter A. Krylov of the siege of Yaitsky fortress (1774) proposed an R.V. Ovchinnikov. From the point of view R.V. Ovchinnikov, it is most likely the first member-correspondent of the St. Petersburg Academy of Sciences, P.I. Rychkov. T.A. Kruglova argues that eliminate the possibility of such attribution. She managed to prove that the letter is addressed, most likely, to the military face. Set a specific reporter of A.P. Krylov, according to T.A. Kruglova, is not yet possible, but the search should be done in a military environment.

V.V. Alekseev told on the Readings on the methods of work with sources of M.V. Lononosov – as a historian and as a poet.

O.A. Sirotina highlighted in her speech the fate of the famous restorer A.I. Anisimov, first of all, his work with the Novgorod monuments of ancient art. The researcher managed to find in the collection of letters of P.S. Uvarova the information that sheds new light on the career of a scientist.

Reports E.J. Zharova and A.V. Zaitseva was devoted to the history of higher education in pre-revolutionary Russia. E.J. Zharova considered of published by universities the "Reviews of teachings of sciences" as a source for the history of education. A.V. Zaitseva as the object of investigation has the copies of educational publications that result from active work of the student communi-

ty, a kind of "self-published". Its report revealed information capabilities of such monuments as a source of information not only about the text of lectures of university professors (in some cases not published), but also on the existence of textbooks among students. Report of the A.V. Zaitseva met a positive attitude audience: there are innovative.

The meeting of the section "Visual Resources" led A.V. Laushkin. Reports were presented by six members of the Readings.

In a joint statement of E.V. Ukhanova and T.D. Goryacheva considered the image of an unknown saint in Cyril's Church in Kiev of the XII century. The analysis of the iconography of the images as well as text and graphics labels on roll, which he holds, speakers led to the following conclusions: first, a picturesque monument dates back to probably the middle of the XII century. Secondly, "...perhaps the fresco of St. Cyril's Church in Kiev – the earliest surviving in Old Russian art images of Ephrem the Syrian and the earliest in ancient Russia reproducing of text of the fragment "Parenesis" of Ephrem the Syrian, as its the earliest surviving complete manuscript is a list of the end of the XIII century". It is encouraging to note that in the speech of E.V. Ukhanova and T.D. Goryacheva seen the continuation of the traditions of the complex research of sources, which once laid V.A. Plugin.

Report of O.G. Ulyanov concerned the attribution of "epitaph" of Ven. Andrei Rublev. The historian spoke about the controversy that arose in the scientific community about this monument. He strongly defended the painting of Ven. Andrei Rublev from amateur attempts of the reattributing. O.G. Ulyanov also cited a number of impressive arguments against the view that the text on the tombstone of Ven. Andrei Rublev – falsification of the XX century.

A.V. Laushkin introduced graphic sources on the history of marine navigation marks in the north Russia. Among them were the book *engravings* of end of the XVI century and later photos of wooden crosses (also serving as navigation marks), in form similar to medieval examples. In his speech, the fate of Russian maritime affairs pre-Petrine era was closely intertwined with the early history of the Solovetsky monastery.

In his speech J.A. Stroganova lit the painting system of Tsarina's Golden Chamber of the Moscow Kremlin. Considering the partial preservation of other works of art of the old Moscow, and their distortion of renovations later, particular importance is the study of the complex of preserved paintings in Tsarina's Chamber of the Moscow Kremlin, where "...some scenes... are unique and have no analogies in monumental art".

In the report of S.S. Veselova are considered the possibility of studying of Russian conservatories in the palaces and mansions of XVIII – early XIX century, by various sources. Among the sources where can find information about winter gardens, S.S. Veselova carried the business records, drawings, narrative monuments, engravings, paintings and photographs.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков. Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Сноски даются постранично, нумерация сносок сквозная. В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет по прошествии года с момента его печатной публикации, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: ipo1972@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович